

СИНТАКСИС

ПУБЛИЦИСТИКА

КРИТИКА

ПОЛЕМИКА

37

**ПАРИЖ
2001**

Журнал редактирует:

М. РОЗАНОВА

The league of Supporters: Е. Афанасьева, Л. Баткин,
Л. Богораз, Ю. Вишневская, И. Голомшток, П. Литвинов,
М. Окутюрье, Н. Рубинштейн, Т. Толстая

**Мнения авторов не всегда совпадают
с мнением редакции**

© SYNTAXIS 2001

Адрес редакции:

8, rue Boris Vildé
92260 Fontenay-aux-Roses
FRANCE

Тел. (33-1) 46 61 28 38
Факс (33-1) 46 61 25 21
e-mail : maria.siniavski@free.fr

М.Розанова

КАВКАЗСКАЯ ПЛЕННИЦА

Обрывки воспоминаний: первые послевоенные годы. Мой отчим – тогда капитан политуправления погранвойск – частенько ездит в командировки куда-то на юг, а мать почему-то волнуется. Почему? Война же кончилась... А однажды она открывает свежую газету и я слышу такие слова: «Странно, – говорит моя мать – с чего это вдруг уже третий день в «Правде» пишут о дружбе народов? Не иначе как где-нибудь на Кавказе опять схватились за кинжалы...»

Все знают – очень плохой товарищ Сталин выселил целые народы, ни в чем не повинные народы с чадами и домочадцами. с малыми детьми и глубокими стариками, переселил их в голодные степи, и сколько их погибло от голода и холода...

Но вот вопрос – почему одни народы выселили, а другие народы остались на своей земле? Кого ни спрашивала – ответа никто толком не знал. Говорили: о кавказских страстях и обидах товарища Сталина (а при чем здесь крымские татары? – не унималась я). о сотрудничестве с немцами, но разве мало украинцев сотрудничало с немцами? Украина слишком большая для такой акции? А Эстония? Коллаборационистов судили, казнили, отправляли в лагеря и ссылки, но не всем же народом! Здесь не сходились концы с концами, и что-то было не так.

Вопрос становился почти наваждением, как когда-то в детстве, когда мне около пяти, я уже давно, хорошо и все подряд читаю – книги, вывески, газеты... И вот передо мной большие двери, а слева и справа – витрины, на которых золотом написано: на одной «аптЕка», а на другой «оптИка». И я ничего не понимаю: это ведь одно и то же слово, а пишется почему-то по-разному...

Ответ пришел совершенно неожиданно из недр одной из моих профессий. Дело в том, что много лет я печатала свой журнал «Синтаксис» в собственной типографии, которая кроме синтаксических изделий еще брала заказы на печать у разных лиц и организаций. И вот однажды звонит мне новый клиент и просит приехать к нему, чтобы обсудить большой типографский проект. Я, говорит, старый, мне, говорит, самому приехать трудно. Приезжаю. И попадаю в чудесный дом отставного профессора Беннигсена, специалиста по мусульманским странам, сына известного путешественника и этнографа (см. «Легенды и сказки Центральной Азии, собранные графом А.П.Беннигсеном», СПб, 1912), который предлагает мне принять заказ от Society for Central Asian Studies (Оксфорд) на переиздание серии книг о мусульманах в России и просит сделать смету на первую книжку. Но как только я делаю предварительные подсчеты, происходит нечто невероятное: клиент вместо того, чтобы скривиться и хотя бы намекнуть на то, что «дороговато», как поступают обычно заказчики, вдруг говорит: «Марь Васильна, а не *мало* ли вы берете? Ваша работа должна стоить гораздо больше!» Я, удивилась, но отказываться не стала, а когда книга была кончена печатью, за ней приехал из Оксфорда сам руководитель азиатского Society. – роскошный американец Э.Уимбуш, в прошлом студент Беннигсена в университете города Чикаго.

Потом я напечатала вторую книгу, третью, а на четвертой американец спросил, не предпочла бы я получать деньги за работу не банковским чеком, а наличными. На этой фразе все стало на свои места – я достаточно хорошо знала, что «черным налом» на Западе платят только спецслужбы. Всего из моей типографии вышло двадцать книг: «Туркестан – колония». «Казахи о русских до 1917 года», «Восстание казахов и киргизов в 1916 году». «Три имама» и еще шестнадцать.

Они никогда не поступали в книжные магазины. В университетских библиотеках Европы и Америки их тоже нет. Все тиражи шли в наши республики, а прекрасный американец пошел на повышение: стал директором радиостанции «Свобода»...

А когда мы подружились с Беннигсеном, который был научным руководителем серии, он мне поведал, что в основе этого издательского проекта лежала его докладная записка в ЦРУ, где он доказывал (и убедил!), что справиться с советской властью и российским коммунизмом можно только мусульманскими руками, и как поэтому важно напоминать мусульманским народам про наши русские порабощения, и как они с нами, русскими, всегда сражались за свою юго-восточную свободу. И вообще – вы прочтите книгу Юджина Лайонса «Наши тайные союзники – народы России» (русский перевод – Мюнхен, 1952) – уговаривал меня Беннигсен, – а еще почитайте Николаевского – много чего узнаете про «дружбу народов»...

Борис Иванович Николаевский (1887-1966) – русский историк, архивист, журналист и меньшевик, один из основателей и директор (1919-20 гг.) историко-революционного архива в Москве, был арестован, провел год на Лубянке, и в 1922 году выслан из страны. В эмиграции – ведущий сотрудник меньшевистского журнала «Социалистический вестник», а также создатель нескольких знаменитых архивных фондов. В конце войны и в первые послевоенные месяцы Николаевский из Нью-Йорка рванул в Европу и проехал по лагерям перемещенных лиц, где собирал рассказы бывших советских граждан и... старые газеты. Потому что если центральных советских газет на Западе было много, то периферийная пресса была редкостью, а уж газета из под немецкой оккупации за границу страны (да и в страну тоже) не поступала. Результатом этих исследований стали: книга (совместно с Д. Даленом) «Принудительный труд в Советской России» и серия статей, в одной из которых обнаружилась практически не обсуждаемая ни до, ни после информация.

Читайте: «Во время оккупации Крыма гражданская власть в нем принадлежала румынскому командованию, при котором был образован особый татарский совет, носивший

формально совещательный характер, но игравший большую роль в деле управления Крымом. Этот совет обратился к румынским властям с просьбой разрешить им уничтожить всех русских, проживающих на территории Крыма; свою просьбу он мотивировал тем, что русские всегда угнетали татар и будут угнетать в будущем, если только не будут уничтожены физически. Румынское командование, вообще боявшееся прибегать к суровым репрессиям, этой своеобразной «просьбы» прямо испугалось и ответило отказом, но когда татары приступили к проведению в жизнь этого плана своими собственными силами, то сопротивления со стороны румын они почти не встречали. Резня была проведена организованно, продолжалась несколько дней: вырезано было по одним сведениям около 70 тысяч, по другим – свыше 100 тысяч, главным образом вне городов». («Социалистический вестник». 1946, №1)

Так я впервые прочла про ненависть не к *Советской власти*, а к великому *русскому народу*. Концепция не самая популярная – ни в метрополии, которая жила под флагом «дружбы народов» и звон бубенцов очередной национальной декады, ни в эмиграции, где нельзя было сказать «русские танки вошли в Прагу», а только «советские танки», ни среди татарских правозащитников, которые сражались за свое возвращение в Крым, шли за это в лагеря, и никогда бы не признались в былой резне (а может и не знали о ней: не тот сюжет, чтобы им особенно хвастаться)... Даже достаточно свободный от эмигрантских предрассудков Николаевский старался лишний раз не говорить о ненависти переселенных народов к русскому, а все, что можно сваливал на Советскую власть. По этому же накатанному пути шло большинство опрошенных мною уже сейчас, во время родных демократических чеченских войн. Итак, почему одних так, а других этак?

Наталья Иванова: К кому-то Сталин относился лучше, к кому-то хуже, а кого-то просто не успел...

А.Генис: Он выселил те народы, которые внушали сомнение в своей лояльности к советскому режиму. Это не моя, это общепринятая точка зрения.

Ф.Искандер: Он опирался на свои эмоции и какие-то сведения, которые ему давало НКВД. Но последовательности

не ищите. По его представлению те народы, которые он ссы­лал, были неверными советской власти.

Что проблема выходит за пределы Советской власти, почувствовали немногие:

В.Третьяков: Расовых предрассудков у него не было. Те, кто боролся, кто не смирился, тот был выселен.

А.Пятигорский: Для него это не было стратегической проблемой, для него это не было даже идеологической проблемой, а просто было продиктовано ситуацией сегодняшнего дня.

Тут необходимо добавить, что Пятигорскому когда-то крымские старожилы рассказывали о резне, поэтому информацию Николаевского он подтверждает, сомневаясь только в цифрах. Завышены, говорит, вырезано было не больше 50 тысяч. Тоже красиво...

А может быть Крым – это случайность? И другим народам мы не столь отвратительны?

Но почитаем Приставкина («Ночевала тучка золотая»): «Колька побегал по улице, прямо к Сашке, а сам подумал, что хорошо бы потихоньку, пока Сашка ловит ворон, это с ним и прежде бывало, зайти со стороны забора, да и гаркнуть во весь голос: «Сдавайся, руки вверх – я чечен!» /.../

Ему вдруг стало холодно и больно, не хватило дыхания. Все оцепенело в нем, до самых кончиков рук и ног. Он даже не смог стоять, а опустился на траву, не сводя с Сашки расширенных от ужаса глаз.

Сашка не стоял, он висел, нацепленный подмышками на острия забора, а из живота у него выпирал пучок желтой кукурузы с развевающимися на ветру метелками.

Один початок, его половинка, был засунут в рот и торчал наружу толстым концом, делая выражение лица у Сашки ужасно дурашливым, даже глупым. /.../

Теперь, когда он встал напротив, он увидел, что у Сашки нет глаз, их выклевали вороны. Они и щеку правую поклевали, и ухо, но не так сильно.

Ниже живота и ниже кукурузы, которая вместе с травой была набита в живот, по штанишкам свисала черная, в сгустках крови Сашкина тресбуха, тоже обклеванная воронами.

Наверное, кровь стекала и по ногам, странно приподнятым над землей, она висела комками на подошвах и на грязных Сашкиных пальцах, и вся трава под ногами была сплошь одним загустевшим студнем».

Господи, как страшно! И какое пронзительное, детское слово – «штанишки»...

Но может быть это просто черные силы, развязанные войной и разрухой? Перенесемся на четверть века вперед, в мирное время брежневского застоя. В потьминских лагерях строгого режима сошлись два политзаключенных, два интеллигента – русский и чеченский. Русский – Андрей Синявский – рассказывал мне в письмах: «Я начал переводить чеченские песни, по-видимому еще не записанные. Они удивительны несвойственными обыкновенно песне сложностью и гибкостью психологического рисунка. Все движется на полутонах и оттенках, и песня как бы поворачивается в своем течении, меняя значения, при монотонности общей мелодии...», а в записных книжках Синявского находим:

«В лагере у меня был разговор с мусульманином. Понятно, он не любил русских, зная по преданиям старины о завоевании Кавказа и сам ребенком испытал депортацию, когда в товарном вагоне умерла его мать, его дед, его маленькие братья. И, естественно, я разделяю его горе, но стараюсь все же объяснить, что не все русские такие плохие, что русские тоже люди, а не звери. А кроме Корана существует, например, Евангелие, где высказаны высшие нравственные заповеди христианства.

И вдруг выясняется, что для него равнозначны такие понятия, как: русские, большевики, христиане и европейцы. Я пытаюсь ему растолковать, что между большевиками и христианами нет ничего общего. Но с его точки зрения это одно и то же: завоеватели, обманщики, убийцы, насильники... Но как же Евангелие? Однако это для него не довод, Христиане не придерживаются Евангелия. – говорит он. Вот мы, мусульмане, придерживаемся Корана и живем по правде, А Евангелие для христиан-русских-большевиков-европейцев только обман.

И тогда я ему говорю, что многие народы совершали жестокости. Например, турки, хотя и магометане. У турок был обычай исключительно жестокой казни – человека сажали на

кол. Так он мне не верит и говорит, что все это ложь, потому что магометанин не может совершать жестокие или безнравственные поступки, что все это нарочно выдумали собаки-христиане-большевики-европейцы-русские, чтобы скрыть собственную жестокость.

Идеальный порядок для него, идеальное государство, помимо собственного народа, это Арабский Халифат. И даже татаро-монгольское нашествие представляется ему в каком-то идеальном свете. А именно, маленькая кучка благородных рыцарей безо всяких жестокостей, ради справедливости, завоевала громадную, трусливую и зверскую Русь. И жаль, что не завоевала Европу... Я просто ушам своим не верил. Но это был действительно очень честный, добрый и умный человек. Просто Россия, соединяя в себе, в его глазах, христианство, большевизм и Европу, принесла слишком много несчастий его маленькому народу...»

Но и в самом деле, – а кому из завоеванных нами, русскими, народов мы принесли счастье?

За полтора ста лет – с Екатерины –
Мы вытоптали мусульманский рай,
Свели леса, размыкали руины,
Разграбили и разорили край.
Осиротелые зияют сакли.
По скатам выкорчеваны сады,
Народ ушел, источники иссякли.
Нет в море рыб, в фонтанах нет воды.

Это – Волошин, 1926 год. Но это не про большевиков.

Здесь, в этих складках моря и земли,
Людских культур не просыхала плесень –
Простор столетий был для жизни тесен,
Покуда мы – Россия – не пришли.

Это про нас, русских, это про меня... Это я ходила в туркестанские походы, это я делила с Гитлером Польшу, а собственного своего прапрадеда ссылала в Сибирь после очередного польского восстания, я завоевывала Кавказ в прошлом веке и захватила Прибалтику в 1940 году, и в Крым с

Потемкиным-Таврическим входила тоже я. И так всю дорогу, сплошной «Кавказ подо мною» как заявил Пушкин, то есть – под нами! под русскими! Кавказ взят! Ура, Владикавказ! Владеем!

Но – «Один в вышине стою над снегами у края» честно предупредил Лермонтов, читая Анатолия Приставкина. Ибо это край, когда «по штанишкам свисала черная, в сгустках крови, Сашкина требуха, тоже обклеванная воронами»... это наше светлое будущее, если мы не сумеем освободиться от великой победы русского оружия – завоевания Кавказа. Не может быть мира и тишины в городе, который называется ГРОЗНЫЙ. И что кроме светлейшей русской литературы имеем мы с этого Кавказа в сухом остатке?

Ах, да! Еще какие-то капли какой-то там нефти (будто без того крантика в Чечне наша самая богатая в мире страна не обойдется)... А я думаю о том сгустке ненависти, который заложен нами в кавказских горах и про то, что чеченским мальчишкам, которым сегодня восемь лет, очень скоро будет пятнадцать, восемнадцать, двадцать два и они никогда не простят нам того, что мы сделали с Чечней.

Предвижу возражения: взрывы, заложники, снайперы и вообще чеченский след. Соглашаюсь. Более того – я не люблю чеченцев. Я не способна на безответную любовь. Но... Я перед ними виновата, а они передо мной нет. Поэтому наш единственный шанс победить – это одержать самую трудную победу. Победу над самими собой. Мы должны оттуда уйти, иначе война будет длиться вечно и мы погибнем.

Уйти с Кавказа... У товарища Сталина был выбор: начать войну с народами или переселить особо опасных подальше от источника раздражения – русских. Он выбрал переселение, что, конечно, преступление. Нынешние демократы выбрали войну. Первую чеченскую. Вторую чеченскую. Думаю, что по последствиям – и по человеческим потерям, и по материальным, не говоря уже о нравственности и психологии, мы уже товарища Сталина переплонули.

Уйти и покаяться. Покаяться и уйти. Попросить прощения: мы больше не будем. Построить границу. Конечно, это трудно. Хорошо было Англии – она просто отплыла от своих колоний, но вспомним, сколько крови попортил Алжир Фран-

ции и как по сей день расплачиваются американцы за хижину дяди Тома.

Тем более, что есть еще одна сторона колониальной проблемы. Демографическая. Статистика утверждает, что завоеванные нами когда-то народы размножаются гораздо быстрее, чем мы, завоеватели. И если сорок-пятьдесят лет тому назад на вологодском рынке три азербайджанца торговали виноградом, а один абхазец – сухим вином, то теперь появилось словосочетание «лица кавказской национальности», которым достаточно плотно припорошен весь российский торговый сектор. Когда-то мы завоевывали Кавказ, сегодня Кавказ захватывает нас. Может быть это некое историческое возмездие, но Россия мало-помалу становится кавказской пленницей.

Я знаю, что у меня мало единомышленников, Вот недавно разговаривала с одним очень уважаемым российским политиком – уговаривала его возглавить движение за отделение Чечни. Не вял.

Или. Включаю Би-Би-Си. Наталья Рубинштейн ведет передачу «Современное общество в свете Чеченской войны». Что же я слышу?

«Н.Р.: И вот звучит голос писателя, столько лет учившего мир «жить не по лжи»

А.И.Солженицын: Не мы напали. Где-то надо же остановиться. Ведь мы пятнадцать лет во всем отступаем. Мы везде только капитулируем. И в 96-ом году капитулировали. И нашей капитуляции не оценили. Не оценили того, что мы сделали. Мало! Что же делать? Наша страна не может отказать себе в праве обороны. А оборона, она требует окончания операции. В какой-то форме...»

Уйдем к поэтам. С ними надежнее... К Цветаевой, например...

А может, лучшая победа,
Над временем и тяготеньем –
Пройти, чтоб не оставить следа,
Пройти, чтоб не оставить тени
На стенах...

Я И VOX POPULI

Когда я печатала «Кавказскую пленницу» в «Независимой газете» (11.05.01), я понимала, что сторонников у меня почти нет и возражения, естественно, будут. Но я не подозревала, что мои оппоненты просто не умеют читать. Ведь смысл статьи предельно ясен: мы – оккупанты, а это чаще всего плохо кончается. Не бери чужое – хуже будет. Вот и все, что сказано. И вдруг не малограмотный дворник Вася, а кандидат исторических наук, заведующий отделом проблем межнациональных отношений Института политического и военного анализа СЕРГЕЙ МАРКЕДОНОВ возражает мне так:

УЙТИ НЕЛЬЗЯ ОСТАВАТЬСЯ (Н.Г.26.05.01)

Многие представители российской интеллигенции (особенно творческой) рассуждают о "слезе чеченского ребенка", о бомбежках мирных городов, зверствах российских солдат, фильтрационных лагерях, "геноциде", "расистском" характере контртеррористической операции, притеснениях журналистов и ограничении свободы слова. Отсюда мораль - немедленно объявить "мир без аннексий и контрибуций". С кем, как, на каких условиях – неважно.

...Что же предлагает нам автор статьи "Кавказская пленница"? Набор рецептов преодоления "кавказской смуты", прямо скажем, не отличается новизной. Все то же и о том же: "Уйти и покаяться. Покаяться и уйти. Попросить прощения: мы больше не будем. Построить границу...".

Но покаяния за Чечню Марии Васильевне маловато. Нам нужно нести еще и "крымский крест". Если проблема российско-крымских отношений действительно волнует госпожу Розанову, то неплохо было бы хоть бегло ознакомиться с материалами Посольского приказа, хранящимися в Российском государственном архиве древних актов. На худой конец обратиться к трудам российских историков... И узнать, что ... были в нашей истории не только депортация 1944 г., но и разорение Москвы 1571 г., постоянные набеги на русские рубе-

жи (последний - во время Русско-турецкой войны 1768-1774 гг.!), увод многотысячных "полонов" и "поминки" ханам, а проще говоря, дань.

Уже не слишком удивляет, но по-прежнему огорчает то, что среди поборников "покаяния" и "ухода" первенство принадлежит тем, кто называет себя демократами. Но нельзя же в самом деле считать демократией торжество "законов гор", кровную месть, тейпокрatism, работорговлю. Неужели режим Дудаева-Масхадова видится критикам "силовой акции" образцом воплощения ценностей свободы личности?..

...Наши правозащитники так и не смогли отделить "зерна от плевел", коммунистическую идеологию от собственно государства, которое было, есть и будет всегда. Россия, под каким бы флагом она ни выступала, имсет непреходящие интересы, которые нельзя игнорировать ...

... Сепаратистский вызов, брошенный России, не оставляет иного выбора - либо вести борьбу за искоренение этой "политической чумы", неся при этом жертвы (может быть, и большие), либо, произнося заклинания о мире, высокой цене и разрушительном характере войны, отказаться от государства как такового...

Другой читатель не заметил, что я толкую об отделении, о границе, и давай причитать:

РАЗВЕ ОНА НЕ ЗНАЕТ... (2.06.01)

Мария Розанова в статье «Кавказская пленница» призывает Россию «уйти» из Чечни и пугает: «Иначе война будет длиться вечно и мы погибнем». Почему она забыла, что Россия выводила свои войска из Чечни в 1996 г. И что же она получила в благодарность? Через три года, вооружив свои банды, Ш.Басаев вместе с наемниками Хаттаба вторгся в Дагестан, чтобы осуществить великие планы создания Чечни «от моря до моря» – от Каспийского до Черного.

Неужели М.Розанова не знает, что в 1992-1999 гг. «Исламская республика Ичкерия» превратилась в осиное гнездо международного терроризма, в транспортный коридор для доставки миллионов доз наркотиков из Афганистана в Россию, Украину и страны Западной Европы?

... Только за период 1996-1999 гг. чеченские боевики захватили в Чечне и в республиках Северного Кавказа до трех тысяч заложников, за которых они получали миллионы долларов выкупа. ... Разве М.Розанова не знает об этом?

... Чеченские бандиты грубо нарушают международные пакты о гуманном обращении с пленными, они, как звери, обращаются с ними: обрубают им руки, ноги, уши, головы. Например, у 4 заложников из Великобритании были отрезаны головы. Их трупы были доставлены на родину в 1999 г. Неужели М.Розанова не знает об этом?

... В пос. Буденновске Ставропольского края, они «хозяйничали» в больнице, при этом убили более 100 женщин, детей, стариков. И про это г-жа М.Розанова «забыла»?

... А в 1999 г. они для запугивания мирного населения всей России организовали ряд взрывов на Северном Кавказе (в Пятигорске, Минводах и др.), взрывы жилых домов в Буйкакскe, Москве, Волгодонске и др., когда погибли несколько сот мирных жителей (женщин, детей). Неужели М.Розанова тоже «забыла» об этом?

Владимир Семенович Бурлак, Харьков

А гуманист-безбожник рассказал мне старые сказки про дружную семью народов и как это прекрасно:

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО МАРИИ РОЗАНОВОЙ

Уважаемая Мария Васильевна! Ваша статья задела за живое. Но отнюдь не из-за солидарности с вполне справедливым неприятием войны на Северном Кавказе против части своего же, российского населения. А из-за призыва во имя высших принципов человеколюбия бросить все как есть и уйти восвояси. Нехорошо, начав, не доводить дело до конца. Я был и остаюсь сторонником наказания по всей строгости закона главных государственных преступников – господ Ельцина, Гайдара и иже с ними, ставших инициаторами разрушения нашей общей Родины, а затем и развязывания проклятой гражданской войны. Однако убежден: крайне непорядочно оставлять на растерзание волков тех, кого мы подрядились защищать, кто поверил нам, и даже поддерживал наши благие порывы. Не по-хозяйски распоряжаться таким образом добром,

нажитым в том числе и нашим трудом. И уж ни в какие морально-нравственные ворота не влазит подобное отношение к памяти тех, кто пролил свою кровь.

По-видимому, вы хотели провозгласить нечто гуманистическое (и потому дорогое мне), а вылезла «христианская немочь бледная», когда, получив по одной щеке, покорно подставляют другую. Да и вы достаточно трезво оцениваете сваливавшуюся с неба манну, рассказав о том, как догадались по предложению слишком щедрой оплаты вашего труда, кому выгодны публикации материалов, могущих разжечь национальные страсти в семье народов нашей с вами Родины.

И вдруг дальше делаете неожиданный, нелогичный зигзаг, предлагая не бороться за Чечню лишь по той причине, что там продолжают считать русских завоевателями. Рассуждая таким образом, можно прийти к выводу, что русские не имеют права проживать в Москве, ибо в самом ее названии звучит что-то угро-финское (а точнее, мордовское), татары и башкиры в Волго-Камском бассейне, калмыки возле Каспия... Тот же Ельцин толь по пьянке, толь по чисто купеческим замашкам чуть не отдал южные Курилы японцам.

Гуманизм – не в раздаче благ и территорий по принципу «любят – не любят». Это церковники шеголяют понятием «любовь». Гуманизм – в уважении людей и самого себя, в создании условий для собственного выживания и развития, в стремлении поделить своими возможностями с нуждающимися, наконец, в здравом смысле. Уж простите за некоторое резонерство, только без него сегодня не обойтись: на каждом шагу приходится сталкиваться с трескотней о правах человека. А вот об обязанностях, о долге слышно маловато. Свобода же вообще представляется без берегов.

Вы вспомнили, что Синявский не понял коллегу по заключению – чеченского националиста. И вы же, с вашей проницательностью, понимаете ныншнее ичкерийское сопротивление! Но почему вы не хотите узреть возвращающийся к нам религиозный фундаментализм (мусульманский или русско-православный), а с ним естественнонаучное невежество? Шарият уже показал свои волчьи клыки. Домострой еще ждет освящения в масс-медиа. В любом случае нельзя допускать

дальнейшего их распространения, особенно на бытовом уровне.

...И вы разбираете побудительные причины, заставившие Сталина удариться в наказание отдельных народов. Что свидетельствует о вашем стремлении к объективности. Увы, это стремление почему-то не приводит к мыслям о нашем общем долге перед и чеченским, и любым другим «репрессированным» народам нашей страны, о налаживании нормальных отношений в границах единого государства... Неужто ошарашили факты работоторговли, с одной стороны, и будановщины – с другой, настолько, что появляется первое желание бежать и не оглядываться? Но от подобных проблем не убежишь. Они найдут нас в любой точке нашей отчизны, пусть и еще уменьшенной. Их надо решать кропотливо и упорно, изо дня в день и до скончания века каждого из нас, решать по-человечески и будучи людьми.

Евгений Константинович Сметанин. Москва.

Но самое большое русофобское удовольствие я получила от коллекции откликов в Интернете. Если в письмах прессе авторы старались быть вежливыми, то Интернет... Ах, уж этот шалуншишка Интернет, где ты можешь позволить себе что угодно, не выбирая слова, и не стесняясь орфографией. Электронный вариант заборной литературы... Отдельные всплески здравого смысла тонут в «денисах» и «тиг»'ах.

1. 09:15 11.05.2001. Роман.

Ах, как это возвышенно-благородно, со скупой слезой, по-русски: всем упасть на колени и каяться.

"Прозябая" в собственной типографии и зарабатывая на изготовлении самого подлого оружия идеологического, приводящего к обману, оболваниванию, разжиганию вражды между народами, не следует наставлять на путь истинный других в решении межнациональных конфликтов.

Увы, русская интеллигенция всегда на том и горела, что витала в облаках, в умозрительных схемах, заменивших ей реалии, более того, возлюбила их и поверила в реальность

этих мысленных конструкций, готова пожертвовать реально-стью ради иллюзии.

А реалии таковы, что отделение Чечни не приведет ни к чему, кроме немедленного установления контроля Штатов, которые будут использовать этот плацдарм для постоянной террористической агрессии в отношении всех Кавказских и Центральноазиатских республик.

Беда России не в войне, и не в ненависти чеченцев. Беда России в слабости власти и непоследовательности при принятии жестких решений. Демократия - при выборе пути, но в пути не надо шоферу командовать какой ногой давить на какую педаль. Ясность целей и прозрачность методов - вот способы разрешения конфликта. И жесткая дисциплина в собственных рядах.

2. 12:24 11.05.2001. voldemar

Достаточно аргументированная статья и вызывает уважение отречение автора от колониализма и имперского духа. Чечня - это тупик, потому что наше руководство мыслит категориями прошлого века: конституционный строй, единство федерации... Наша территория та, где большинство населения готово выполнять наши законы и признает высшую власть президента и парламента. В Чечне этого нет и никогда не будет, пора понять это, а то замаячил Афганистан-2, только в данном случае негативные последствия для армии и нашего государства значительно ощутимее.

3. 12:44 11.05.2001. NN

Очень полезная информация – с важными и интересными фактами и именами...

Действительно, очевидно, что так называемое национально-освободительное движение в Чечне вполне равнозначно нацизму. Не стоило бы только говорить, что ВСЕ чеченцы ненавидят русских, как не все немцы ненавидели евреев, хотя массовость участия немцев в нацизме и холокосте ничуть не меньше, чем татар и чеченцев – в истреблении русских. Но вот вывод поражает – не те. КТО резал, должны каяться, а те КОГО резали... И аргумент – стихотворение Волошина, поэтизировавшего историю своего любимого Крыма (где «рай» под-

креплялся невольничьими рынками для захваченных русских и украинцев). Если уж каяться, г-же Розановой стоило бы начать с себя, потому как зарабатывать на пропаганде расизма вроде бы не очень красиво. И неясно, согласилась ли она на черный нал, что нарушает уже не моральные а самые что ни на есть уголовные законы, причем не в варварской России, а в прекрасной Франции...

Но факты стоят дороже выводов. Bravo, Розанова!

4. 13:29 11.05.2001. Олег. Владивосток.

В отличие от Франции и Англии нас от Чечни не отделяют океаны и Средиземное море, и еще самое главное Чечня никогда не станет цивилизованным государством, это уже всем известно. Проблему все-таки надо решать, другой вопрос, что надо менять способы этого решения и военные, и экономические, и политические. Сейчас такое впечатление, что власти не знают что делать.

5. 14:03 11.05.2001. Денис. Иркутск

Одно слово вшивая ителлигенция. Которая ни чего путного кроме писанины с роду делать не умела. Даже Солженицина проняло. Эти же не пробиваемы. Правильно один большой товарищ их посылал в те же места что и этих головорезов. Чувствуется его гениальность. Прощения у них просить. Надо же до такого додуматься. За что? За то что они к нам в Дагестан вперлись? Простите пожалуйста. Кстати подобное выгораживание своих в любых ситуациях очень характерно для некоторых нацменов. Помнится одна Чеченка в Дагестане, на блок посту. Второй день вторжения, она идет в Чечню, её спрашивают, как она относится к тому, что чеченцы напали на Дагестан. Это второй день. Российские войска только разварачиваютя. Этих ублюдков сдерживают редкие милицейско-армейские заслоны и стихийноес ополчение. А она без тени сомнения говорит что это русские опять напали на чеченцев. Умудрились ведь заманить Басаева, этого святого человека, в Дагестан и кровожадно напали. А уж про дома я вообще молчу. Как тут без ФСБ. Оно ведь спит и видит как бы еще несчастный народ опорочить.

Лечение от этого одно. Немцы тоже не верили что их гуманный народ концлагерей понастроил. Так союзники их по этим лагерям в принудительном порядке водили, и мордами тыкали в убитых. Очень доходчиво. До сих пор нацистов боятся. И с этими также нужно. Заставить их разучить имя каждого взятого заложника, или застреленной русской бабушки. Не выучит на Таймыр. Кто выучит тот для общества не потерян.

6. 15:00 11.05.2001. ВОЈ. Москва.

В общем и целом согласен с госпожой Розановой. Я хоть и кавказец не пойму что такого плохого Россия нам сделала. Здесь автор немножко перегибает. Может она хотела сказать Чечня а сказала Кавказ, серьезная ошибка но что с нее взять она не географ и не военный. По большому счету у России кроме Чечни нет ни одного полностью враждебного ей народа. Есть может какие-то проблемы, но скажем желания мстить русским за порабощение по-моему ни у кого особо нет.

Все ошибаются. Иногда ошибаются народы. Что делать. Главное при этом не лицемерить. Ибо лицемерие в политике вещь распространенная и очень потому жестоко наказуемая. На мой обывательский взгляд понемногу правы все. Значит и неправы все по большому счету. Мне кажется надо строить границы с недружественными государствами. И еще. Пока мы тут воюем с этими бойцами мы теряем силы. Мы отдаем гораздо больше сил и людей чем воспроизводим. Это очень плохая математика. Надо ее менять...

7. 19:29 11.05.2001. Архистратег

Согласен с Денисом.

А Розанова – просто проститутка.

8.20:02 11.05.2001. Денис. Иркутск.

В газету "Казачис ведомости"

В газету "Терской казак"

от Правоверных Мусульман Северного Кавказа

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ

Мы внимательно читаем ваши газеты, жалкие выродки, называющие себя казаками. Так вот, русская мразь, то что не

удалось сделать Гитлеру, свершим МЫ, правоверные мусульмане!

Уже поднялся и расправил мускулы наш молодой ТИГР Иракский Хусейн, он призовет и мы, правоверные мусульмане, все встанем под его знамя пророка. Мы Мусульмане, нас абсолютное большинство на Земле, и нет той силы, которая могла бы нам противостоять, поэтому мы не скрываем и не боимся никого и ничего.

Спасибо вашему Ленину и другим. Вы, русские, сгнили, вы гнилой труп. жалкие пьяницы, среди вас уже не осталось мужчин, вы сами себя сожрали, СЛАВА АЛЛАХУ.

Казачество, ХА, ХА, от ваших казаков и от ваших станиц уже ничего не осталось, мы пока сохраняем только их названия, но, СКОРО, русская дерьмо, тем остаткам, кого вы на нашей святой земле называете казаками - Мы выпотрошим кишки, мы будем ебать ваших детей, Мы будем вспарывать животы вашим сукам, мы это уже делаем, но что будет ЕЩЕ! Вам мы отведем, русская погань, землю на Новой земле, там Мы устроим Вам заказник. Будем приезжать охотиться на вас и белых медведей.

Это мы пишем, казаки, в ваши газеты, эти газеты вам же желают добра и напечатают наше предупреждение.

Всему русскому дерьму, мы даем три месяца срок на то, чтобы они все убрались из Чечено-Ингушетии, Дагестана и всего Северного Кавказа. За Ростов, за Дон. Кто останется, будет то, что мы сказали. Мы МУСУЛЬМАНЕ - МУЖЧИНЫ, поэтому предупреждаем.

*****

Это написано ещё до первой чеченской. Кем-то в Чечне. Тоже наверное душа человек. Настоящий мужчина.

9. 20:18 11.05.2001. athabasca to Денис

Ну зачем вы так про интеллигенцию. Я знаю много всякого интеллигентного народа который не собирается ни в чём каяться. Правда все эти люди или "технари" или юристы. Я думаю что все эти завывалы, вроде Розановой, все из так называемой "творческой интеллигенции". В Москве сложилась журналистская тусовка которая занимается откровенно анти-российской и анти-русской пропагандой. Сам я москвич но с

этими тусовщиками в жизни ни разу не сталкивался. И откуда они взялись в моём родном городе я не знаю. Даже Солжик уже обратил на них внимание назвав их образованщиной. Вы можете поближе познакомиться с ними на сайтах и форумах Новой Газеты и на Москосковских Новостях. Их там много сейчас ошивается.

10.20:41 11.05.2001. Денис, Иркутск - athabasca

Признаю свою не правоту. Действительно творческая ител-я и технарская не =. Сам кстати в некотором роде интел-т. Экономическое образование. Одно хорошо творческая отмирает. Она прекрасно жила в СССР но добра не помнила. А в РФ при рынке, только тот кто востребован может зарабатывать на хлеб. А они нет. Ну конечно из-за рубежа им кое-что подкинут, но на всех не хватит. А те что останутся, прикормленные, уже все равно ничего путного не сделают. Открасовались.

11. 02:53 12.05.2001. Александр.

Очередное "творение" очередной продажной душонки, которая обнаглела до того, что даже не скрывает, что практически работает на ЦРУ, активно помогая поливать дерьмом Россию и русских.

Всем, кто чувствует себя виноватыми перед чеченцами, предлагаю переселиться в Грозный для искупления той вины.

Пора поганой метлой гнать подобных "писателей" из России.

12. 05:02 12.05.2001. Влад. Москва.

А госпожу Розанову надо привести в г. Урус-Мартан и оставить на полчаса на центральной площади без охраны ОМОНА. Ах "это не Россия"? Тогда в ставропольскую станицу где чечены десятки лет по ночам грабят и насилюют и заставить перед казаками прочитать свое произведение.

А если серьезно – она не любит пораженца Ленина?

13. 07:56 12.05.2001. Из соседней палаты.

Ага, уйти из Чечни. Из Крыма уже ушли, и из Южной Сибири. Уйти с Курил, покаявшись перед японцами за агрессию. Выборг вернуть финнам, покаявшись за то же. Уйти из

Калининградской области. Ещё откуда, г. Розанова? Из Татарии, Калмыкии, Башкирии, Сибири, Чукотки? Доктор, ну сделайте что-нибудь!

14. 12.05.2001. Александр Костромской. Тронцк.

Чечне ельцинисты де-факто дали независимость. И что же получилось? Непрерывное и наглое похищение и убийство людей. Дошло до похищения представителя президента!

90% популярности Путина связано с его относительно решительными действиями по уничтожению этого криминального режима.

А если поступить так, как предлагает журналистка Розанова, то на десятилетия вперед Россия гарантированно получит на Южной границе бандитский очаг, который будет недоступен для Российских властей. Только если уж разве президента украдут, можно будет их независимость потревожить.

15. 17:39 12.05.2001. Денис. Иркутск.

Не трудно предсказать их поведение в случае похищения президента. С пеной у рта будут кричать что это провокация ФСБ. Оно его похитило и где то держит, но не в Чечне.

16. 16:41 14.05.2001. Marina. Moscow.

Очень неоднозначно написано, но здорово! Почти со всем согласна. Решение вопроса лежит именно в этой плоскости.

17. 18:31 14.05.2001. К.Н.

Может нам, русским, сразу всем застрелиться, чтобы не оставить ни следа, ни тени? Я все жду, а когда кто-нибудь покается перед русскими, брошенными за новыми границами России? Может, перед Вами чеченцы не виноваты – Вам виднее, а передо мной Бжезинский точно виноват – пусть он первый застрелится.

18. 20:31 15.05.2001. Александр-2. Москва.

Согласен с Денисом, Романом и другими русскими людьми в оценке русофобских писаний гр. Розановой.

Добавить могу следующее.

1. С точки зрения действующего законодательства, текст статьи следует рассматривать, как злоупотребление свободой СМИ (призывы к нарушению территориальной целостности России, разжигание национальной розни).

И если редакции "НГ" мало одного предупреждения, вынесенного вам Минпечати РФ за публикацию человеконенавистнических откровений Масхадова, то будет и второе.

2. По поводу причин того, что Россия "увязла в Чечне". Когда Администрация президента РФ будет очищена от Волошина и других ставленников Березовского и "семьи", когда будет дана установка на поимку и уничтожение главарей бандитов, на перекрытие их финансовых потоков, тогда и будет совсем другая обстановка.

3. Где это видано, чтобы в качестве научного (исторического) факта использовалась художественная брехня словоблудов, вроде Приставкина?

4. Опыт насильственного расчленения, гражданская война и интервенция в Югославии показали, что кроется за предложениями писак, подобных Розановой.

Ведь ей, льющей слезы о бедных татарах и чеченцах, - дела нет до судьбы 300 тыс. россиян, изгнанных из своих домов (где они мирно жили десятки лет после Отечественной войны). Ей глубоко плевать на их слезы, их страдания. Ей не только насрать на их сломанные судьбы – ей даже МАЛО этого. Давай новых беженцев, новых несчастий, новых бездомных (теперь уже – со всего Кавказа). Сколько цинизма, мерзкого, преступного равнодушия к судьбам сотен тысяч своих же соотечественников в призывах "уйти с Кавказа". Для этого нужно долго жить за границей, чтобы так презирать и ненавидеть Россию, чтобы так желать ей и ее народу зла. Вот оно, нравственное нутро таких литераторов, прошедших "школу Бжезинского" и работающих (фактически) в их интересах.

И будь моя воля, я отдал бы эту даму на суд казаков Ставрополя и Кубани, да так, чтобы после 30 ударов плетью по известному месту, у неё надолго отшибло охоту заниматься вопросами геополитики, государственного строительства и межнациональных отношений, в которых она разбирается, "как свинья в апельсинах". Чтобы больше не воняла в газете, издающейся на территории России.

19. 23:13 17.05.2001. **valeri**

Статья просто преступная! Разжигающая ненависть и способная нанести психологическую травму. Пораженческая.

20. 12:24 19.05.2001. **mir**.

Возник спор: гр. Розанова решила пойти по стопам сортирной дамы Политковской или это и есть последняя под псевдонимом?

21. 14:04 02.06.2001. **мартын**.

Об чем базар, господа! Розанова живет в Париже с тыща девятьсот лохматого года, откуда ей знать, что такое есть жизнь в России!

Цитирует Волошина, но он не историк, а поэт, откуда ему знать, что до того, как крымские татары организовали там "мусульманский рай", там был, скажем так, рай греческий? И этот самый мусульманский рай обернулся для других народов адом? А с Чечней вообще ахово – задолго до завосвания Кавказа российской империей бесконечные набеги – до территории юга нынешней Рязанской области доходили с грабежами, убийствами, за рабами!

Сравнение с США вообще не имеет смысла – африканцы не делали набеги на Бостон, не крали рабов из Лондона, не насиловали и не убивали парижан. Там просто сильная и наглая белая цивилизация увидела возможность нажиться на подневольном труде, под это дело быстро состряпали идеологию: "черные – не люди, а говорящий скот" и все дела! Ни в одной славянской летописи такого отношения к кавказцам вы не найдете. Враги – да, воры и убийцы – да, но никак не скот на продажу. Чего не скажешь, скажем, о чеченцах. Эти ребята всегда на стороне сильного – большевики им пообещали "свободу" за то, что они помогут расправиться с казачеством – они тут же толпой ринулись "мочить". Вот вам цитата из статьи С.Маркедонова "Русский вопрос в России" (Русский журнал):

"...Блестящей иллюстрацией к тому, как проводилась политика по обеспечению права наций на самоопределение на Северном Кавказе, является Приказ # 01721 (1920 г.), подписанный членом Совета Кавказского фронта Орджоникидзе: "Станицу Калиновскую сжечь, станицы Ермоловская, Закан-

Юртовская, Самашкинская, Михайловская – отдать беднейшему населению и в первую очередь всегда бывшими преданным Советской власти нагорным чеченцам: для чего все мужское население вышеозначенных станиц от 18 до 50 лет погрузить в эшелоны и под конвоем отправить на Север..."..."

А через 20 лет этим самым "нагорным" чеченцам показалось, что Гитлер – сильнее. И они продали уже тех самых большевиков, которые им подарили дома, пашни, добро уничтоженных терских казаков. Что было потом, все знают – и призывают за сие покаяться, а кто будет каяться за преступления, совершаемые чеченцами сегодня? Вот это и есть российская реалья на сегодня, хочет Розанова извиняться – пусть извиняется от своего лица, мы уже наизвинялись, хватит!

22. 17:43 15.06.2001. Alex.

Более или менее согласен с мартыном N 21, и с N 13

23. 07:55 26.06.2001. Акарэб.

Так может и евреям тогда уйти из Израиля? Ведь как на них мусульманский мир осерчал. Или, почитав ужасных воспоминаний про Холокост, взять всем евреям и если не уехать из Германии, то по крайней мере перестать сосать из неё деньги. Или. пардон, на крючок о совести ловятся только русские?

Когда я встретила со своим народом в Интернете, где он и про проститутку, и про 30 ударов плетью по известному месту, то вспомнила сонет друга моего Даниэля:

Люблю читать я надписи в уборных –

Наивные следы карандаша...

В них честно изливается душа

Экстрактом чувств и мыслей непритворных...

и т.д.

Но, может быть, еще не все потеряно? Может быть, здравый смысл возобладает? Есть же у нас лауреат синтаксической премии «Кассандра» – «За трезвость взгляда, самостоятельность мышления и точный политический прогноз» историк Дмитрий Фурман.

...ПРЕДСТАВИМ СЕБЕ, что русских после серии кровопролитных войн, длившихся чуть ли не сто лет, завоевали, скажем, китайцы. В результате ожесточенности русского сопротивления отношение китайцев к русским скорее плохое, и великий китайский поэт написал даже: «Злой русский ползет на берег» (имеется в виду берег, постепенно заселяемый китайскими колонистами, реки Волги). В результате этих войн численность русских уменьшилась вдвое, многие бежали в другие православные страны, а у китайцев, в конце концов более или менее подчинивших русских, постоянно бродила идея – а не переселить ли этот постоянно бунтующий и очень плохо усваивающий китайскую цивилизацию народ куда-нибудь, скажем, в район пустыни Гоби, чтобы самим спокойно зажить в России и эксплуатировать ее природные богатства. Когда в Китае произошла коммунистическая революция, провозгласившая равные права всех населяющих Китай наций, русские ее приветствовали и даже помогали китайским коммунистам бороться с китайскими белыми. Но кончилось все тем, что именно коммунисты совершили то, о чем только думали чиновники императора – все-таки выселили русских в Гоби. Через какое-то время уменьшившимся численно русским позволили вернуться на родину и даже восстановили их Русско-Украинскую автономию. Но доверять им китайцы, естественно, не доверяли. Во главе автономии стояли китайцы, в официальных ситуациях русским разрешалось говорить только по-китайски (чтобы китайцы могли понимать, что они говорят), на главной площади в Москве стоял памятник великому китайскому завоевателю России и сделать карьеру мог только русский, женатый на китайке, про которого китайцы могли сказать – «Он уже совсем как китаец».

Ясно, что в такой ситуации мечта освободиться от китайцев была бы самой глубокой мечтой всех русских. Это не означало бы ненависти ко всем китайцам – за долгие годы совместной жизни у русских появилось много друзей китайцев, и вообще они научились видеть в китайцах людей, а не только хозяев и завоевателей, это не означало бы нелюбви к китайской культуре, к великим китайским поэтам Ли Бо и Ду

Фу, это даже не означало бы стремления отказаться от китайского языка, который за эти годы стал как бы вторым родным. Но это означало бы страстное стремление воспользоваться любой возможностью, чтобы выйти из состава Китая – любого Китая, императорского, коммунистического или либерально-демократического с китайской спецификой и добиться независимости прежде всего – от возможных в будущем непредвидимых поворотов китайской истории. Я думаю, что проделав такой умственный эксперимент, русский человек не будет больше удивляться, почему чеченцам не захотелось мирно жить в Российской Федерации.

Из предисловия к сборнику «Чечня и Россия», М. 1999

Дмитрий Фурман

ПОБЕДА МОЖЕТ БЫТЬ ХУЖЕ ПОРАЖЕНИЯ

Началась новая чеченская война. Вряд ли можно сомневаться, что она будет трудной и кровопролитной. Чеченское общество, разобщенное и дезорганизованное в мирное время, обладает поразительной способностью спланиваться для борьбы с внешним врагом, когда соперничество «всех со всеми» замещается состязанием в воинской доблести. [...] Умереть в бою с вечным врагом, борьба с которым составляет содержание всей письменной чеченской истории, попасть в рай и фольклорный круг героев, с которых «будут делать жизнь» следующие поколения чеченцев, для них значительно легче и проще, чем создавать упорядоченное государство. Поэтому загнанные в угол чеченцы, несомненно, будут вновь сопротивляться до последнего. [...]

Любая победа над Чечней будет временной. Уничтожить чеченцев или выселить их за пределы России Россия не сможет – и мы слабее (а возможно, и лучше), чем при царе или при Сталине, и мир не тот. [...]

Максимум, чего можно достичь, уничтожив очень много чеченцев и потеряв очень много своих, - установить в Чечне режим военной оккупации, что повлечет за собой фактический отказ от действующей Конституции и превращение России в «полицейско-криминальное» государство (шаги в этом направлении уже предпринимаются, и довольно успешно). Но даже такой ценой мы успокоим Чечню только на какое-то время. Если современные чеченцы воспитаны на памяти чеченского сопротивления прошлого века и сталинской депортации, то следующее поколение будет расти на легендах об обороне Грозного, о подвигах Дудаева, Масхадова, Басаева и т.д. У этого поколения уже не будет никаких сомнений, что компромиссы и договоры с Россией невозможны.

Это делает практически неизбежным чеченский и мусульманско-фундаменталистский террор, а через некоторое время – новое чеченское восстание, которое произойдет в условиях, более благоприятных для чеченцев (Шамиль в прошлом веке не мог взрывать бомбы в Москве и Петербурге, сейчас это довольно просто, через 20 лет будет еще проще; численное соотношение между чеченцами и русскими будет меняться в пользу чеченцев; международная ситуация и соотношение сил на мировой арене меняются так, что каждое следующее покорение Чечни будет труднее предыдущего). Конец при этом будет все равно тот же – Чечня вне России. Только заплатить придется неизмеримо больше. Поэтому покорение Чечни не только трудно, но и не нужно ни русскому народу, ни российскому государству. Это та победа, которая может оказаться хуже поражения. Покоренная Чечня – нечто вроде добытой в бою и гордо доставленной домой в виде трофея бомбы с часовым механизмом. [...]

Сейчас Путин для Ельцина – единственный «преемник», которого он не боится, а для премьера победа в Чечне – единственный способ выиграть выборы 2000 года и надолго закрепить специфическую роль этой республики как орудия, которое всегда под рукой. Поэтому война в Чечне началась и будет идти до нашего поражения или нашей победы, которая только усугубит слабость российского государства и поможет сохранить ельцинский режим без Ельцина.

«ОГ». 21.X.1999

ПУТИН – ЭТО НАШЕ ВСЕ

1. АНКЕТА «СИНТАКСИСА» ПОСЛЕ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ

1. Как вы думаете, новая политическая ситуация возвращает нас к старым вопросам или ставит новые?

2. Какие вопросы вы задавали себе накануне мартовских выборов?

3. Вывезет ли кривая?

Александр Кабаков

1) Главный вопрос: когда европейцы и американцы откажутся от двойного стандарта относительно России? Почему Израиль бомбит своих террористов в Ливане, а мы не можем своих в своей Чечне? Почему эти клоуны, Бернар Анри-Леви и Глюксман, нас обзывают, а НАТО за Косово не обзывали? Почему Америку за Клинтона не называют «страной сексуально ущербных», а нас за Ельцинских вороватых челядинцев честят «криминальным государством»? Я был антисоветчиком непримиримым, американо- и франкофилом фанатичным – теперь, благодаря их наездам и нашим свободам, я стал патриотом. Дожили!

2) Один: уверен ли я, что Путин не отберет частную собственность и не введет цензуру? И отвечаю: уверен.

3) Какая еще кривая? Мы движемся по прямой: весь мир, постмодернистский и политкорректный, летит в тартарары. Россия – с отставанием.

Дмитрий Фурман

1) С того момента, когда группа западноевропейских стран где-то в 16 веке «открыла» основные принципы совре-

менного общества, перед всем остальным миром стоит задача – понять, в чем суть этих «открытий» и как усвоить эти открытия. Россия пытается их понять и усваивает их с Петра Первого. И если измерять весь путь и предстоящий отрезок, то, по-моему, осталось пройти не так уж много. Нам предстоит одолеть последнее препятствие или группу препятствий – добиться того, чтобы мы сами смогли реально, а не ритуально выбирать верховную власть. И как только в первый раз в своей истории Россия выберет не начальство и не того, на кого ей начальство указало, а затем еще и привыкнет к таким выборам, можно считать, что эта главная задача выполнена, и мы уже вошли в группу демократических стран. Я думаю, что это произойдет при следующем поколении. А для этого, в свою очередь, надо: А) чтобы возникла реальная оппозиция, способная взять власть, и Б) чтобы она эту власть взяла. Но хотя в историческом масштабе эта задача не так уж велика, для одного поколения ее вполне хватит.

2) Передо мной был один вопрос – голосовать ли на втором туре против всех или голосовать за Зюганова. И то, и другое принципиально ничего не изменит, ибо против всех проголосуют немногие, а Зюганов все равно не выиграет. Но что лучше для демократического развития России – чтобы чуть-чуть прибавилось голосов «против всех», свидетельствующих о неприятии партийной системы в целом, или чтобы стала чуть-чуть сильнее оппозиция, мне не ясно.

3) В конце концов кривая обязательно вывезет. Экзамен на демократию – такого рода, что его можно сдавать много раз, и в конце концов обязательно сдашь. Сейчас реальные президентские выборы в России невозможны. Но если бы кто-то в прошлом веке произнес слова: «Турецкая республика», все бы засмеялись. И я не думаю, что реальная демократия с альтернативными выборами верховной власти в России более далека и достигнуть ее труднее, чем туркам оказалось достичь республики.

Владимир Бондаренко

1) Я надеюсь, что новая политическая ситуация поставит перед нами и новые вопросы. Какими бы они ни были.

Конечно, Ельцин – это наше общее проклятье. С какой точки зрения ни оценивай его период правления, ничего хорошего не найдешь. Но где были мы все? Где была наша интеллигенция, с большевицким усердием уничтожающая все былое. Призывающая к расстрелам оппозиции. По-лакейски облизывающая ему задницу в предвыборную кампанию 1996 года? Не тот же Марк Захаров точно также нынче присягает и Путину? Обратите внимание – на девяносто процентов вся придворная культурная элита при Брежнев, Горбачеве, Ельцине – одна и та же. А где были все наши ученые, наш директорский корпус? Воровали, что могли, приватизировали, что попадетсЯ? Народ потерял веру во все и мало чем интересуется. Он живет своей жизнью, отдельной от внешней жизни. Так было при помещиках. Так было при коммунистах. Так было и при Ельцине. Народу нужны лишь более жесткие правила игры. Значит, новые политические вопросы возникнут, если мы сами их поставим. На что я и надеюсь. Старое надоело всем. Не думаю, что будет новая кровавая диктатура. Дело не в оглядке на запад. Диктаторам плевать на Запад.

Тем более бомбешки кое-какие есть, и нефть с газом в придачу. Запад согласится с любым русским Пиночетом. Для новой кровавой диктатуры нет условий внутри страны. И чем больше новых вопросов будет поставлено, тем лучше.

2) А вопросы могут быть такие. Поставит ли Путин на тех олигархов, которым отрезаны пути на Запад, которые поневоле заинтересованы во внутреннем развитии России, ибо у них все деньги вложены в Россию. И если все чистые деньги давно из России перекочевали на Запад, то пусть на развитие России идут самые грязные деньги, лишь бы строились дороги, заводы. Кто будет вкладывать деньги в развитие России, на тех и надо делать ставку. Еще вопрос – заложен ли в Путине комплекс Наполсона? Надеюсь, что заложен. И ему будет приятнее руководить развивающейся Державой, а не вымирающим мамонтом. Третий вопрос, как быстро Путин сумеет избавиться от своих покровителей? Того же Наполеона выдвинула вверх самая мерзкая группировка из числа якобинцев. Сталина выдвинули вверх Зиновьев и Каменев в противовес опасному для них Троцкому. Гитлера накачивали еврейские банки и вскармливала прусская аристократия. В России –

стране самодержцев, не так страшны покровители, страшны комплексы самого властителя.

Чтобы армия его поддержала и после Чечни, в армию надо вкладывать деньги. Значит, он вынужден будет переориентировать экономику, остановить вывоз капитала на Запад, вернуть возможную часть капитала в Россию. Возможен ли долговременный союз Путина и Зюганова с переводом протестной энергии в прошлое – в сльдцинскую эпоху, и вовне – на западный мир?

3) Владимир Высоцкий писал: «Кто рули да весла бросит, тех Нелегкая заносит...» Вот нас и занесло по нашей же общей вине. Растеклись во все стороны, забыли про державные весла и рули. Но во все времена Кривая в итоге вывозила Россию, только уж часто больно страшным и кровавым путем. Но всегда после очередной смуты – подъем. Петровский ли, сталинский ли. В патриотических кругах давно зреет мечта о белом Сталине. И на самом деле, марксизм для Сталина был вторичен. Первична сама Империя. Окажись Сталин в других условиях, он бы и играл по другим правилам игры. Победная державная риторика будет определять общественное мнение, будет влиять на умы миллионов сограждан, на молодежь. Писали же Пастернаки и Мандельштамы стихи о великом Сталине. А Дунаевские и Шостаковичи сочиняли музыку. Не на бездарях же держался Большой Стиль Великой Эпохи. Даже Солженицын задумывал роман «Люби Революцию». И неплохой роман, наверно, получился бы. Вот и я надеюсь на нашу историческую Кривую, которая вечно вывозит нашу Державу в новый проект Русского Рая. Даже интересно, каким будет новый проект? Чубайс в роли Кагановича, Березовский как умный еврей при губернаторе, или Мехлис при Сталине, Аман Тулеев вместо Орджоникидзе будет Путину поднимать тяжелую промышленность. А Гриша Явлинский как бывший меньшевик вместо Вышинского...

Запад, как понимают уже почти все – не для нас. Это пусть и хорошая, но чужая колея. Как писал тот же Высоцкий: «Напрасно жду подмоги я, Чужая это колея...»

1) Беда нынешней ситуации в том, что на новые вопросы – а мы как-никак живем в совершенно другой, неузнаваемо изменившейся стране, да к тому же в новом тысячелетии, – мы получаем, увы, старые ответы. Как будто пребываем в постоянно повторяющемся сне и никак не можем проснуться. Опять вместо едва народившихся выборов – всенародное голосование. Опять руководителя спускают «сверху». Опять остается надеяться на то, что, авось, повзвезет, если не с добрым царем, то хотя бы с не слишком свирепым и беспринципным президентом.

2) Вопросов было два:

- Стоит ли идти голосовать, если результат заранее известен?

- Какой все-таки кот выпрыгнет из мешка на следующий день после выборов? Будет ли он ловить мышей или так «лестницу когтями тронет, как по горлу поскребет»?

3) Вывезти-то вывезет, только куда? На кривой по определению вперед не уедешь. Назад, вроде, уже поздно возвращаться, да и некуда. Остается езда по кругу?

Юлия Вишневская

1) Дай Бог мне ошибиться... Но ощущение такое, что и ситуация узнаваемая («и вы, мундиры голубые, и ты...») и, соответственно, вопросы не столько «старые» или «новые», а скорее «вечные». Кажется, вся эта «перестройка» для того и произошла, чтобы доказать нам отнюдь не случайную, не навязанную кем-то извне, а скорее добровольную природу российского деспотизма на всех предыдущих этапах русской истории. Похоже, в 1985 году начался очередной цикл – с великих послаблений, милостиво дарованных народу администрацией М.С.Горбачева. Свобода слова, свобода собраний и прочие свободы... Право определять судьбу своей страны – «вплоть до отделения»... И наконец, возможность выбирать себе власть.

Последнее особенно поучительно. Ибо, получив из рук М.С.Горбачева право избирать и быть избранным, благодар-

ное население немедленно воспользовалось предоставленной возможностью, дабы выкинуть благодетеля на свалку истории. Сменили Горбачева на самого дремучего из первых секретарей обкомов. А то сразу было не видно, что Б.Н.Ельцин не прочитал в жизни ни одной книги? Что единственный способ управления, известный ему – это кулаком по столу?.. Не видели, что кумир не просыхает? Не догадывались, что Свердловский гений ни о какой демократии понятия не имеет? И вот в годы правления Ельцина ситуация начала возвращаться на круги своя. Начал возрождаться режим феодально-бюрократического самовластья. Но что самое в этой ситуации существенное – возможность переиграть ситуацию, выбрать вместо Ельцина другого правителя, за это время у граждан предусмотрительно отобрали. (А еще точнее – сами отдали, повсеместно поощряя Вождя в его стремлении сделать свою власть абсолютной, никем не контролируемой).

И вот, наконец, бывший «всенародноизбранный» сам выбрал себе преемника. Бывший секретарь обкома назначил новым генсеком бывшего кого? Вот именно. Как Брежнев Андропова, только хуже. Андропов еще стеснялся сослаться на положительный опыт товарища Сталина в борьбе со всякой крамолой – а этот не стесняется: при Сталине, мол, мы обрели положительный опыт борьбы с украинскими и прибалтийскими партизанами, каковой сегодня и применяем в Чечне...

2) Никаких сомнений в том, что В.В.Путина «всенародно» изберут новым российским тираном, ни у кого не было.. И в связи с этим возникает только один вопрос: как достигается такой замечательный результат? Что они (власти или подчиненные им спецслужбы) с ними (избирателями) делают? Гипнотизируют?.. Зомбируют?.. Запугивают?.. Ведь в конце концов Путин делает все, чтобы оттолкнуть от себя электорат. Я уже не говорю о жертвах чеченской войны и преследовании журналистов. Допустим, все это – так, для узкого круга. Но водка подорожала!.. Что в России делает любого начальника непопулярным, вернее, чем подорожанис водки? А между тем популярность Путина росла как снежный ком.

Думается, разгадка извечной русской несвободы таится в глубинах коллективного национального подсознания. Существует, по-моему, в русской подкорке идея настоящего Царя –

коварного, себялюбивого, жестокого тирана. Возможно, эта идея восходит к Ивану Грозному, возможно, она еще старше. Но... Если я ошибаюсь, пусть фольклористы меня поправят! Что-то я не припомню в русских сказках ни одного мудрого или доброго царя. А в западных сколько угодно. Чтобы недалеко идти за примером: отец принца (жениха Золушки) – вполне приличный король. Царь в «Коньке-горбунке» – тиран и самодур, хуже не придумаешь.

Я вовсе не утверждаю, что русскому народу такой царь, как в русских сказках, нравится. Просто, как мне кажется, не тиран – на уровне русского народного подсознания не «настоящий» царь.

3) Чувство глубокой безнадеги, которое вытекает из всего вышеизложенного – чрезвычайно непродуктивное чувство. Если, нам не вырваться из тысячелетней колеи русской истории, если это навечно – как ветер возвращается на круги своя – то тогда, все безнадежно и рыпаться бесполезно. Но тогда мы-то с вами зачем, если бесполезно рыпаться?

Но даже если не видно света в конце туннеля, нам все равно остается свой сад. Чтобы возделывать. Как завещано великой европейской культурой.

Александр Пятигорский

1) Я совершенно уверен (если я могу быть в чем-то уверенным), что она ставит старые вопросы только тем из нас, которые не хотят думать, а потому думают одно и то же. Новая ситуация является на самом деле новой. Не только в том смысле (хотя и в том тоже), что старое говно сменилось новым, а в том, что нам приходится становиться чем-то новым, а это безумно трудно.

2) Я слишком плохо информирован, чтобы дать на это реальный ответ, но мне кажется, что народ, который разрешил так омерзительно разделаться с Чечней, не может сделать ничего действительно нового, пока ему не станет стыдно, не за свое правительство, а за самого себя.

3) Существует философия, по которой вывезет. Я не враг этой философии, я вообще очень люблю, когда все кон-

чается хорошо. Но очень сильно сомневаюсь, что так произойдет. Я оптимист, боящийся, что мы недостойны оптимистического исхода.

Вадим Белоцерковский

ЧТО ОЗНАЧАЕТ ПРИХОД В КРЕМЛЬ «ЧЕЛОВЕКА С БЕЛЫМИ ГЛАЗАМИ»?

Итак, Ельцин и его окружение навязали нам наследника – «человека с белыми глазами», как охарактеризовал его Сергей Ковалев. Вдумаемся. полковник КГБ-ФСБ, не имеющий опыта в серьезной государственной работе, с неизвестными никому политическими и экономическими взглядами, становится почти царем огромной суператомной державы, да еще находящейся в глубоком, если не смертельном кризисе. И совершает он этот бесподобный взлет из небытия, из каких-то пятых чиновничьих слов, благодаря развязанной «Семьей» позорной войне, молниеносно завоевывая на этом – на крови! – симпатии большей части народа. Есть ли этому название? Обыкновенный ельцинизм?

При мысли о том, что лежит в корне этого трагического положения, мне видится в качестве символа штурм памятника Дзержинскому в августе 1991-го. Памятник снесли, а «Бастилию» (Лубянку) оставили, вместе с ее начальничками, которые с усмешкой, наверное, наблюдали за «штурмом» из-за занавесок своих кабинетов. Везде в бывших соцстранах поступали наоборот: «сносили» хозяев «лубянок»! Ведь все они были сотрудниками филиалов преступной, организации под названием КГБ, у которой была такая же кровавая история, как и у гитлеровского Гестапо. Красивее всех сделали чехи: через несколько дней после их «бархатной революции» новый премьер издал распоряжение: «Всем сотрудникам бывших органов государственной безопасности запереть свои кабинеты, сдать ключи, личное оружие и разойтись по домам». У нас же даже пребывание в штате КГБ не мешает занимать высокие посты, вплоть до президентского!

Но дело, конечно, не только в нашей терпимости к «чекистам» – это лишь частный случай. Не было у нас и антино-

менклатурной революции, – это главное! А нам она была нужна больше, чем кому-либо из наших бывших сателлитов. Коммунистическая номенклатура в Советской России была предельно гипертрофированной, заполняла все клетки общества и государства и была предельно разложившейся – аморальной, лживой и циничной. Выращенная еще Сталиным, она сохраняла и сохраняет его дьявольские черты в своих генах – воспроизводит себе подобных.

И избавиться от номенклатуры можно было после августа 91-го, проведя в условиях тогдашнего политического подъема перевыборы всех ветвей и уровней власти. Но Ельцин и стоявшая за ним номенклатура воспользовавшись пассивностью и благодушием (холопством?) российского общества, воспрепятствовали этому. И в 92-м номенклатура начала проводить свою криминальную и убийственную для страны реформу. Коммунисты стали превращаться в капиталистов...

А теперь, бывшая ком.номенклатура (называющая себя элитой!) повела шовинистическую и антизападную пропаганду, поиск врагов и предателей, восстановление милитаризма и ведущей роли ГБ. «Хочу доложить, товарищи, - «пошутил» Путин на торжественном собрании Лубянки, - что группа сотрудников ФСБ, направленная в командировку для работы под прикрытием (!) в правительство, на первом этапе со своими задачами справляется». Теперь, значит, идет второй этап – «командировка» в Кремль?

Необходимо отметить, что Путин не только не осуждает прошлой деятельности КГБ и не стыдится работы в этой организации, но и демонстративно подчеркивает свое к ней почтение. Вспомним возложение им венка на могилу Юрия Андропова в день 75-летия со дня рождения последнего! А в ФСБ торжественно отмечалось 80-летие органов госбезопасности, т.е. от ЧК и далее, – с участием Путина.

Но вернемся к послужному списку Путина. Не вызывает сомнений тот факт, что Владимир Путин, став шефом ФСБ и секретарем Совбеза, несет ответственность за то, что вокруг Чечни не было создано непроницаемой для похитителей людей границы. Ведь кто-кто, а Путин-то на основании своего опыта работы в ГДР прекрасно знал, как такую границу со-

оружают. Но в интересах кремлевской группировки надо было сохранять напряженность вокруг Чечни как резервную карту.

Ответственен Путин и за непринятие мер к недопущению вторжения отряда Басаева-Хаттаба в Дагестан в августе 99-го. ФСБ не могла не знать о подготовке этого вторжения. Кстати, спецкор «Московских новостей» Дмитрий Бальбуров сообщил в своей газете (за 10-16 августа 99г.), что Аслан Масхадов предупреждал Москву о подготовке вторжения!

Еще более важным событием, «освятившим» новую чеченскую войну, стали, как известно, взрывы жилых домов в Буйнакске, Москве и Волгодонске. Стало уже общим местом писать, что до сих пор достоверно не известно, кто «заказывал» эти взрывы, и что нет доказательств «чеченского следа».

Из пишущих людей, кажется, только Юрий Буртин на круглом столе в «Московских новостях» осмелился сравнить эти взрывы с убийством Кирова «послужившим его организатору Сталину как повод и мотивировка для предпринятого им «большого террора», когда советские граждане впервые столкнулись с огульным зачислением в «бандиты» множества людей по социальным, идеологическим или национальным признакам.» («МН» № 47. 1999 г.).

Но, даже если бы обсуждаемые взрывы были действительно делом рук чеченских террористов, если бы они, как и все террористы в мире, взяли бы ответственность за них на себя, то и в этом случае взрывы не могли бы стать оправданием для войны против всего чеченского народа. А на деле — и против народа российского! Ведь при нынешней разрушенной экономике и нищенском бюджете война эта неизбежно ведет к дальнейшему вымиранию России! Да и бессмысленно бороться с терроризмом и криминалом где-то на окраинах России, не борясь с этим злом там, откуда оно распространяется.

И я хочу, чтобы читатель меня правильно понял: я пишу все это вовсе не для того, чтобы «разоблачать» Путина, я пытаюсь «разоблачать» пассивность российского общества, его неспособность распознавать зло.

Так, многие обратили внимание на знаменитое путинское «мочить бандитов в сортире» или «не жевать сопли» (по поводу чеченской войны!). Да, это очень печальный симптом — выход на поверхность блатной «культуры». Но мало кто об-

ратил внимание на неизмеримо более страшное – на заявление Путина, что русские «не должны испытывать чувство вины перед чеченцами!» Что случается, когда народ, так или иначе соучаствующий в истреблении другого народа, освобождается от осознания своей вины и ответственности, что получается из этого народа, мы не знаем? Забыли недавнюю историю немецкого народа?

Однако союзники Путина внушают нам, что в Чечне происходит возрождение российской армии. и утверждается вера в армию.

А Путин решительно отвергает обвинение в истреблении чеченского народа. «На Западе говорят о многочисленных жертвах среди гражданского населения Чечни, – сказал он однажды, – но кто, где эти жертвы видел?!» Убитых мирных жителей в Чечне многие видели и в большом количестве, но главное здесь в том, что Путин, очевидно, не считает жертвами беженцев! А их сотни тысяч... Нужна полная атрофия способности к сопереживанию, сочувствию, чтобы не понимать, что беженцы – это тоже жертвы...

И еще поражает, обескураживает погруженность в ложь всей страны. Вот стоит Путин с лидерами думских фракций и рассуждает о том, что все кандидаты должны находиться в равных условиях, и лидеры молчат, соглашаются! В этом уже что-то кафкианское, полный сюр, как теперь говорят. Только что, благодаря трюку Ельцина и «Семьи», Путин получил огромную фору, и никаких выборов фактически уже не будет, а он разглагольствует о честных выборах, и обставленные им конкуренты сумрачно кивают.

Какой же ответ на вопрос, поставленный в заглавии статьи? Он, на мой взгляд, ясен. С новым хозяином Кремля и в условиях усиливающейся нравственной невменяемости российского общества, страну скорес всего ждут новые тяжелые испытания и ужесточение нравов. Вот чеченцы уже стали жертвами этого ужесточения, и Путин наверняка будут добиваться «окончательного решения чеченского вопроса», или, как он это элегантно называет, «доведения операции до логического конца».

И еще я бы не советовал людям, разочаровавшимся в демократии, надеяться на то, что новый хозяин Кремля «сильной рукой» сможет, наконец, навести в стране порядок. Не сможет! Диктатура, назовем вещи своими именами, чтобы быть эффективной, должна иметь опору, иметь возможность опираться на относительно здоровые, дееспособные слои «политического класса», но у нас таковых слоев не просматривается, наш «политический класс» прогнил насквозь. При виде того, как он капитулирует перед Путиным, и как народ вновь и вновь спешит быть обманутым, вспоминаются слова Бердяева: «В русском народе и в русской интеллигенции скрыты начала самоистребления».

2. ... БОЖЬЯ РОСА

В.В. Путин

УКАЗ № 1 (отрывок)

д) Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, обладает неприкосновенностью. Президент Российской Федерации, прекративший исполнение своих полномочий, не может быть привлечен к уголовной или к административной ответственности, задержан, арестован, подвергнут обыску, допросу либо личному досмотру. Неприкосновенность Президента Российской Федерации, прекратившего исполнение своих полномочий, распространяется на занимаемые им жилые и служебные помещения, используемые им транспортные средства, средства связи, принадлежащие ему документы и багаж, на его переписку...

Александр Кабаков

И ВСЕ СКАЗАВ, ОН СЛЕЗ С ТАНКА

Президент Ельцин ушел так красиво, как мог только он. Непонятно, откуда в уральском мужике такое безукоризненное чувство стиля, как получается, что любые расчеты окружения и противников работают только на его исторический образ —

но все получается так, что Борис Ельцин строил и строил свой безукоризненно цельный образ и, наконец, достроил его до вершины.

Он ни разу не взял фальшивой ноты, и все его приходы, уходы и промежуточные выходы становились идеальными драматургическими событиями. Поездки в троллейбусах в ходе войны с привилегиями и уход с пленума-выволочки, вывод на улицу толпы и обращение к ней с бронстранспортера, даже нескрываемая национальная слабость, даже болезни и дряхление – все в единой раме ни на кого не похожего портрета под названием «Первый Российский Демократический Президент». И каждое слово здесь так и надо писать – с большой буквы, потому что оно единственно точное для этого человека, а он единственно подходящий для этих слов. Первый – ни за кого прежде не голосовали всем народом, никого не выбирали, имея реальный выбор, никого так не любили... И никого так не ненавидели – а это неизбежно, потому что от всякой любви, и всенародной в первую очередь, до ненависти, как известно, расстояние в шаг. Российский – потому что трудно было бы найти человека, который так полно представлял бы свою страну, сильную и неуклюжую, безрассудную и себе на уме, живущую сердцем и платящую за это здоровьем. Демократический – в самом строгом смысле этого слова: ничем от своего народа не отличающийся...

... Никто не приходил в российскую высшую политику так романтически ярко, и никто так не уходил из нее. Собственно, и в мире в последние годы такого не было. Это не Клинтон, сообщающий партсобранию подробности, и даже не Коль, который, кажется, может угодить под суд. Нашему после такого ухода наши люди по-человечески простят все...

Он был и остался красивым мужиком, успел поймать последний момент, за которым дальнейший распад стал бы непростительно уродливым и перекрыл бы все воспоминания о блестящем начале.

Вообще из поступков такого ряда вспоминается только последнее решение Хемингуэя...

Такие люди все важные поступки всегда совершают в подходящий момент. Когда он проспал Шеннон, англичане шутили: так и надо этим пьяницам-ирландцам. Когда он ди-

рижировал немецким оркестром, французы издевались: вот опять немцы маршируют под русскую палку. В этих шутках сквозит невысказанная догадка – русский медведь не так прост, он немного играет в медведя... Но тогда, а особенно в последующие годы болезней и угасания сил, казалось, что нелепости и несуразицы в конце концов перевесят здравый смысл и безошибочные инстинкты, и конец будет нехорошим. Но Борис Николаевич все сделал не только красиво, а и умно. Все хихикали над бесконечными отставками премьеров – а он подбирал... Хороши бы мы были, если бы он сейчас бросил лавку на Примакова или на Степашина...

Ельцин оказался сильнее даже самого себя. Он спрыгнул с танка на ходу – и снова стал героем.

Александр Коржаков,
депутат Государственной Думы

СТРАНЕ НУЖЕН НОВЫЙ КГБ

Высокий рейтинг Владимира Путина свидетельствует в первую очередь о том, что в нем, выходец из КГБ, люди видят государственного деятеля, способного навести в стране порядок, организовать работу всех властных структур таким образом, чтобы начать наконец реально выходить из общественно-политического кризиса.

Выдвижение бывшего сотрудника КГБ на высший государственный пост даст мне повод еще раз привлечь внимание к некоторым моментам деятельности спецслужб и их роли в целом на современном этапе нашего экономического и политического развития.

Известные взрывы домов в Москве и других городах, повлекшие за собой гибель десятков ни в чем не повинных людей, продолжающийся вывоз национального богатства из страны за рубеж, процветающая махровым цветом коррупция в государственных структурах, случаи работорговли и торговли детьми – все это вызывает законное возмущение граждан. Люди спрашивают: где же наши спецслужбы, которые для того и существуют, чтобы бороться с подобными рода явлениями?

И сил, и необходимых спецслужб у нас достаточно: ФСБ, МВД, ГРУ, СВР, ФАПСИ – все они способны решать самые сложные задачи. Проблема в том, что спецслужбы действуют разрозненно, по принципу разжатого кулака.

В свое время нашу демократическую общественность страшно пугало существование КГБ. Тогда решили разрушить «монстра», чтобы обезопасить себя от всякого рода неожиданностей. ... Теперь даже самым ярким противникам КГБ становится понятно, что разрушение этой структуры ничего полезного нам не дало. Не случайно Александр Солженицын заметил однажды в узком кругу, что нам не хватает КГБ.

Есть и другая реальность. Наворованные и вывезенные за рубеж наши общенародные средства никто добровольно в страну не вернет. Ни одна иностранная спецслужба никогда не упустит шанс получить у нас важные секретные сведения из научной или другой важной области, если не перекрыть ей путь к нашим секретам. Коррупция будет существовать до тех пор, пока соответствующие службы, которым положено выявлять взяточников, будут действовать разрозненно, каждая сама по себе. Казнокрадство будет продолжаться до тех пор, пока наши законы будут гуманными по отношению к любителям совать свои грабли в государственную казну.

Поддерживая кандидатуру Владимира Путина на должность президента страны, наши люди тем самым дают сигнал власти, смысл которого совершенно понятен: пора наконец собрать спецслужбы в единый кулак и ударить им по тем, кто мешает нам нормально строить свою жизнь. России нужен свой КГБ! Пора сказать об этом без стеснений!

3. ИТОГО...

Дмитрий Фурман

СИЗИФОВ ТРУД НАРОДА И ПРЕЗИДЕНТА

(вперед по дороге, ведущей назад)

Год – вполне достаточный срок, чтобы различить контуры нашего «нового» политического курса. И эти контуры, действительно, обозначились совершенно определенно.

Это – подавление Чечни. Это – борьба за установление государственного (что у нас значит – президентского) контроля над СМИ, начавшаяся с введения жесткого контроля над информацией о чеченской войне и продолжающаяся в борьбе с НТВ. Это – централизация госуправления, ограничение независимости глав субъектов федерации, уравнивание в правах национальных республик и русских областей, создание института президентских «наместников», ликвидация Совета федерации как корпоративного органа, способного ограничивать президентскую власть. Это – борьба с «олигархами», за подчинение президентской власти крупного бизнеса. Это – «центристская» позиция власти, одинаково дистанцирующейся и от «левых» и от «правых», опора на спецслужбы и «силовиков». Во внешней политике – подбирание обломков советской сферы влияния, вроде Северной Кореи или Ирака.

В целом это – курс на восстановление традиционного для России контроля авторитарной, не зависимой от народа власти над обществом. Новая государственная символика, соединившая российско-имперские и советские символы, вполне адекватно выразила суть этого курса. Путинская Россия объявляет себя исторической преемницей двух империй, третьей ипостасью Великой России.

Это направление развития – совершенно естественно. По воле случая человек, очевидно, не имеющий никаких «особенных» личных идей, становится носителем громадной президентской власти, ограниченной хаосом и беспорядком, унаследованными от прошедшей революционной эпохи. Что делать этому человеку? Ясно, что – наводить порядок. Во-первых, этого хочет и просит от него весь народ, уставший от пережитой революции. Во-вторых, идея порядка прекрасно компенсирует отсутствие других идей, наведение порядка легко заменяет любую работу.

Но что такое – порядок?

Образы порядка у разных наций и у разных людей – разные, подсказанные историей этих наций и биографией этих людей. Что для американцев – порядок (суд над президентом за невинные сексуальные шалости, изнурительная тяжба из-за нескольких сотен избирательных бюллетеней), то для нас – сумасшествие. Наши образы порядка даны нашей историей –

теми двумя империями, у которых Путин позаимствовал символику и инвариантные элементы которых он стремится воссоздать в третий раз. Чем жестче подчинение авторитарному властителю и чем слабее зависимость, подчинённость этого властителя кому бы то ни было (народу, партии, сословию) – тем больше порядка. Этот же образ подсказан и личным опытом нашего президента – выходца из организации, осуществлявшей охрану власти от общества. Поэтому путинский курс выглядит совершенно естественным и в своей естественности даже «неинтересным».

Но эта же естественность под иным углом зрения может предстать как действие каких-то таинственных сил. В политической банальности мы можем увидеть воплощение древнего мифа.

В самом деле, на путь восстановления традиционных для России и совершенно не «европейских» форм жизни вступает общество, которое совсем недавно стремилось от этих форм уйти и стать «нормальной европейской страной». Более того, общество и сейчас от этого стремления «к Европе» не отказалось, и многие сторонники Путина до сих пор верят, что именно на этом пути мы и к ней и придём. Возникает образ какой-то потусторонней силы, которая водит нас по кругу. Как в анекдоте об оружейном заводе, который как ни конверсируй, а всё равно получается пулемёт. При этом все вроде бы знают: путь, на который мы встали, Россия проходила уже дважды, и оба раза он приводил её к краху. Всё то, что сейчас стремится воссоздать Путин, в Российской империи и СССР было с избытком. «Вертикаль власти» при царях и генсеках была такой, какой не будет уже никогда. Никакие представители президента не создадут того великого единообразия и централизма, которые были до Горбачева, когда от пустынь Туркмении до Чукотки были одни и те же райкомы, райисполкомы, профкомы и управления КГБ, беспрекословно подчинявшиеся Москве. И контроля над СМИ такого не будет, не говоря уже о контроле над экономикой. И как Путин никогда не сможет достичь той власти, какая была у его предшественников, так и наше государство никогда не достигнет и малой доли той мощи, какая была у него раньше.

Государства, созданные монархами и генсеками, были великими государствами. Величие царской империи – это было действительно величие России. Величие СССР – уже скорее величие идеологии, в которую верили и английские лорды, добровольно становившиеся советскими шпионами, и африканские племена, а не России. Но теперешняя Россия – это относительно маломощная страна, окруженная успешно развивающимися гигантами. Третье движение по тому же пути совершается страной и народом, значительно уменьшившимися в размерах, уставшими и ослабевшими, надорвавшимися в предыдущих попытках. И ясно, что третий поход обречён на ещё более скорый и сокрушительный провал.

Что же вновь влечёт нас на путь, который ведёт явно не туда, куда нам хотелось бы прийти? Какой леший водит нас меж трёх сосен? Имя этой нечистой силы – привычка. Всегда легче идти по уже хоженной дороге. Рынок, выборы, свобода СМИ – всё это очень трудно для нас, всё это у нас никак не получается. И наоборот, голосование за того, на кого указало начальство, цензура, вечно правящая партия с её молодёжной и детской организацией, звуки знакомого гимна – это привычно, это получается само собой, без каких-либо усилий.

В легенде о Сизифе не сказано, каким образом боги заставляли этого каторжника вновь и вновь тащить в гору постоянно срывающийся камень. Не исключено, что Сизиф просто не видел для себя иного пути и иного занятия. Идти для него значило идти в гору, трудиться – тащить в эту гору камень.

Если задуматься, то и в образе нашего президента есть нечто таинственное и «мифологическое». Значительно более сильный и яркий Ельцин – значительно проще. Это – человек, чей высшей целью была власть. Для Путина же власть – нечаянный подарок судьбы, а не приз за чудовищную волю к победе. Это – человек, очевидно, честно, серьёзно и по призванию работавший в КГБ. В его годы эта организация ещё обладала немислимыми ресурсами, она следила за всем, знала всё обо всех. Но с точки зрения выполнения своей главной задачи – охраны СССР и соцлагеря – вся эта громадная и для многих самозабвенная деятельность обнаружила свою абсолютную бессмысленность. Где-то в 1990 году честный и умный работ-

ник КГБ должен был осознать, что жизнь прошла впустую. Рухнуло всё, чему он служил. Более того, его усилия по предотвращению этого краха были абсолютно напрасны. Если бы штат КГБ был в три раза больше и его сотрудники работали в три раза лучше, финал был бы тот же самый или ещё хуже. В ГДР, где работал Путин, со «Штази» сотрудничала чуть ли не треть населения, но берлинская стена всё равно пала.

Осознавший это человек должен был прийти к глубокому душевному кризису. Мы ничего не знаем про «невидимые миру слёзы» нашего президента. Но, судя по всему, их было пролито не так уж много. Человек не спился, не покончил жизнь самоубийством. Он вышел из КПСС, записался в демократы, стал регулярно посещать церковь. Но при этом и на новых постах стал стремиться восстановить те же отношения власти (в конце концов ставшей его личной властью) и общества, которые были знакомы ему по жизни. Он с любовью вспоминает годы работы в КГБ, охотно опирается на своих старых товарищей. Его образ порядка – это образ именно того порядка, который рухнул. Сизиф отряхнулся и недолго думая, тут же покати свой камень. Другой работы и другой дороги он не знает. И в этом Путин – действительно народный президент, символ России.

Обречённость сизифовой работы не означает, что самого Путина ждёт крах и трагический конец. Наш нынешний президент относительно молод и здоров и может царствовать долго и умереть в почёте и с ощущением, что камень уже почти на вершине горы. Но народы живут дольше своих правителей, и ведомый Путиным и одновременно – ведущий его, подсказывающий ему путь народ обязательно увидит камень летящим вниз. И что после его падения останется на дне воронки – Бог знает.

«О.Г.», 22-28.2.01

Петербургец № 30 (42) / 6.12.99 г.

Ирина Катерли:

«ПУТИН

— это наше

его спиной не маячит тень ни одного из олигохров. При этом благоприятным фоном для работы является начавшийся подъем отечественной промышленности. Начавшаяся слава Кириенко и, слава Богу, действиями Путиным.

Продолжение: 47 Начало на с. 47
«Ставленник» хоть о

КУРСКАЯ АНОМАЛИЯ

1.

Чуть снисходительный, но сочный баритон президента, как обычно, поучал народы любить родину и дорожить демократией, но в тот раз... Правда, это случилось года три тому, а может, и целых пять, ведь Кавказ, там цикличное что-то... еще со времен Прометея... Точно не помню. Да само по себе, конечно, это не было никакое событие, а лишь игривый баритонов намек на что-то в самом деле далекое, но серьезное, кровавое, да... Нам напоминал мило-назидательный голос о поэтических основах непреклонной геополитики, ссылаясь на известную колыбельную песню.

Если иметь в виду только патриотическое настроение отдаленных адресатов, баритон мог бы столь же успешно обратиться к стихотворению «Клеветникам России», которое само напрашивается на читку, чуть клевета или провокация на дворе... Но тут концовка вызывает недоумение и неловко бы звучала в галльских устах. Очень уж одергивает наших демагогов великий поэт. Вызов в самом деле дерзкий, обидный, с напоминанием нечуждых нам гробов... Не мог же он предвидеть крымскую катастрофу и распад Николаевской России, им

Луи Мартинез – французский славист, писатель и публицист. Специалист по русской литературе. Перевел на французский язык не одну тысячу страниц русской классики, в том числе произведения Пушкина, Мандельштама, Пастернака, Салтыкова-Щедрина и, в последние годы, Платонова. Друг и «личный переводчик» Андрея Синявского (прим. ред.)

столь пламенно защищаемой в тридцатом году... Скабрзено все это...

Итак – лермонтовская колыбельная. Тут нет взаимных сведений счетов, Наполеонов нет и Кутузовых тоже нет. Зато есть казаки, знакомые еще с наполеоновских времен, те же казаки, что гарцевали по Елисейским полям... Зато совершенно ясно упоминается здесь «злой» противник, и этим самым оправдывается и морально окупается очередной поход на буйное меньшинство. Эта неожиданная литературная вспышка не только выявляла начитанность баритона, но, как я думаю, стремилась напомнить традиционность борьбы русской империи против крохотной, вроде бы не в меру разбойничьей этнии, чем-то напоминающей наших мстительных корсиканцев. Тем и другим пора бы и честь знать... Эпизод сам по себе скорее вздорный, но символически значащий. Галлы, как правило, славились зачастую немощной, чисто словесной, но упорной защитой малых народностей, а тут...

К тому же отзовись публично кто-нибудь о паршивом, скажем, могикане, страшном негре или противном арабе – вся страна бы сразу ошетилилась грозными пиками с транспарантами, призывающими к беспощадной антирасистской борьбе. А здесь нет, как ни в чем не бывало.

– Ведь тут Лермонтов, поймите, великий поэт, тут Кавказ, литературное приложение к империи...

– Стоп! Вы как раз противники всякой, не то что своей собственной империи – что блестяще доказал небезызвестный генерал... Вы всякий империализм осуждаете... Вас недаром возмущает американская мировая монополия... Как же так?

– Тут иное дело... Какой тут империализм? Как-нибудь объясню. Тут чего-то такое... Умом ведь не понять... а только верить можно... Фаворский свет тут, что ни говори, Ансамбль Красной Армии... Царь Колокол... И бурлаки... Стенька Разин, да и много еще чего... недоступного гордому взору иноплеменному...

– Слов нет, конечно, много там чего, но коль дело дойдет до младенцев, то сейчас, скорее всего, бывает туго чеченским младенцам от лермонтовских духовных внуков, а не наоборот... Нет, честно говоря, поэтическая цитата чуток не ко двору, и будь у человека советники хоть малость грамотнее, то

они могли бы ему напомнить несколько любопытных исторических фактов, остерегающих от неудачных сравнений. Напомнить, например, что казаки, может, без всякой злобы, может быть, и любя на манер блоковских скифов, но пролили более крови, правда, ляшеской и жидовской, чем в голову пришло бы самому злому чеченцу. От гайдамацких подвигов и уманской резни брезгливо морщился даже выдавший имперские виды историк Соловьев...

Что же касается младенца, о сне которого так заботился поэт, пусть бы забыл, как его предкам удалось спастись от царской расправы и никогда не догадался о том, как с его потомками расправится советская власть без малейшего участия злых или незлых кавказских наездников. Итак, лучше бы было обойтись без колыбельных приглашений на казни...

Оплошность баритона тем не менее знаменательна. Она прекрасно иллюстрирует л'эксепсьон рюс, русскую льготу, отказ применять к России общий аршин со стороны людей, мало знакомых с тютчевскими стихами и вообще с русской культурой и историей. но упорно хватающихся за привычный стереотип.

В этом стереотипе соединяются самые разнообразные и противоречивые слагаемые, но среди них явно преобладают и особо ценятся, даже одобряются черты азарта, грубости, жестокости, буйности, скандальной непредсказуемости, непостоянства. На таком густом фоне четко выделяются не менее традиционные качества: незлопамятство, восторженная искренность, всесторонняя талантливость, молниеносное освоение иностранных языков, балетная и шахматная виртуозность. Целое скреплено громовыми аккордами не то армейского, не то патриаршего хора. Что же касается зрительных представлений, то можно сойтись на безграничном лесостепном пироге, в центре которого алой черешней торчит Василий Блаженный.

Многие русские, пожалуй, и виноваты в создании такой полумифической мешанины, которая их даже устраивает хотя бы своей удобной широтой, расплывчатостью и радикальным отсутствием каких бы то ни было чисто эпических категорий. Они не то что не оспаривают ее, но охотно ее обыгрывают. Соблазну всеохватывающей широты поддались, кстати, не только шарлатаны, безудержно играющие ту же роль для зача-

рованно поддакивающей европейской публики, но такие великаны, как Достоевский, Тютчев или Блок. Перед угрозой чужого оружия, а часто перед угрозой чужого взгляда, воспринимаемого как оружие, происходит трепетная мобилизация... и пошел «всечеловею», пошли скифы, пошло пьяное хвостовство пустым пространством и тютчевское упругое понимание через веру, и какое-то более чем кутузовское отступление в глубины безграничного самого себя.

Многие русские не чужды того, что я в шутку называю «Курской Аномалией», того восторженного отказа от разума ради ухода во что-то похожее на метафизическое радение. Содержание этого действия богато и пестро, ведь в нем все, что угодно, кроме трезвости, но можно без труда его передать родным восклицанием «ЭХ!!!» Правда, мои соотечественники лишены фонетических средств для точного воспроизведения столь лихого звука «Ха», но они стараются хоть мыслью, хоть душой подтянуться, поднастроиться, чтобы хоть в уме подпевать космическому гулу.

2. О клевете, клюкве и Курской Аномалии

Альбер Камю однажды заметил, что «абсурд заключается не в человеке и не в мире, а в их совместном существовании». Это высказывание можно легко применить к самым различным фактам и ситуациям. Столкновение, легкое трение, а иногда простое соприкосновение двух несовместимых начал может привести к взрыву, семейной драке, мировой войне, или вызвать крик досады: «Черт возьми, не берет! Не та нарезка!»

Итак, абсурд, как и война, как и любая драка, возникает на стыке, на пограничном пункте. Оставим абсурд на время в покое, не забывая, что всякая межа – память о застывшей войне. Передвижение вех, шаг вперед, грубое ругательство приводят к объявлению войны, виртуальной или реальной. Люди, как и народы, очень чувствительны в отношении своей кожи, своей оболочки, своих границ. Стоит задеть, поцарапать – и сразу полетится перечь давнишних, вечных, взбадривающих обид... И вот мы уже готовы в бой, латы надеты...

Когда речь идет не о выяснении отношений между супругами, а о резком противопоставлении двух народов, двух культур по серьезному или вздорному поводу, то конфликт обычно затрагивает не только живых. Он воскрешает и вербует для побоища мертвых, ибо всякий пограничный столб отделяет, кроме двух территорий, два не сводимых друг к другу исторических опыта. Как только вспыхнула война – пусть даже словесная – человек решает, что он стоит не только за себя, но и за всех «своих».

Нарушение твоих границ – войсками ли, бранными ли словами, безоговорочным ли суждением (все равно результат один, хотя не всегда в одной и той же мере кровавый) – превращает тебя в пленника многоголовой гидры МЫ, в утробе которой теряешься, теряешь свою личность, но зато ощущаешь себя частью глухой пульсации огромного родного зверя. Кровавая близость к этому – пусть слепому, пусть глухому – МЫ не может не замедлить холодную работу разума, который обычно чурается низин коллективной психики. Иногда достаточно колкой эпитафии, направленной против нашей национальной гордости, чтобы мы отступали в дали нашего общего, сердитого МЫ, презрительно отстраняя мнение незваного судьи:

Оставьте, это спор славян между собою,
Домашний, старый спор...

Мы сердито отказываем ему в праве знать и понимать,
хотя бы потому, что все равно:

..... вы не читали
Сии кровавые скрижали:
Вам непонятна. вам чужда
Сия семейная вражда...

А может быть, уже читали? И поняли? – Кто понял?
Вы?!!

Дальше, как известно, идет обычное, как ектенья, восхваление огромности страны и неисчислимого населения – скачок в количественное, столь характерный для апологетической риторики и мысли: «нас – тьмы, и тьмы, и тьмы» – и, что

гораздо интереснее, ссылка на недавнее прошлое, на исторический прецедент:

Так высылайте нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России
Среди не чуждых им гробов.

Блестящее стихотворение увлекает нас, конечно, не в историю – уже не до истории как жанра, ведь история свежая, в крови, кулаком стучится в дверь – а в ее мифическую обработку. Из нее поэт, добровольно поступивший на службу к МЫ, выбрасывает все, что могло бы удерживать патриотический порыв, и по всем правилам гимнологической поэтики хулит противника. В этом отношении стихи эти удивительно близки к французским революционным поэтическим излияниям, с той разницей, что эти угрожают силой, пространством и числом, а те – аллегориями тиранства, свободы, равенства и т.д.

В таких спорах история – просто удобный источник, питающий эмоциональное мифотворчество. Из нее берут только то, что возвеличивает пламенного безымянного героя и разбивает в пух и прах бяку-врага. Такой мифологический уклон подстерегает всех нас, и не только разгневанных поэтов, почти на каждом шагу. Историкам доступно исследование отдельных отдаленных периодов, но как только они берутся за глобальную историю живого народа, своего или чужого, их без их ведома мало-помалу поглощает поэтика хвалы или хулы.

Мысль вообще, а не только историческая, замолкает по мере того, как она погружается в толщу огульных местоимений, будь то МЫ или не менее грозное ОНИ, если под ними подразумеваются этнические коллективы. Вот почему, наверное, в наших ушах «дикой сказкой» звучит то, что про нас говорят иностранцы, даже вполне благорасположенные. Ведь все равно рано или поздно получится взрыв, не из-за столкновения их добросовестного историка с нашими спокойными мудрецами, а из-за глухой конфронтации и несовместимости ихнего ОНИ с нашим МЫ.

На худой конец, историки могли бы сдержанно сопоставлять разные этнические мифы, указывая на белые пятна, которые неизбежно встречаются в подобного рода сказках, хотя бы по жанровым причинам. В России неминуемость искажения иностранцами русских реалий и, следовательно, всего русского, получила интересную анекдотическую форму легенды о том, как иностранец, точнее, француз, еще точнее, популярный Дюма пил чай под развесистой клюквой. Эту легенду предостерегающе рассказывают молодым людям, которые отважно пускаются в дебри русского языка и истории: берегись, мол, не спеши про нас высказываться, помни, что вы с ним (с Дюма) одного поля ягода. Да впрочем, что ни скажешь про нас – выбор у тебя такой: либо не совсем то, либо совсем не то.

Почему-то легенда мне показалась подозрительной. В крайнем случае, можно было бы представить барина-шутника, разыгравшего наивного туриста. Но Дюма любил и хорошо знал деревья. В парке рядом с его усадьбой росли европейские и экзотические породы деревьев, и вряд ли мог шутливый хозяин выдать ему дуб, березу или рябину за клюквенницу – предвестницу мичуринских чудес. Я эту статейку оставил на время и посмотрел все воспоминания Дюма о России. Клюквы развесистой или ползучей нет и в помине. По крайней мере, в моем издании (Левассер: Париж, без указания даты, том XXIII, с. 1-215).

Тем не менее, легенда знаменательна. На первый взгляд она образно и кратко выражает довольно банальное стремление многих путешественников опрометчиво судить о мало известной стране или верить на слово своим амфитрионам. Но если ее сопоставить с другими заявлениями о местной душе и местном божестве, о философии познания через веру, о всечеловечности и т.д., то сразу становится ясно, что, сознательно или нет, она наивно отражает закоренелое убеждение, что Россия не поддается рациональному анализу и составляет грандиозное исключение.

Правда, грандиозности в ней вполне хватает, но не век же удивляться собственной безмерности, оправдывая ею все хорошее и плохое, укрывая за ней свою лень братья за какую-нибудь тему поновее? Трагизм и безумие истории, тоже гран-

диозные, не дают патента на повторные инсценировки Смутного времени. Тут, видимо, не перестает вклиниваться между Россией и ее образом то деформирующее, ставшее привычным, начало, то кривое зеркало, которое я в шутку называю Курской Аномалией, потому что оно сбивает с толку любой магнит, не спрашивая о пятом пункте. Стоит только неосторожному магниту подойти к химере и задать ей губительный вопрос: кто ты?

Однако меня интересует, озадачивает и порой раздражает не естественная завороченность русских своей родиной, а зачарованность моих соотечественников, одурманенных чужой и иногда вовсе незнакомой Россией и, как минимум, глупеющих от этой проклятой аномалии.

Исключительность судьбы?! По кошмарному числу жертв – безусловно. Но до каких пор можно безнаказанно играть с ней? И зачем иностранцу входить в эту игру? Зачем французу надевать на себя чужую кожу и яростно отстаивать все русское без различия, от Спаса на Нерли до самых подозрительных и даже преступных ходов внешней политики? Это восторженное восхваление не терпит, конечно, никаких оговорок, но его не объяснишь политической предвзятостью левых. Оно, пожалуй, еще сильнее у правых или у христиан сентиментального и юродствующего толка. На вопросы о его упованиях полемист-католик Леон Блуа¹ обычно невозмутимо и вполне искренне отвечал: «Жду казаков и Святога Духа». Иными словами, Апокалипсиса.

Страстный отказ применять к России общий аршин и стремление придать ей некую абсолютную неприкосновенность доказывает извращение не политической мысли, а религиозного чувства. Эта болезнь может заразить всех, кто переживает временный или врожденный духовный кризис. Ведь не кто-нибудь, а Рильке воскликнул в азарте: «Германия примыкает к России, а Россия к Богу», завершая окрыленный поход, начатый Тютчевым и Достоевским. Для многих до сих пор Россия, включая свое советское перевоплощение, – это дву-

---

¹ Леон Блуа (1846-1917). Писатель и пламенный памфлетист. Обличал конформистов всех мастей и двусмысленность французской республиканской идеологии.

главая империя Добра и Зла. Вернее, она парит над Добром и Злом. Противоположности в ней чудным образом сливаются, а кантовская эстетика Возвышенного спокойно поглощает этику и политику, не считаясь с числом жертв. Она одновременно Молох и Царство Божие. Есть от чего трепетать. А для переваривания всего на свете: людей, народов, логики и этики — существует удобное и эластичное понятие «размаха», пленяющее любителей хаоса, еле знакомых с русской азбукой. Размах, как известно, не позволяет медленно ползти вверх по ступенькам в отличие от подвига, который доступен даже иноплеменным старателям. Размах — почти исключительно российская черта. Он без труда уживается с безумными, безалаберными и даже самоубийственными порывами. Это как раз и нужно влюбленной в казацкую удаль публике.

Добровольная капитуляция перед головокружением может поначалу озадачить тех, кто довольствуется не менее живучим стереотипом француза-картезианца, тех, кто не знает или забывает, каким разгулом безумной жестокости воссияла Французская революция. Курская аномалия позволяет, между прочим, приписать мифическим русским все грубые порывы, тоску по варварству, тягу к слепому повиновению, одновременно оргийное и рабское начало, одним словом, все, что обычно загоняется в катакомбы человеческого сознания, куда позволено заглядывать лишь в раз и навсегда установленные и узаконенные подвальные окошки. Такими историческими окошками являются, например, Варфоломеевская резня, избранные страницы из нашего террора, печальные случаи из колониального прошлого.

Недаром указал я на Блуа как на образцового выразителя аномалии. Именно в его время и произошла смена стереотипов, касающихся России. До франко-прусской войны, до конституции 1875 года, которая остановила поползновения реставрировать монархию, Франция, еще не совсем похоронившая своих королей, не так судорожно боялась Германии. Она еще не нуждалась в славянском тыле, мнила себя великой державой и кормилась другими, свободолобивыми, пропольскими и антирусскими штампами. За редким исключением вернувшихся на родину эмигрантов, которые ввели моду на

Ольг, Надежд и Вольдемаров, что-то не найти доброжелательных отзывов о России вплоть до 1870 года.

До разгрома Второй империи Россия – бука. Ею пугает детей графиня де Сегюр, урожденная Ростопчина. Капитан-исправник и розги в подвалах заменяют традиционную фауну детских кошмаров. Кнут, беспросыпное пьянство, ухабистые дороги, волки, кандалы, медведи, Сибирь составляют восточный горизонт малюток, которые об истреблении вандейцев и коммунаров узнают несколько позже. Или никогда. А взрослых историк-романтик Мишле питает трепещущим пафосом своих «Демократических легенд Северных стран», где он яростно обличает кнутократию.

У французов Аномалия случилась на развалинах Второй империи, после безумной авантюры Коммуны, где, кстати, изобиловали аномальные, пугачевские, что ли, черты. Опустился занавес на польские, еврейские и прочие вечно зудящие раны. Затихли стенания малых поработенных народов, замолкли голоса певцов свободы: разгром Коммуны загнал их в подполье или прямо в ссылку. И когда занавес снова поднялся, то разыгралась русская феерия. Раздался общий крик восторга, и наши министры и дипломаты стали почтительно снимать цилиндры с легким поклоном в сторону далекого царя – «ле Цар!» – в надежде, что сей самодержец со своей бескрайней империей сумсет удержать в страхе Божьем нахально победивших соседей.

Союзы союзами, но на этот раз произошел какой-то волшебный сдвиг. Словно с легкой руки Тютчева целый народ, плонув на разум и отмахнувшись от мысли о каком-либо понимании, бросился верить изо всех сил в «Святую Русь». Это странное название ничуть не смущало яростных противников церкви, оно даже проникало в слова популярной на пороге XX века мазурки. На фарфоровых сервизах появились вензеля и портреты царской пары: коронованных особ обороняют «ле Козак» – живое воплощение размаха с гиком.

Кроме пресловутых казаков, стоит упомянуть еще «ле барин», которые сорят деньгами и скандалят на Лазурном берегу в собольих тулупах. Они по-своему дают представление о том же размахе и научили мир русской рулетке. Картина не была бы полной без «ле мужик». «А, ле мужик!» Без них ка-

кая там Россия! Они долготерпеливо живут в курных избах, где без устали шлифуют деревянные игрушки и остроумные пословицы. Они на диво детородны, что пригодится, даст Бог, в будущую немецкую войну. Граф Толстой, великий писатель, указывает на них как на кладези народной мудрости. Когда чаша долготерпения переполняется, они могут соблазниться размахом. Тогда они режут и жгут «ле барин», за что им размашисто достается от казаков. Кое-кто еще упоминает непереводимую «л'энтеллиженсья», которая дичится казаков и бар, недолюбливает царей и болсет за «ле мужик». Там тоже «ле поп», которые живописнее и, наверное, не хуже наших долгопых... Что за страна, позволяющая сочувствовать чему угодно на расстоянии!

Зарисовка карикатурна, но, увы, нет ни одной строки, написанной о России между франко-прусской и Первой мировой войнами, где не мерещилась бы одна, две, а то и все черты, из которых она слагается. Почти единственное исключение составляет разумно и трезво любящий Россию с ее величием и пороками Леруа-Болье², может быть, оттого, что хорошо знал русский язык, долго жил в этой стране, старался ее понять и, будучи искренне и глубоко верующим, не мог ни ненавидеть Россию и русских, ни поддаться подмене религии культом империи. Ведь, как ни странно, обожествление империи – русской или советской, все равно, – заменило или оживило мессианскую надежду, увядшую почти везде. Географические дали превратились в одуряющую умы голубую мглу, куда, кстати, тянуло и тянет не одного слависта. И если по понятным геополитическим причинам аномалия одурманила в основном французов и продолжает одурманивать их вплоть до наших дней, то лихое восклицание Рильке доказывает, что она не чужда и нашим соседям. Пора бы составить антологию...

3. Куда ты скачешь, гордый конь?..

Хотелось бы перейти к заключению, которое я назову

---

² Леруа-Болье (1842-1912). Искусствовед и историк. Автор очень ценной книги «О Царской империи и русских» и не менее ценных книг о России и Европе, о христианстве и социализме (прим. автора).

«В тени Пушкина». Как и все мы, поэт не был чужд аномальных вспышек, но в «Медном всаднике» он поэтически умиротворил и превзошел непримиримо враждебные силы, превратив историю Петровской России в неистощимый миф. Тем самым он указал нам путь к расшифровке аномалии. Россия стала последним мифом, выдуманном разочарованной и усталой Европой. Она последний горизонт романтических чаяний и стремлений к Возвышенному. Она территориальная подмена Царства Божия, вера в которое ослабла. Реальная огромность Российской империи, трагизм ее истории, засекреченность и активность ее политики, полиции, дипломатии, содействие русских идеологов, да и изумительный литературный талант ее писателей – все это постоянно препятствовало попыткам трезвого понимания этой страны и, в конечном итоге, только раздувало миф. В ту же борозду легко уложится в свое время эсхатологический миф о советской России, которая в глазах огромного большинства на Западе стояла высоко над Добром и Злом, превратившись в предмет не понимания, а Веры для миллионов добрых и не очень добрых людей.

По-моему, в создании этого современного мифа, который утешал сирот и заполнял зияющую религиозную пустоту, первую роль, как ни парадоксально, сыграли гробовщики французской монархии – французские просветители, раболепно служившие Елизавете Кроткой и Екатерине Великой и так сильно повлиявшие на юную Новую Россию. Стоит только чуть-чуть копнуть почву, на которой этот миф расцвел, и непременно попадешь на две крылатые выдумки века Просвещения: миф о добром дикаре и теорию просвещенного деспотизма. Вот почему, вероятно, аномалия так живуча среди галлов и по сей день. Мы в ней чужем – или припоминаем – забытое было что-то родное.

Экс-ап-Прованс, декабрь 1999 г.

P. S. Ах, какие морозы трещали в январе 1955 года! Какие были морозы – ни оттепели тебе, ни капли – приятно вспомнить... А я кручу роман с удивительным человеком, с Андреем Синявским, и, завернувшись в сорок платков, бегаю

на его лекции в МГУ, в Коммунистическую аудиторию. Мне интересно все: и про что читает, и как слушают, и как смеют вон там, в заднем ряду играть в морской бой, если речь идет о русской поэзии XX века, и кто эти два прилежника с первой парты со своими тщательными тетрадочками-конспектами? И почему они в такой мороз ходят с босой головой?

И Синявский объясняет мне, что «отличники» – это его французские студенты, первые ласточки хрущевской оттепели, рыжий – это коммунист Клод Фриу, а с круглым славянским лицом – это Мишель Окутюрье, розовый центр (сегодня оба – знатные профессора, звезды французской славистики), но... есть еще третий – Луи Мартинез («боюсь, что ты его не увидишь!») – крайний правый, махровый антикоммунист, блистательный шелолай, на лекции не ходит, а погрузился в изучение нашего национального характера и русского языка на всех его уровнях.

И когда через много лет, уже в эмиграции, в Париже, я начала издавать журнал «Синтаксис», украшением его стали статьи Мартинеза, а когда мне пеняли, что я, печатая французскую статью, забыла указать имя переводчика, я с наслаждением растолковывала, что переводчиков здесь не было, а Синявский прибавлял, что дай Бог русским писателям так ощущать возможности и русского языка, и русского нрава, как удастся этому французу.

Мария Розанова

А.Б. Залкинд

О ЗАБОЛЕВАНИЯХ ПАРТАКТИВА

1. Серьезность вопроса

Последнее время партия потеряла целый ряд ценнейших работников, преждевременно износившихся. Вне всякого сомнения, смертный список ими не ограничится – в недалеком времени нас ждут и новые тяжелые потери; если мы заблаговременно не примем мер, наши ближайшие жертвы могут оказаться слишком крупными.

Партактив, на долю которого легла невиданная историческая, т.е. и биологическая тяжесть, быстро и резко изнашивается. Если год революционной истории, по своему социальному значению, равен десяткам лет мирного развития, то год революционной, боевой нагрузки телесно, по биоистощающему своему влиянию, равен ряду лет обычного жития: за пять-восемь лет организм изнашивается так, как будто прожил пятнадцать-двадцать лет. Между тем, наш парткостяк, т.е., по преимуществу, подпольщики, исчисляют свой стаж не пятью и не восьмью годами: можно представить, сколько у него предпосылок для раннего инвалидирования. 30-летний носит в себе болезни 40-45-летнего человека: 40-летний – ведь это почти старик.

На преждевременную биологическую ломку партактива обратили сейчас внимание руководящие органы партии. По докладу т. Кагановича, при ЦК создана особая комиссия под председательством т. Катаевича, срочно прорабатывающая основные вопросы и руководящие инструкции по партнагрузке. Нарком здравоохранения т. Семашко посвящает этой же

теме ряд призывных, горячих статей в общей прессе. Внимание широкой партмассы, видимо, уже привлечено – это не значит, конечно, что надо впадать в панику. Для паники нет, понятно, никаких оснований, но что вопрос серьезен, что необходимо срочно принять ряд разумных мер – об этом должны знать все. Объективный ход революции и без того достаточно жадно обглаживает биологическое здоровье парткосяка, незачем к этой «естественной» прожорливости истории прибавлять еще наши ошибки. Уяснению некоторых вопросов биопартигиены посвящается и все нижеследующее.

2. Оптимизм, целеустремленность партийцев – и биологическая выносливость

Радостная, уверенная – боевая твердость партии является спасительным биологическим орудием для ее членов. Уверенно целеустремленный организм оказывается всегда значительно более гибким и находчивым в борьбе за существование, более сильным, более выносливым. Те телесные тягости, которые давно вывели бы из биологической колеи, ввергли бы в трудную болезнь человека колеблющегося, робкого, напуганного, – спокойно и устойчиво долго переносятся прочно-целеустремленным человеком. Если бы соединить всю ту сумму биологических затрат, утомлений, недоеданий, недосыпаний, потрясений, – которые испытали на своем теле, в общем, партийцы, – окажется, что результат этих затрат – как они ни тяжел – все же гораздо менее тяжелый, чем следовало бы ожидать: целевая устойчивость, повторяем, не только полезнейшее качество в классовой войне, но и крупнейшее телесное подспорье – она экономит силы организма, отделяет момент усталости, увеличивает прочность все тканей, всех органов.

Поэтому, если бы мы поставили организмы партийцев в объективно благоприятные условия работы, получились бы невиданные по своей продуктивности результаты. Не количества нагрузки приходится партийцу, главным образом, опасаться, а неправильных методов ее осуществления. Если бы наш типический партиец – этот, в общем, великолепно целеустремленный организм, – был введен в обстановку, способст-

вующую научно правильному развертыванию его работоспособности, правильным заменам работы отдыхом, периодическим приемам пищи и пр., – его биологическая–устойчивость проявила бы буквально чудеса. Тем ответственнее наша биологическая задача – помочь выявиться этим богатейшим возможностям, с наилучшими результатами, при наименьших затратах.

3. Темп работы – и физиологический темп работающего

Всякому работнику органически, по складу его тела, присущ известный темп работы, известная степень скорости, с какой он способен проделывать свою работу. Выходить из рамок этого темпа работник в силах лишь тогда, если окружающая обстановка своими резкими, сильными влияниями – «интенсивностью своих раздражителей» (как выражаются в физиологии) настойчиво, длительно ускоряет этот темп; да и здесь подобный перескок через органический темп не обходится безнаказанно, т.к., несмотря на всемерно ускоряющее содействие со стороны внешней среды, – все же телу приходится напрягаться, «пружинить» свыше своих возможностей, что обычно является одним из основных факторов истощения.

Партиец оказывается типической жертвой этого несоответствия между темпом проделываемой работы и –темпом организма. Темп развития октябрьской революции, темп той работы, которую требовала революция, мало считался с биологическим темпом делателей революции. Движущие силы революции ведь не биологического порядка, и хочет ли, может ли организм, либо нет, – он стихийно вдавливаются в русло революционного развития, поневоле подхватывая тот темп, который навязывает ему революционная среда. Но революция ведь бывает раз в столетия, организмы не успели еще, конечно, усвоить тех темпов, тех навыков, которые ею требуются, и подобное несоответствие несет за собою ряд биологических бед: биологические издержки революции, как мы знаем, всегда очень велики.

Вред от такого несоответствия темпов был не столь велик в первый, боевой, огневой период октябрьской революции. Напряженная атмосфера кровавой войны, быстрая смена

условий и требований борьбы, частые перемены места, впечатлений, всегда обостренные, яркие чувствования – то смертельный риск, то внезапная победа, – все это создавало вездесущий лихорадочный темп, втягивавший в себя всех работников революции. Всегда повышенное, возбужденное состояние, непрерывные, неумолимые и действительно неизбежные требования о спешности – все это ускоряло и биологические темпы, увеличивало продуктивность нервного напряжения, – до известной степени уравнивало те повышенные траты, которые были обусловлены перескоком через биологический темп.

Гораздо хуже обстояло и обстоит с этими темпами сейчас, в «мирные», «тихие» годы революционного развития. Внешней спешности темпа уже нет. Революционный процесс продвигается вперед медленно, шаг за шагом, туго, сложными зигзагами. Рабочая обстановка требует не боевой быстроты, не героического наскока, но углубленного обдумывания прозаических деталей. Казалось бы, для лихорадочного темпа нет оснований. Однако, недавний ускоренный темп еще не изжит, еще царит его отрывка, его инерция. Быстрый темп сделался как бы привычкой, условным рефлексом – и оторваться от него, даже при изменившихся внешних условиях, не так легко. Вот почему очень многие работники даже и сейчас, без объективной к тому необходимости, продолжают работать в ударном темпе, наскоком, с броска – в ущерб не только своему биологическому бытию, но и интересам работы, которая вовсе этой ударности не требует. Подобная ударность оказывается сугубо отягчающим обстоятельством для организма: во-первых потому, что не оправданная сейчас во вне, она особенно убыточна и для организма. во-вторых потому, что она обглаживает организм и без того достаточно пострадавший в эпоху «законной ударности». По-видимому, необходимы серьезные поправки к темпу нашей работы. Если темп нового социального строительства далеко не во всем может соответствовать «темповым» возможностям строителей, – все же имеется некая равнодействующая, максимально сближающая эти темпы, минимально вредная для работников. Надо прощупать ее, надо всемерно бороться с излишней ударностью, с ударностью по инерции.

4. Эмоциональные шпоры – и порог утомления работника

В организме существует автоматически действующий регулятор, тормозящий нашу работу, как только затраты ее переходят законные биологические границы. Для новой работы необходимо восстановление этой затраты – и организм, впредь до получения должного возмещения (отдых, пища), приостанавливает дальнейшую деятельность, не может ее продолжать: он устал, испытывает усталость, утомление. Это состояние усталости – спасительно. Подавляя биологически незаконную активность, оно способствует своевременному возрождению тканей тела, сохраняет эластичность его. Без этого законного состояния утомления организм доводил бы свою активность до пределов, за которыми восстановление траты оказалось бы очень затруднительным – подчас и невозможным.

У партийца обстоит с этим регулятором неблагоприятно. Положительной чертой типического, т.е. хорошо целеустремленного партийца является вообще смягченная, пониженная утомляемость, действительное расширение активных возможностей его организма: затраты его более экономны, т.е. и состояние утомления должно приходить к нему позже – это в порядке вещей. Однако, к сожалению, и в области этого счастливейшего качества наблюдается большой перескок.

Эмоциональное возбуждение прочно целеустремленного организма оказывается полезным лишь до известных пределов. Сильная сторона эмоционального возбуждения может оказаться и опасной чертой. Эмоциональное возбуждение, ускоряя темп работы, увеличивая гибкость и цепкость работающих аппаратов тела, может, при неправильном его использовании, не только понизить объективный порог утомляемости, но и расплющить самое чувство утомления: из-за непрерывного, сильного возбуждения законное состояние законной усталости может быть и не замечено. Знаем же мы, как долго не замечает боли тяжело раненый, возбужденный боец в часы атаки, как поздно замечает свою смертельную подчас усталость человек, спасающий жизнь непрерывным, многочасовым бегом. Конечно, эмоциональное напряжение партийца нельзя сравнивать с этими редкими случаями отчаянного перевозбуждения. Однако, все же в волнующей обстановке ново-

го творчества, в колоссальном чувстве ответственности перед партией и государством имеются такие возбудители, которые, при неумелом к ним подходе, могут действовать и как добавочные, избыточные удары шпор. За таким возбуждением даже и законная усталость может сплошь и рядом оказаться незамеченной. Пройдя раз и два и три мимо нее, работник день за днем накапливает неизжитое утомление; суммируясь неделями, месяцами, это утомление в дальнейшем создаст такой ядовитый груз, от которого организм зачастую уже не в силах избавиться.

Самое опасное – в подобном состоянии избыточного эмоционального прищипоривания – то, что истощение, им создаваемое, способствует не уменьшению, а нарастанию возбуждения. Нервная клетка, в отличие от других тканей тела, обнаруживает свою усталость не в форме пассивности, вялости, а в виде особо обостренной возбудимости. Партиец – ведь это, по преимуществу, мозговой, «нервный» работник, и его утомление – это утомление нервной клетки. Если та, в состоянии усталости, перевозбуждается (явление «раздражительной слабости»), очевидно, и работник начинает испытывать взамен вялости добавочное возбуждение. При наличности и без того сильного эмоционального возбуждения, он может принять это добавочное возбуждение за вполне естественное явление, и вместо приостановки работы оно лишь подстегнет ее. Конечно, подобное перманентное возбуждение, без своевременного восстановления сил, можно поддерживать недолго – и вскоре неминуем полный срыв, уже без самообманов: возбуждения нет, наступает слабость, прострация.

Следовательно, для формирования планомерной биопартигигиены, рядом с проблемой урегулирования темпа работы вырастает не менее ответственная проблема – об эмоциональном равновесии работника, о включении работы в эмоционально законные границы, без искажения субъективных регуляторов работы.

5. Перенасыщенность дня и «перенасыщенность воли»

Помимо качественных потрясений, причиняемых организму несоответственным темпом работы и эмоциональным недоучетом утомления, мы в деятельности партийца встреча-

емя еще с чудовищной количественной перегрузкой. Сутки партийца забиты работой до отказа. С раннего утра и до ночной постели — нет отдыха. Резкий переход от приема посетителей к заседаниям, от заседаний — к докладам подчиненных, от последних — к митингу, и т.д. Мозг насыщен непрерывными запросами, на которые надо ответить тут же, зачастую не осмыслив их до глубины — за отсутствием времени и нужной обстановки. Сознание — всегда начеку, воля всегда напряжена: дать передохнуть сознанию, передать часть рабочих впечатлений в подсознание — для более глубокого их там усвоения — нет никакой возможности. Естественно, что работа качественно оказывается недоделанной, а мозг, на долю которого вечно перепадает, при таком подходе, исключительно работа, требующая непрерывного волевого усилия, оказывается в состоянии хронического перенапряжения.

Основной закон продуктивной и нормальной мозговой работы — в пропорциональном распределении материала и времени, при условии возможности, в нужный момент, замены нарочитой так называемой сознательной мозговой работы — подсознательной, «безвольной» ее доработкой. Без этой подсознательной доработки нарушаются основные механизмы мозговой психической деятельности: качество работы терпит глубокий ущерб, а мозг, не имея отдыха от напряжения, испытывает массу добавочных, излишних трений. Именно в таком положении оказывается мозг той массы наших партийцев, которые насыщают все свои рабочие сутки, без перерыва, напряженнейшей нагрузкой, не давая себе ни часа передышки для столь необходимого подсознательного мозгового пищеварения. Этот избыток усердия, в итоге, как видим, оказывается губительным и для работы, и для работника.

6. Двойная, тройная (и более) рабочая установка

Однако, этой чудовищной количественной перенасыщенностью рабочего дня не исчерпывается тяжесть груза, налагаемого на партийца. Он не только захлебывается в избытке суточного материала, он, сверх того, должен одновременно работать на несколько фронтов.

С полгоря бы еще, если бы рабочий день до отказа был забит непрерывной работой. С большим или меньшим ущербом для себя мозг кое-как с этим бы справился. Но сугубое несчастье еще и в том, что приходится, если можно так выразиться, дробить мозг на несколько разрозненных кусков, заставляя каждый из них обслуживать совершенно особую работу. Речь идет о наших совместительствах – и о глубоко различной, специальной мозговой установке, которой требует каждое совместительство порознь. Работник, принужденный ежесуточно разменивать, раздроблять себя на ряд различных по содержанию, но одинаковых по ответственности должностей, продельывает над своим мозгом глубоко вредную операцию. Хорошо еще, если совмещаемые им обязанности органически продолжают одна другую, тогда дело лишь в количественном сгущении его нагрузки, и без того, как мы видим, достаточно густой. Однако, чаще всего совмещение адресуется другому ведомству, связано с совершенно новым кадром работников и требует вполне новых навыков приспособления к нему: мозг принужден одновременно строить две, три, а то и более целеустремленности, каждая из которых требует отдельного материала, особых впечатлений, специального обдумывания, причем каждая же не оставляет работника в покое ни на минуту, так как все они связаны с одинаково глубокой ответственностью.

Биологический эффект такого «мозгодробления» вполне очевиден – не говоря уже о качестве производимой при нем работы.

7. Профнепригодность

Хорошо еще, если все указанные выше «перескоки» через грани трудовой нормы продельваются товарищами, действительно пригодными к обслуживаемой ими деятельности. Работа в таких случаях, как-никак, идет все же по линии вкусов, интересов и навыков работника, является широким развертыванием его творческих профчерт – это смягчает траты, повышает субъективный тон работы. Однако, положение становится буквально трагическим, если нет налицо и этого профсоответствия. Редки разве случаи, когда администратором

делают человека, к этому ничуть не пригодного – мешая ему же целиком уйти в научную работу, куда его как раз всесторонне и тянет. И обратно, разве не держат на –длительной теоретической учебе ряд товарищей, жадно тянущихся исключительно к широкой организаторской деятельности и бесплодно рвущих себе мозги над книжками. Литератора превращают в оратора, типического мирного строителя долгие годы задерживают на военной работе. Между тем, подобная операция прodelывается ведь над партийцем, чувство ответственности которого перед революцией чрезвычайно велико: как ни чужда ему, в профсмысле, порученная ему партией работа, он все же тщится максимально хорошо ее выполнить, т.е. все те «темповые», эмоциональные и прочие указанные выше перескоки оказываются в силе – с той лишь разницей, что они режут острее, т.к. напряжение, требуемое профчуждой работой – без должных свойств, умений и навыков – оказывается значительно более тяжелым; к тому же, чувство подавленности, испытываемое подобным профнесоответствующим партийцем, оказывается добавочным тормозом, увеличивающим внутренние рабочие трения, т.е. повышающим и трудовые биологические затраты.

Профнесоответствие – как мы видим, тоже одна из серьезнейших проблем биопартперегрузки.

8. Культурное отставание

При подобной работе – «не до жиру, быть бы живу». Следить за культурной своей обработкой нет возможности. Все время, все силы уходят на выполнение очередных служебных и партийных обязательств. Внимательно следить за протекающими политическими событиями, просматривать обширные политические, экономические, идеологические обзоры – становится неосуществимой роскошью (многие не успевают даже газету пробежать). тем более нельзя угоняться за теоретической литературой, за оформляющимися художественными исканиями. Черты новой жизни, нового быта, рождающиеся в процессе той же самоотверженной, настойчивой работы парттоварища, ускользают, однако, от его зрения, «прозевываются». За деревьями своего собственного пересыщенного дела

товарищ перестает видеть лес всего революционного строительства в целом, перестает чувствовать и понимать его перспективу. Подобное невольное культурное отставание является не только тяжелым идейным бедствием для партийца, оказывается не только помехой для революционно правильного, диалектического развертывания его работы, оно превращается и в большой биологический груз, т.к. создавая оторванность от живой революционной реальности, лишает работника его оптимизма, его яркой целеустремленности, отнимая, вместе с тем, значительную часть его биологической устойчивости и творческой цепкости.

9. Элементарные гигиенические неувязки

Очевидно, вредность подобной, описанной выше тепловой, эмоциональной и прочей перегрузки не ограничивается непосредственными ее результатами: она глубоко внедряется во все биологические процессы партийца, нарушая их ежедневно, ежечасно, ежеминутно.

Первым долгом, партиец живет исключительно головой, забывая о прочих частях своего тела. В то время, как умственный труд должен протекать в тесной гармонии с прочим телесным функционированием, в то время, как рационализация мозговой работы особенно успешно протекает при достаточных движениях всего тела (прогулки, легкая гимнастика), при обильном и чистом воздухе, при правильном дыхании, свете и пр., наш партиец сидит сиднем (или лежит – ночью) весь свой рабочий день, в непростреленной, накуренной комнате и т.д., и т.п.: дорого расплачивается за эту его неосторожность основной его рабочий орган, та же голова.

Мозгу, по характеру его биохимических трат, при умственной работе нужно специфическое питание, содержащее именно те элементы, которые преимущественно поглощаются при умственном труде. Партиец же и понятия не имеет об этом пищевом, химическом специфизме – ест, что попало, при том ест нерегулярно, в то время как именно при мозговой работе регулярность питания является совершенно обязательной.

Нужных, и вовремя, отдыхов партиец не получает. Отдыхи свои проводит обычно непродуктивно, создавая себе,

взамен трудовой паузы, новую возбуждающую нагрузку (экскурсии, путешествия). Качество сна, как и количество его — тоже, конечно, на последнем месте, и т.д. и т.п. Удивительно ли, если в результате столь «благоприятного» сочетания отвратительных предпосылок, организм партийца преждевременно изнашивается, истощается, ломается. В подобных условиях повышенная смертность в партии, конечно, ни у кого не вызовет удивления.

К счастью, далеко не все то отрицательное, что мы наблюдаем в текущей партперегрузке, действительно обусловлено непреодолимыми объективными причинами, неизбежными требованиями, предъявляемыми ходом революционного процесса. К счастью, многое из этого отрицательного есть плод нашего неумения, нашей методической, организаторской неграмотности. и вот эта-то вполне почтенная часть большой язвы в парторганизме подлежит энергичному, срочному, всестороннему лечению.

10. Основные черты заболеваний партактива

Очевидно, подобное специфическое содержание партперегрузки должно вызвать в организме партийцев ряд тоже специфических расстройств. На самом деле это так и обстоит.

Условно можно бы разделить основные болезненные проявления, наблюдающиеся в массе нашего партактива, на две группы (это деление соответствует как медицинским материалам, накопившимся в центральном партаппарате, так и сведениям, имеющимся лично у пишущего).

1. Чрезвычайно часто мы сталкиваемся с быстрым, как бы внезапным переходом товарища из состояния утомления в состояние истощения. Резервы его организма оказываются израсходованными как бы незаметно для больного — чувство болезни приходит значительно позже, чем появляются объективные ее признаки, и товарищ выходит из строя зачастую лишь в самый последний момент. Подобное явление, конечно, говорит не о какой-то особой ломкости организма парттоварищей, а наоборот, доказует увеличенную их субъективную боеспособность — к сожалению, в конечном счете, в ущерб биологическому интересу. Выше мы уже уяснили, чем обу-

словлена эта субъективная недооценка утомления, фатально влекущая за собою обглаживание резервов, т.е. переутомление, истощение, конечную ломку организма. Итак, наступление большого самочувствия лишь в состоянии глубоко зашедшего, часто и непоправимого истощения, и зачастую быстрая ломка организма после этого – вот первое, что, в общем, характеризует собою основную картину заболеваний нашего партактива.

2. Большой партактив страдает также нарушением основных ритмов в своих телесных процессах. Вполне очевидно, что работа, построенная, в главном, на самом грубом нарушении ритмов – на несвязности различных частей работы между собою – на отсутствии плановости в отношениях между трудом и отдыхом, на нерегулярности питания и сна, – очевидно, такая работа не способна благоприятствовать выявлению естественных телесных ритмов. Сон и пищеварение – это основные функции, на которых зиждется благополучие мозгового работника, требуют жесточайшей регулировки, несоблюдение какой-либо не только их уродует, но и врезается грубым клином во все прочие биологические автоматизмы. Подобная деритмизация организма оказывается тяжелым бедствием: элементарные телесные процессы (сон, пищеварение и пр.), протекающие обычно автоматически, ритмически, без всякого напряжения, без усилия – уродуются, совершаются непланомерно, требуют добавочных усилий, искусственных раздражителей, затрачивают много лишней энергии, развертываются неполно, туго. Вред подобного состояния, конечно, не вызывает сомнений.

Итак, основное, что останавливает наше внимание при подходе к болезненным проявлениям партактива – это: а) быстрый переход утомления в истощение, б) дезорганизация биологических автоматизмов, биологических ритмов. Можно считать эти явления как бы профчертами партзаболеваний. Причины их, как мы видели, в профусловиях партработы – к счастью, во многом изменимых.

11. Общеклинические черты партзаболеваний

Этим двум своеобразным профчертам соответствуют и определенные клинические черты. Имется целая группа кли-

нических симптомов, особенно возлюбивших наш –сверхперегруженный партактив.

а) Чем бы ни страдал наш перегруженный партиец – он, сверх того, почти обязательно (по материалам – 80-90%) является обладателем целой серии нервных симптомов: тут и усиление сухожильных рефлексов, и нервно-повышенная сердечно-сосудистая возбудимость, и двигательные, либо секреторные невроты пищеварительного тракта, и расстроенный сон, и т.д. Вполне очевидно, что эта добавочная, вездесущая нервно-клиническая нагрузка, поскольку она сопровождает все почти прочис болезни партийцев, оказывается большим тормозом для благоприятного течения общелечебного процесса. Очевидно, туберкулез, болезнь сердца и почек, острая инерекция будут протекать гораздо скорее и проще, если им не станут сопутствовать прибавочные нервные явления. К сожалению, по указанным выше причинам, избежать этих непрошенных попутчиков нет пока почти никакой возможности, что делает клинику партаблеванний почти специфичной.¹

б) Как и состояние невротизма, почти столь же характерным для болезней партактива можно считать увеличенное кровяное давление, т.е. повышение напряжения сердечно-сосудистой системы. Объясняется этот тоже почти вездесущий симптом – той эмоциональной, напряженной, постоянно ответственной и спешной активностью, которая так резко характеризует современную работу партактива. Повышение кровя-

---

¹ Конечно, белогвардейщина захочет извлечь из этого факта «убийственные выводы о сумасшедшей партии». Однако, от явлений обычного невротизма до сумасшествия такое же расстояние, как от бронхита до сыпного тифа. Между прочим, число психозов и психопатий в партии – не больше, чем в других слоях населения. Но и по поводу партнервности белогвардейщине радоваться не приходится. Как мы видели, она – результат необычайной, даже чрезмерной трудовой выдержанности партийца – она сламывает работника лишь в последний момент – и по колоссальному сопротивлению, оказываемому ее влияниям, очень четко можно судить о боевой мощи партии. Можно представить себе, какие жалко-дряблые неврастенические явления накопила бы при подобной перегрузке партия меньшевистского пошиба.

ного давления, в общем являясь очень ценным компенсаторным (уравновешивающим) средством, совершенно необходимым при усиленных требованиях, предъявляемых к кровообращению со стороны быстро и напряженно работающего нервно-мозгового аппарата, однако, оказывается далеко не безвредным для организма: преждевременные артериосклерозы – как в сердечной области, так и в мозгу – столь дорого нам стоившие недавно и постоянной смертной угрозой стоящие над лучшей частью нашего парткосяка и сейчас, являются вполне закономерным результатом этого хронического гипертонирования сосудов.

в) Наконец, третьей, не менее специфической общеклинической особенностью болезни партактива оказывается вялый, замедленный обмен веществ. В южном климате, при усиленных телодвижениях, при рациональном питании – подобная напряженная работа, наоборот, способствовала бы усиленному обмену (подчас и чрезмерно усиленному), но сидячий образ жизни партактива, скверный воздух, вдыхаемый им во время работы, полная нерегулярность и химическая нерациональность питания, и прочие многообразные гигиенические изъяны – все это замедляет процессы окисления в организме, тормозит кругооборот телесных соков, понижает активность всего телесного химизма. Явления подагрического артрита, застарелые остатки былых ревматизмов, вялая пототделительная работа кожи, и пр., и пр., – таковы наружные проявления этого глубоко лежащего, всепронизывающего замедленного объема.

Почти все заболевания в партактиве, какой бы они области ни касались, связаны с этой специальной клинической «парттриадой», придающей им свои специфические оттенки, мешающей их лечебному улучшению. Нервность, повышенное давление, вялый обмен – вот первое, на что приходится обращать вниманиис при подходе к «профзаболеваниям» в партии.

Здесь можно бы еще высказаться о четвертой группе общеклинических симптомов, характеризующей некоторую часть партийцев: мы говорим о так называемых «психоневротических» явлениях», в основе связанных с моральными, идеологическими и прочими колебаниями социальной установки заболевшего. Но именно эти симптомы характеризуют

лишь внутренне неустойчивую часть, почему в очерке о партядре, партактиве мы касаться их не будем, тем более, что в двух статьях вопрос этот нами уже поставлен.²

Партзаболевания сильнее всего бьют, конечно, наш старый костяк, особенно много биологически отдавший революции. Однако, и мало пока поработавшая наша молодежь тоже, притом слишком быстро и слишком резко, отдает свою клиническую дань: причина здесь – как в тех же общих условиях комсомольской перегрузки, так, в данном случае особенно, – в хрупкости переходного возраста, на который внезапно легла непосильная и совершенно новая тяжесть. Не избегают клинической повинности и новые пролетарские слои партии: не так прост переход от станка и сохи к тому мозговому напряжению, которого требует работа партруководства, тем более, при дурных гигиенических условиях и скверной системе работы.

12. Общие вехи по борьбе с партзаболеваниями

Итак, вот какова картина биологического состояния партии. Очевидно, подобное положение недопустимо. Мирная полоса советской работы дает возможность отдышаться, уплотниться, рационализировать работу. Борьбе с партзаболеваниями должно быть уделено самое серьезное внимание.

Борьба с ростом заболеваний в партии началась уже давно – сейчас она, наконец, вступила в новую, значительно более планомерную фазу. Борьбу эту – как предупредительную, так и лечебную – приходится вести одновременно по всем направлениям, причем предупредительные мероприятия можно бы разделить на три группы: а) организационные меры по партразгрузке, исходящие от руководящего партаппарата; б) меры по НОТовскому изучению работы партийцев и по углубленной пропаганде рациональной методики работы; в) меры по ознакомлению с элементарной гигиеной, необходимой для всякого мозгового работника. Все лечебные меры

---

² «Язвы РКП» (кн. «Очерки культуры революционного времени») и «Психоневрозы коммунистического студенчества» (кн. «Революция и молодежь», 1925 г.

можно разделить на две группы: а) лечебные меры санаторно-курортно-больничного характера; б) лечебные меры домашнего характера.

13. Предупредительные меры, исходящие из центра

Работник на месте мог бы и «самоуплотниться» и организоваться, мог бы накопить и рациональную систему деловых навыков. Если бы его слишком часто не потрясали сверху, не создавали ему совершенно новых, притом всегда ударных, рабочих установок. Конечно, эта срочность и новизна неизбежна в революционном строительстве – но все же здесь слишком часто укрывается еще не изжитая инерция предэповских методов работы. Ликвидация коей, в подавляющей части, зависит от центра. Кроме массы новых циркуляров, срочных заданий, к этой предэповской методической отрыжке надо отнести и страсть к избыточному заседательскому коллективизму, операция над которым тоже всецело в руках центра: в боевой период, в атмосфере ежесуточной опасности, в условиях, не имевших опытного прошлого, действительно необходим был частый товарищеский совет. Но сейчас, в годы углубленного, неспешного, самостоятельного продумывания мельчайших деталей – добрых 4/5 этого кабинетного коллективизма становится уже излишним. Грозой партнагрузки являются и чудовищные совместительства, зачастую обусловленные как недоучетом биологических возможностей работника, так и недостаточной энергией в подборе новых работников: и здесь основное слово за центром. Беда – в материальном положении работника, в квартирной и прочей его общегиgienической обстановке: от центра тут зависит тоже довольно много.

В общем, в основном от центра требовалось бы: а) нагружать совместительствами лишь в силу совершенно неизбежной необходимости, притом всегда с учетом действительных биологических возможностей работника; давать эти совместительства обязательно по одной и той же линии работы, не раздробляя основной профустановки; б) всегда учитывать профпригодность работника; в) избегать внесения ошеломляющего, ударного элемента («темпа») в обычную работу;

сроки дополнительных заданий планировать в связи с прочей работой партийца; г) избегать избытка циркуляров, инструкций, сгущая материал последних, заменяя количество качеством; д) пересмотреть систему избыточной (организационно) и слишком частой коллективной работы, устранив параллельное, ненужное; е) улучшить материальное положение работников; ж) всемерно увеличить кадр ответственных работников, хотя бы, при нехватке партийцев, за счет наиболее близких беспартийных.

14. «Партнот»

Продуктивная работа по организованному проведению каждым партийцем своей партнагрузки может быть осуществлена лишь при действительно научном подходе к этому вопросу. Кустарные нащупывания в этой области, какими бы благодетельными циркулярами ни наградил работников центр, мало дадут толку. Современная партдеятельность (т.е. руководящая государственная деятельность) совершенно специфична, и методика ее только начинает изучаться. Протекая в невиданных социальных условиях, осуществляемая невиданным классовым кадром, непосредственно, без промежуточных подкупных агентов, адресуясь широкой массе населения – эта работа должна иметь свою, особую систему, подлежащую всестороннему изучению.

Вполне очевидно, что работа общегосударственного масштаба отличается от губернской, тем более от низовой работы: и темпом, и материалом, и распределением времени. Разные охваты работы требуют и различной – политической, производственной, общекультурной, специальной квалификации. Не менее очевидно, что работа администратора-управленца внутренне-методически отличается от работы хозяйственника, от работы «партаппаратчика», от военной работы. Изучены ли эти типовые методические различия? Существуют ли хотя бы основные методические инструкции для подхода к этой работе? Если не считать изыскания красных директоров в области производства, НОТ пока в эти области проникнуть и не пытался. Ему предстоит здесь колоссальная, плодотворнейшая задача. Не надо только замыкать эти нотов-

ские исследования в стены лаборатории; здесь будут полезны и широкие анкеты, и непосредственное обследование на местах: слишком общественно жива работа коммуниста, чтобы можно было изучить ее исключительно в академическом кабинете.

Правильно построенный «партнот» объявит, между прочим, жестокою войну тем, еще существующим в кругах некоторых специалистов. предрассудкам, будто увеличенная заболеваемость пролетарского парткадра обусловлена мозговой неспособностью его к ответственной нагрузке по государственному руководству. Уже клинический опыт учит, что дело здесь не в «неспособности», а в перегрузке и в неправильных методах работы. НОТ должен будет это точно подтвердить. Работа общественника и организатора – а именно такой, в основе, и является современная работа партийца. не только не чужда «пролетарскому естеству», но органически именно из этого естества и вырастает.

Научная организация партнагрузки во многом облегчит борьбу с партболезнями как в смысле их предупреждения, так и в деле пресечения уже возникших заболеваний. Нотовской пропаганде – честь и местов области парбыта, партгигиены.

15. Азбука гигиены всякого партработника

Помимо мер «высокого» порядка (действия руководящих органов: НОТ), существуют и серенькие, скромные азбучные меры, применимые почти каждым работником – о которых никогда не следует забывать. К сожалению, и они далеко не всегда осуществимы в лихорадочной суতোлке нашей партперегрузки. Однако, не надо все же преувеличивать нашу беспомощность в этой области: зная азбуку, можно многое улучшить даже и сейчас, с первого же дня, тем более, что те полтора-два суточных часа, которые выпадут для этого из работы, сугубо компенсируются ценнейшим обогащением качества работы. Тов. Семашко был вполне прав, когда основные элементы этой гигиенической азбуки внес, как органическую часть, в проект общего циркуляра ЦК по вопросу о партнагрузке.

В общем, азбука партгигиены в основном сводится к следующим принципам³: а) жесточайшая регулировка часов еды – и час отдыха после обеденного приема пищи; б) такая же жестокая регулировка часов сна⁴; спать не меньше 7-8 часов, ложиться в одно время (лучше – 12 ч ночи), за час до сна прекращать напряженную мозговую работу – лучше всего в это время получасовая прогулка; в) две получасовые прогулки в течение дня. легкая гимнастика (небольшое мышечное возбуждение – полезнейшее подспорье для мозговой работы); обтирание прохладной (комнатной) водой; г) всегда свежий воздух в комнате: избегать как излишнего тепла, так и холода; д) химическая спецификация питания: основой его качественной часть должны быть белки, фосфориды, витамины⁵; е) наиболее тяжелую часть работы лучше выполнять в первую половину недели, в первые две трети послеотпускного периода; ж) в дни напряженных публичных выступлений стараться максимально разгрузиться от прочей трудной работы; з) не раздваивать внимания во время работы, не заниматься одновременно несколькими работами; и) длительно-монотонную работу стараться частично разнообразить – либо временной заменой другой работой, либо привнесением в нее освежающих элементов из боковых ее областей; к) работать в свободной позе, в нестягивающей одежде (облегчение притока крови к мозгу); л) воздерживаться от алкоголя и никотина; м) максимальная половая скромность; н) отпуска проводить в обстановке легкого и занимательного физкульту, но не создавать себе во время отпусков добавочную нагрузку в виде уютных экскурсий, возбуждающих путешествий и т.д.;

---

³ Ряд указанных ниже соображений не вошел в сжатый гигиенический проект т. Семанко, и остается на ответственности пишущего. Между прочим, инициативе т. Семанко мы обязаны скорым выходом в свет особой наркомздравовской брошюры, посвященной основам мозговой гигиены.

⁴ В основе мозговой гигиены лежит максимальная ритмика для сна и пищеварения – для чего жесткий режим сна и приемов пищи – основная предпосылка.

⁵ Подробнее см. в нашей книге «Революция и молодежь», статья «Гигиена умственного труда».

о) пролетарский партактив, при первом периоде отрыва от станка, должен чаще устраивать отдых в течение суток, и длительный отпуск должен в первое время раздроблять на более мелкие, но в то же время более частые отпуска. Именно для него, недавнего физтрудолика, не забывать о физкульте – основное правило.

Если бы парттоварищи из этой азбучной гигиены извлекли бы осуществимое (при уменьи, даже в сегодняшних условиях, 50% указаний вполне реализуемы), какая огромная биологическая, т.е. и творческая экономия получилась бы у партии. Клинический «капитал» партии значительно потускнел бы тогда. Выполнение азбучных норм гигиены должно сделаться одной из основных глав партэтики: ведь вопрос идет не о шкурничестве – о сохранении классового авангарда.

16. Лечебные меры

Ясно, что центр тяжести войны с партзаболеваниями – не в лечении, а в предупреждении. Как ни лечи – но, при сохранении прежней обстановки и старых методов работы, заболеваемость будет лишь нарастать. Поэтому особое место при партаппарате должны занять медицинские комиссии, вовремя и периодически обследующие работников, для своевременного извлечения порченого материала и надлежащего его направления: суждения этих медкомиссий, снабженных достаточно прочным партрегулятором, должны играть серьезную роль при профотборе, перемещениях работников, в вопросе о совместительстве, о пониженной ответственности, и т.д.

В самой методике лечебного подхода к партактиву должен наступить перелом. Чрезвычайно часто при неумелом подходе лечебный процесс (пребывание в санатории, на курорте) взамен клинического улучшения создавал новую большую нагрузку. Лечащийся товарищ, привыкший к беспорядочной, напряженнейшей работе, очень трудно мирится с тем новым напряжением, которое вначале создается жестким режимом учреждения: он протестует, тоскует, рвется вон из режимных рамок, «рассеивается» – частыми отлучками в город, на долгие экскурсии. – одним словом, старательно делает все то, чего ему делать никак нельзя. Твердости медперсонала

иногда (вернее, слишком часто) не хватает для водворения энергичного парттоварища в законные рамки, в результате — клинический эффект: 15% того, чего следовало бы ждать. Подобное положение недопустимо.

Нужно вдолбить всем больным товарищам, что явления невротизма — обязательное и основное окружение всякого их заболевания, и что, не освободившись от них, все мечтать об улучшении туберкулезного, почечного и прочих клинических процессов. Невротизм же требует, при лечении, чрезвычайно жесткого режима. без коего — нельзя вправить выбитые из колеи биологические ритмы. Поэтому вполне прав был врач ЦК тов. Потемкин, настаивая на введении неврологического режима даже в дома отдыха, преимущественной клиентурой которых оказываются парттоварищи. О внесении же элементов этого «нервного» режима в партсанатории и говорить не приходится: ясно.

Вторым шагом лечебной реформы должна быть действительная научная медицинизация тех лечебных —показаний, которые адресуются парттоварищам. Зачастую в назначении больному той или иной курортной местности преобладают не столько клинические мотивы, сколько настойчивость энергичного товарища. Иногда район выбирается им даже во вред заболеванию: сплошь и рядом, он направляется в избранную им местность вопреки резким запретам медкомиссии. Не говоря уже о серьезном вреде, наносимом заболеванию подобной излишней инициативой, мы здесь сталкиваемся еще с вредностью, задевающей всех прочих больных данного лечучреждения (или курорта), куда затесался незванный клиент: тяжелый невропат среди туберкулезных больных, либо туберкулезный на сердечном курорте, и т.д. Подобное положение вещей тоже, конечно, требует борьбы.

Третьим шагом лечебной реформы должна быть выработка у выпущенных из лечучреждения товарищей здорового отношения к их дальнейшему бытию. Многие, почуввав значительное улучшение, стремятся, захлебываясь накидываются на работу, забыв о каких бы то ни было медицинских соображениях, но, конечно, быстро снова опрокидываются в клиническую яму. Очевидно, лечебное заведение, помимо терапевтической помощи, должно проделать еще серьезную медпропа-

гандистскую работу по отношению к своим больным, снабдив их правильным научным пониманием болезненного процесса – и простой рецептурой дальнейшего разумного к нему подхода.

Конечно, о более тонких деталях партлечеформы говорить здесь не место (элементы физкульты, легкие трудовые процедуры для некоторых и др.): об этом в специальной печати.

Чрезвычайно важной мерой является введение во всякую медкомиссию, работающую у партаппарата, серьезного невролога, т.к. без учета нервных явлений партзаболевания последнее никогда не будет распознано до конца, как бы внимательны ни были представители других медспециальностей. Особенно плохо в этом смысле обстоит в провинции (даже в губгородах), откуда чрезвычайно часто прибывают товарищи с очень богатыми диагностическими ярлыками по всем отраслям медицины, но без малого, без учета вездесущего неврологического «слона» нашей партклиники. Провинция должна на это обратить серьезное внимание: хотя центр треплет нервы достаточно сильно – но и провинция немногим от него отстает.

17. Лечение дома

Существует распространенный предрассудок, будто все более или менее серьезные заболевания обязательно должны лечиться в специальной обстановке. Это и научно неправильно, и материально, при нашей всяческой (и медицинской, и финансовой) бедности, неосуществимо. В домашней обстановке, при внимательности врача, при грамотном подходе больного, при содействии семьи, товарищей, можно сделать очень и очень многое – в особенности, если периодически являться для амбулаторного инструктирования, и если, к тому же, имеется некоторая возможность получения отдельных амбулаторных лечебных процедур. Чрезвычайно часто подобное домашнее лечебное пользование (на даче и т.д.) оказывается для ряда больных гораздо более эффективным, чем специальная клиническая база. Во всяком случае, здесь, при выборе базы (санаторий, дача и т.д.) на первом плане надо считаться с указаниями медкомиссии.

18. Партэтика и партгигиена

Было бы вполне целесообразно, если бы при прощупывании сейчас исходных вех партэтики, вопросы – партгигиены вошли бы в эту проблему, как органическая и чрезвычайно существенная ее часть. Если партэтика стремится наилучшим для революции образом организовать всю активность члена РКП, очевидно, рационализацию его биологического бытия нельзя оторвать от планомерной организации всего его прочего бытия. Быть идеологически выдержанным, быть партийно честным, быть максимально, в меру действительных объективных возможностей (они часто, по невежеству, преуменьшаются, недоучитываются) здоровым – должно звучать, как синонимы. Не надо отдавать объективным условиям больше жертв из нашего биологического партфонда, чем это действительно и непреодолимо требуется. Мы вправе, мы обязаны в этом вопросе быть максимально упрямыми, торговаться, не уступать. На очереди серьезнейшая партпроблема – проблема биопартгигиены.⁶

P.S.

Борис Равдин

Галкин, Палкин, Малкин, Чалкин и Залкин
(И.Илья и Е.Петров. «Двенадцать стульев»)

Партактив, партаппарат, партбилет, партбыт, партбюро, партвзносы, партвызыскание, партгосконтроль, партгруппорг, партдень, партдисциплина, партейгеноссе, партейтаг, партздание, парткабинет, парткадр, партклуб, партколлегия, партколлектив, парткомиссия, партконтроль, партконференция, партмаксимум, партмасса, партминимум, партнагрузка, партобслуживание, парторганизм, партперегрузка, партпоручение, партпросвещение, партработа, партрегулятор, партсобра-

---

⁶ См. отдел «О психофизиологии РКП» в нашей книге «Очерки культуры революционного времени» (1924 г.).

ние, парттоварищ, партсанаторий, партстаж, партсъезд, партучеба, партучет, партфонд, партчлен, партшкола, партэтика, партядро, партяранга, партячейка... Еще недавно любой молодец СССР мог объяснить суть и смысл этих и им подобных словообразований. Но вот еще одно слово из этого богатого лексико-политического гнезда – парттриада. Кто с листа скажет, что оно означает? Парттройка? Нет! Партклятва (трехчастная)? Нет! Партпотомки? Да нет!

Парттриада – это невротические симптомы, гипертония, вялый обмен веществ – которыми поражено 80-90% партактива, парткостяка, биологического партфонда РКП(б).

Понятие «парттриада» возникло в середине 20-х гг. Автор определения – Арон Борисович Залкинд (1886-1936), российский врач, психолог, психоневролог, психоаналитик, педагог, член ВКП(б), директор Петроградского психотерапевтического института (1917-1920). Его учение о «парттриаде» возникло на стыке рефлексологии, фрейдизма, марксизма и тейлоризма (научной организации труда, НОТ). По Залкинду, вот источник парттриады: пренебрежение парткостяком основными положениями рефлексологии, нарушение правил биопартгигиены и научной организации труда, культурное отставание, выражавшееся, в частности, в некачественном сублимировании сексуальной энергии в русло социальной активности.

Основные положения «парттриады» были «озвучены» А. Залкиндом в докладе «Болезни, типичные для коммунистов» (I Всероссийский психоневрологический съезд, Петроград, январь 1923 г.). Доклад был услышан. И не только потому, что в нем была дана попытка объединить, почитать, все новейшие учения о поведении человека. Надо полагать, доклад был услышан еще и потому, что фоном ему служила болезнь В.И. Ленина, о которой с весны 1922 г. ходили самые разнообразные слухи. В эмиграции наиболее активно была воспринята первая часть «парттриады» А. Залкинда – невращения партаппарата (см., например, статью известного критика П. Пильского «Шамашечкины», Последние Известия, Таллин, 1923, № 37; опубликовано в сборнике «Балтийский архив», V, Рига, 1999).

Через год, на заседаниях II Психоневрологического съезда, за несколько недель до смерти В. Ленина, А. Залкинд вновь предостерег партактив от пренебрежения медпсихсанпрофрекомандациями в области партгигиены. А интервью и воспоминания врачей, медицинское заключение о смерти В. Ленина убедило партмассу в справедливости партдиагноза А. Залкинда – неврастения и атеросклероз привели к безвременному износу ценнейшего партмеханизма.

В 1924-1925 гг. А. Залкинд публикует статьи «Язвы КРП», «Психоневрозы коммунистического студенчества» (см. его книги «Очерки культуры революционного времени», «Революция и молодежь»), посвященные все той же «парттриаде».

Понятно, что партпсихоневрологу А. Залкинду вскоре пришлось отказаться от фрейдизма, пусть даже понимаемого им весьма своеобразно. Затем пришлось вообще оставить занятия по проблемам партклиники, партнервности, партгигиены, партзаболеваний, партлечеформы. Теперь основной объект его внимания – ребенок, дети, подрастающее поколение строителей комобщества.

К 10-летию Октября А. Залкинд готовит I Педологический съезд, за которым следует создание разного рода комиссий, изданий, научных учреждений, возглавлявшихся им же, организатором и лидером учения о выращивании молодого кадра, «массового нового человека». Но 15-летие Октября знаменуется началом заката деятельности А. Залкинда и в области педологии. До 20-летия Октября, до 1937 г., когда в жизнь были широко введены радикальные методы санитарии и гигиенизации общества, А. Залкинд не дожил. В 1936 г. он «умер от инфаркта на московской улице, возвращаясь с собрания, на котором было оглашено постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов» (См.: Российская педагогическая энциклопедия. Т. 1, М., 1993, с. 320-321; А. Эткинд. Эрос невозможного. М., 1993).

«О заболеваниях партактива» публикуется по машинописи с авторской правкой и пометой: «Читано на партактиве Ц<ентральной> К<онтрольной> К<омиссии> и Н<ародного> К<омиссариата> Р<абоч->К<рестьянской> И<нспекции> в апреле с/г. » Год – вероятно, 1931, вскоре после упомянутого

А.Залкиндом доклада Л.Кагановича – полагаем, речь идет о «Организационном отчете съезду партии», с которым Л.Каганович выступил на XVI съезде ВКП(б) летом 1930 г. Началом 30-х гг. можно датировать и окончательный отказ советской науки от основных положений фрейдизма, что очевидно и для выступления Залкинда в Рабкрине. Но рецидив «старой болезни» А.Залкинда все же можно обнаружить в его рекомендации партийцам соблюдать «максимальную половую скромность» (см. выше главку-15, пункт «м»). Конечно, эту рекомендацию можно попытаться отнести к проблеме этики, но, помятуя о давних статьях Залкинда, понятно, к чему призывает автор: партчлен должен всегда помнить, кому он должен служить, на что должна быть направлена его сексуальная энергия (ср. анекдот периода коллективизации об онановом грехе: подпадает под 58-ю статью – за связь с кулаком и разбазаривание семян).

Андрей Синявский

**ОСНОВЫ
СОВЕТСКОЙ
ЦИВИЛИЗАЦИИ**

! НОВАЯ КНИГА

**Впервые
на
русском
языке.**

Лев Копелев

ПИСЬМО СОЛЖЕНИЦЫНУ

Köln, 30.I-5.II-1985

Саня!

Писать после операции еще не могу, поэтому вынужден диктовать.

На твое письмо от 11 января 1985 года попытаюсь ответить в той же последовательности, в которой построено твое «обвинительное заключение».

– Суждения Карла Проффера¹ о писателях и литературных явлениях были всегда его личными. Он мыслил своеобразно и независимо. Персубеждать его было трудно, почти невозможно. Он был цельный, душевно чистый и сильный человек, страстно влюбленный в Россию, в русскую литературу. Однако наши мнения и о русской, и об американской литературе бывали часто не просто разными, но и противоположными. Так, например, я не разделял его восторженного почтения Н.Я. Мандельштам, и романов Саши Соколова, высоких оценок прозы Марамзина. Он же не разделял наших высоких оценок твоей прозы, романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» (даже отказался публиковать этот роман, несмотря на наши настойчивые просьбы), книг Вл. Корнилова и др. Мы, бывало, яростно спорили. Но, так как Проффер воспитывался не в советской школе, а я уже давно начал «по каплям выдавливать» из себя большевистскую нетерпимость, то никакие литературные разногласия не мешали нам оставаться добрыми друзьями. Статьи его, на которую ты ссылаешься, я вообще не читал.

---

¹ Американский славист. Основатель издательства «Ардис».

— Никакой «веселой встречи» в январе 1974 года не предполагалось. В тот день, когда я с тобой виделся действительно в последний раз, я подошел к тебе только потому, что мне сказали, будто ты хочешь о чем-то поговорить. И, между прочим, спросил тебя, не хотел бы ты встретиться с Профферами, которые в Переделкино (они приезжали не к тебе). Мне казалось, что они, создавшие замечательное русское издательство, выпустившие первую полную библиографию тебе посвященных зарубежных публикаций, могут быть тебе полезны.

— Наши воспоминания об Ахматовой написаны строго по дневникам и письмам. О встрече с тобой она рассказывала и другим людям. Так же как и ты о встрече с ней рассказывал, вероятно, не только нам. Мы тогда же записали все, точно так, как слышали, и потом воспроизвели написанное, ничего не меняя. Почему же правду нужно считать «подпусканием черненького»?

— Сообщения твоих московских корреспондентов о том, что я тебя «поношу до неприличия», «исходя ненавистью» были, видимо, сильно преувеличенными (мягко говоря), отражениями таких фактов:

В твоих сочинениях, которые я прочитал уже после твоей высылки («Жить не по лжи», «Архипелаг ГУЛАГ II», статьи в сборнике «Из-под глыб», «Письмо вождям», «Бодался теленок с дубом»). иные страницы вызывали у меня боль, горечь, гнев, стыд за тебя и жалость к тебе. В течение десятилетия ты представлял нашу литературу с таким замечательным достоинством, с такой безоговорочной правдивостью, и вот это достоинство, эта правдивость стали колбаться, давать трещины, обваливаться, потому что ты вообразил себя единственным носителем единственной истины.

Самые существенные возражения я изложил тогда же в статье «Ложь победима только правдой», она ходила в самиздате, была издана за границей, недавно переиздана в сборнике моих статей «О правде и терпимости» (1982, изд-во Чалидзе), по моему настоянию вместе с заявлением, сделанным мною после твоего ареста 12-го февраля 1974.

За десять лет ни ты, никто из твоих сторонников не оппорили ни одного тезиса этой статьи.

Особую, личную боль причинило мне признание о «Ветрове». В лагерях и на шарашке я привык, что друзья, которых вербовал кум, немедленно рассказывали мне об этом. Мой такой рассказ ты даже использовал в «Круге». А ты скрывал от Мити² и от меня, скрывал еще годы спустя. Разумеется, я возражал тем, кто вслед за Якубовичем утверждал, что значит ты и впрямь выполнял «ветровские» функции, иначе не попал бы из лагеря на шарашку. Но я с болью осознал, что наша дружба всегда была односторонней, что ты вообще никому не был другом, ни Мите, ни мне.

И ты подтвердил это как художник в написанном тобой автопортрете. Твой Ленин³ не только мной был воспринят как талантливый автопортрет; в его отношении к работе, к себе, к женщинам, к дружбам отчетливо проступаешь ты.

Это, пожалуй, самый удачный из твоих автопортретов, он и художественно куда значительно лучше Нержина, Костоглотова и самовлюбленного «бодливого Теленка».

— В журнале «Время и мы» был опубликован только отрывок из моих «шарашечных воспоминаний». Книга «Утоли моя печали» издана в 1981 году в «Ардисе». Прилагаю страницу, заключающую раздел о тебе. Что здесь «дрянь», что «сквозь зубы»?

Писательских претензий у меня никогда не было, но в одном я уверен твердо: я написал только то, что помнил и так, как помнил, себя я не щадил и не пытался ничего ни приукрасить, ни причернить.

Тем из описанных людей, кто был в Москве, я показывал текст — А.Любимову, Е.Тимофееву, С.Куприянову и др. Кое-кто просил изменить их имена и некоторые подробности биографий. От издания к изданию я ничего не менял, не переделывал, не подгонял к новым обстоятельствам и новым отношениям.

— История «хождения рукописи» «Щ 854»⁴ изложена тобой теперь уже в личном письме столь удаленно от истины,

---

² Дмитрий Панин, сокамерник Солженицына, прообраз Солодина (см. «В круге первом»).

³ «Ленин в Цюрихе».

⁴ Первоначальное название «Одного дня Ивана Денисовича».

что я прежде всего удивился, хотя за последние годы должен был бы перестать удивляться тому, как своеобразно ты «живешь не по лжи».

Первое знакомство с этой рукописью было нами тогда же записано. Тогда ведь мы (уже и еще) не боялись обыска.

Начиная с 1966 года мы все дневниковые записи прятали подальше, а потом и переправляли на хранение за рубеж. Таким образом наши архивы оказались в основном здесь, с нами. В них и дневники, и письма, в том числе и твои (с 1956 по 1973 – 64 твоих записей и писем, а здесь с 1980 по 1985, последнее письмо – седьмое). Письма частью в подлинниках, а частью в фотокопиях (подлинники хранятся в ЦГАЛИ, где у нас «закрытое хранение»). Дневники вели и некоторые из тех, кто читал рукопись до ноября, так что подлинная история документирована разными людьми.

Ты привез нам рукопись в мае 1961 года. Я начал читать при тебе же. И сразу сказал, что это мне нравится гораздо больше, чем «Шарашка». Позднее говорил, что могу повторить слова Ленина о Маяковском: «не знаю, как насчет поэзии, но политически своевременно».

Потом прочла Рая,⁵ и мы вместе с тобой составили список тех, кому ты разрешил показывать рукопись, не выпуская ее из нашей квартиры и не называя имени автора: Всеволод Иванов, Вячеслав Иванов, Лидия Чуковская, Владимир Тендряков, Иван Рожанский, Лев Осповат... Не все из них тогда прочитали, но летом прибавились еще читатели. Когда мы вернулись в ноябре 1961 года с Кавказа после XXII съезда, в твой первый приход к нам (5-го или 6-го ноября) мы обсуждали, как теперь быть с рукописью. Мы вдвоем долго уговаривали тебя, что наступило время показать рукопись Твардовскому.

Никто из нас тогда не рассчитывал на публикацию. Но после того, как рукопись побывает в редакции «Нового мира», ты уже не будешь отвечать за ее распространение.

И как именно передавать, мы с тобой обсуждали очень подробно. Решили, что передаст Рая через Асю Б.,⁶ а не я че-

---

⁵ Р. Орлова, жена Л. Копелева.

⁶ А. С. Берзер – редактор в «Новом мире».

рез Марьямова, так как Твардовский и некоторые другие члены редколлегии ко мне плохо относятся.

В тот день, когда я пришел к Твардовскому говорить о «Тарусских страницах», А.Б. сказала мне, что вручит ему рукопись в ближайшие часы и просила назвать какое-либо имя автора. И я надписал сверху «А.Рязанский».

С Твардовским у меня произошло резкое объяснение: он отказался вмешаться, чтобы предотвратить грозившее уничтожение большей части тиража «Тарусских страниц», ругал Паустовского, поэтому я уже не стал говорить о «Щ 854».

В то утро, когда он позвонил мне: «Оказывается, это вы принесли рукопись. Почему же вы ничего не сказали про нее?», я ему так и ответил: «У нас с вами получился такой неприятный разговор, что я не хотел испортить судьбу этой рукописи». Он возразил: «Ну, тут никакие разговоры не могли бы ничего испортить. Эта вещь как «Записки из Мертвого дома». Кто автор?...» и т.д.

Рая отнесла А.Б. единственный имевшийся у нас экземпляр, сказала ей, что это произведение о лагере, настойчиво просила передать лично Твардовскому, минуя всех членов редколлегии.

Мы тогда условились в письмах и телефонных разговорах называть твою рукопись «Моей статьей». 14 ноября 1961 года ты писал: «... в воскресенье я слушал – не по телевидению, а по УВЧ-сопровождению – выступление Твардовского о редакционных планах «Нового мира», – меня берут большие сомнения в том, что статья твоя им подойдет. Ну, да тебе видней, нужно ли?»

Именно так ты сомневался и колебался и в последнем разговоре.

Когда уже в 1962 году пошли слухи, что якобы именно мы распространяем рукопись и тем самым «ставим под угрозу публикацию», ты пришел к нам с претензиями, я был неприятно поражен. Я предположил, что ты поверил слухам потому, что мы раньше говорили о необходимости «самиздата», но оскорбляло недоверие: ведь мы же сказали тебе, что отдали единственный экземпляр. Тогда казалось, что ты, ошеломлен-

ный неожиданным успехом, испытал влияние подозрений Твардовского и работников редакции.

В апреле 1964 года у нас с тобой возникла весьма сердитая размолвка по поводу нового варианта «Круга». Я высказал тебе некоторые критические суждения. Ты возразил сердитым письмом, в котором впервые заодно упрекнул меня за недооценку «Ивана Денисовича».

А теперь, 10 лет спустя, в последнем письме ты пишешь уже, что якобы я «забраковал его, – то есть «И.Д.» вместе с «Кругом» как соцреализм». Но неужели ты забыл, что для меня в те годы понятие «соцреализм» было весьма одобрительным? В 1960 году вышла моя первая книга «Сердце всегда слева», где я искренней глупой уверенностью излагал свою теорию соцреализма. И в этом я не был ни одинок, ни оригинален. В.Днепров и Г.Лукач хвалили «Ивана Денисовича» именно как образец социалистического реализма. А Генрих Белль в 1968 году писал о тебе с любовью и как о художнике-обновителе социалистического реализма. Социалистический реализм – это стремление отражать реальную действительность в свете определенной идеологии.

Сейчас я думаю: не существенно, какая именно идеология владеет автором. Между социалистическим, антисоциалистическим или национал-социалистическим реализмами разницы нет. Вот уже и сейчас, два-три десятилетия спустя, явственно, что книги Кочетова и генерала Краснова стоят на одной полке.

Непомерное усиление идеологической сосредоточенности автора может стать и разрушительным, когда художник превращается в пропагандиста, в иллюстратора.

По этому пути двинулся ты от «Ивана Денисовича» и «Кречетовки» к многотомным сплавам из думских протоколов, царских дневников, штабных сводок и политической риторики. В твоих «Узлах» история пишется точно по Покровскому, как «политика, опрокинутая в прошлое», и в ней теряются, тонут страницы все еще художественной прозы. Ты повторяешь развитие Шолохова от «Тихого Дона» к «Поднятой целине», Федина, Леонова, Фадсева. Этих талантливых писателей обрек на печальные неудачи их идеологический реал-

лизм, определявшийся искренней преданностью внехудожественным идеологическим сверхзадачам.

И совсем напротив, в творчестве Ахматовой и Пастернака поэтическое, художественное начало в конечном счете всегда преодолевало любую идеологию. Платонов, страстно веривший в правду советской революции, и Булгаков, никогда ни на миг ее не признававший, остаются замечательными художниками потому, что каждый творил независимо от своих же политических взглядов.

Но если в вопросе о соцреализме в «Иване Денисовиче» ты просто по-иному оцениваешь мое тогдашнее отношение к этому понятию, то о конкретных фактах ты пишешь, сознательно искажая правду.

16 апреля 64 года я написал тебе: «Историю моего отношения к «ОДИД» и историю его передачи в «НМ» ты излагаешь в том варианте, который создан мелким тщеславием одного великого поэта и одной не великой редакторши: излагаешь вопреки тому, что тебе не может быть неизвестно. Ведь вместе с тобой разрабатывался «тактический» план: чтобы рукопись передавала Рая, т.к. у меня репутация «восторженного» и «увлекающегося», чтобы обязательно передать ее главному, минуя Дементьева и Закса и поэтому передавать не самим, т.к. он нас почти не знает, вернее, знает неприязненно и т.п. Почему они придумали свой вариант «открытия из текучки» легко понять, но почему ты решил поддерживать его, — не могу найти ни одного объяснения, которое не было бы, мягко говоря, нелестным».

21 апреля последовал твой ответ: «Левка! Это непостижимо, чтобы мы с тобой поссорились из-за какого-то, как выражастся Рая, «брёда собачьего». Последнее письмо к тебе я писал с единственной целью объяснить, почему мне мало сказанного тобой по роману, почему я хотел бы более веских доводов в пользу переделки, а вовсе не затем, чтобы тебя обидеть, я цели такой не мог иметь, я чувства в себе такого не содержу, борода ты моя злополучная».

И, как это бывало не раз и до и после этого, я не стал настаивать на точном, недвусмысленном выяснении вопроса. И во все последующие годы в Москве, каждый раз, когда я замечал, что ты хитришь, что говоришь неправду, что лице-

меришь или, напротив, хамишь, я не мог порвать с тобой и потому что слишком прочно укоренены были во мне давние дружеские связи, но прежде всего потому, что ты всегда был под угрозой. Важнее всех выяснений было для нас помогать тебе. Так было после обыска у Теуша (ведь главной причиной того, что я ввязался в дело Синявского-Даниэля, была именно тревога за тебя). Так было, когда стали появляться «лжесолженицины», и когда лекторы ЦК доверительно рассказывали то о «власовце», то о «Солженицине», и в страшный день 15 октября 1970 года, и во все последующие трудные для тебя месяцы и годы опасностей, угроз, болезней.

Тогда не было ни времени, ни охоты заниматься отдельными и тем более только личными противоречиями и разногласиями.

Весной 1975 года мы прочитали «Бодался теленок с дубом». И там уже обстоятельно, словно бы строго исторично, ты писал заведомую неправду.⁷

То, что и как ты там написал, включая стыдливую оговорку, будто тебе «это не в тот год было рассказано», не соответствовало действительности.

И тогда я понял, что А.Б. сама никогда не придумала бы историю о случайном нахождении рукописи. Это сочинил именно ты. В 1975 году некоторые друзья, знавшие правду, уговаривали меня не возражать: «ведь он это делает, чтобы поддержать А.Б.; после смерти Твардовского она совершенно беззащитна. А «Один день Ивана Денисовича» был главным событием ее жизни». Добрые люди хотели видеть в этом только добрую сказку. А я не собирался опровергать тебя публично, потому что нам обоим казалось ненужным и недостойным заниматься «разбираловкой» по личному вопросу. Рая тогда сказала: «Наше дело помогать, а не спорить, кто первый, кто второй».

Но эта твоя «малая неправда» была лишь одной из многих. Не доверяя своим современным и будущим биографам, ты решил сам сотворить свой миф, по-своему написать свое житие. И тебе мешали свидетели. Именно поэтому ты поленился отталкивал всех бывших друзей. Именно поэтому

---

⁷ «Бодался теленок с дубом», 1975, стр. 20-25.

так опасался мемуаров Натальи Алексеевны.⁸ Вот и я мешаю тебе.

Но больше всего мешаешь себе ты сам. Из-за своей беспредельной самоуверенности, ты часто совершенно неправильно оцениваешь людей. Ты как художник создаешь иногда прекрасные, пластические образы, живописуешь отдельные, характерные черты. Но даже о самых близких тебе людях ты знаешь только то, что хочешь знать, то, что тебе полезно.

Так и во мне ты продолжал видеть сочиненного тобою Рубина. Ты справедливо ощущал душевную теплоту моей привязанности к тебе. Но ты не знал и не хотел знать, чем, как я живу, о чем думаю, что пишу, как менялись мои взгляды за двадцать лет после освобождения. И ты не представлял себе, насколько основательно я узнавал тебя.

Поэтому, видимо, и сейчас не понимаешь, что мой плюрализм означает терпимость к любым взглядам, мнениям, суждениям, противоречащим моим, но вовсе не позволяет мне соглашаться с ложью.

Прочитав «Теленка», я записал в дневнике: «читал сперва с невольным умилением – от воспоминаний, от тогдашних его рассказов, азарта свар, игры с Твардовским, прочих игр в конспирацию и всяческий Томсойеризм. А потом все больше и больше раздражался. Только глава о 12-13 февраля опять захватила, взяла за сердце и даже восхитила точностью взгляда и воспроизведения. Его сила – художественный репортаж. Чем меньше орнаментов и сентиментов и «сурьезных раздумий», тем получается лучше и умней. Чем отстраненнее автор, тем сильнее правда. Так в «Кречетовке», так в «Иване Денисовиче», так и лучшие главы в «Раковом корпусе». Соотношение таланта и нравственной личности примерно как у Катаева: когда пишет за других, пересиливает талант, когда пишет «от себя», прорываются и пошлость, и хамство, и безудержное самолюбование: «каждый мой прыщик – розочка», и мелкий по сути дух... Это самодовольная книга о «жизни по лжи».

Но еще мучительнее было читать в «Архипелаге» заведомо неправдивые страницы в главах о блатных, о коммуни-

---

⁸ Н.А.Решетовская, первая жена Солженицына.

стах в лагерях, о лагерной медицине, о Горьком, о Френкеле (очередной образ сатанинского иудея, главного виновника всех бед, который в иных воплощениях повторяется в Израиле Парвусе и в Багрове).

Острую боль причиняли такие вскользь оброненные замечания, как «расстреливали главным образом грузины», «в лагерях ни одного грузина не встретил», или «комически погиб». (Само это словосочетание так же, как упоенное описание «рубилочки», поразительно для писателя, который называет себя христианином).

Разумеется, обо всем этом я не только думал, но и говорил, и не слишком парламентарно. Однако, говорил только с наиболее близкими людьми. А на вопросы любопытствующих соотечественников и иностранцев (журналистов, дипломатов и др.) отвечал неизменной формулой, которую повторил в заявлении по поводу пасквильной книжонки Ржезача (прилагаю) и на стр. 81 в книге воспоминаний.

Видимо, эти факты и были источником сообщений твоих московских корреспондентов об «излитии ненависти».

Нет, ненависти к тебе у меня не было, нет и не будет. А вот остатки уважения и доверия действительно начали иссякать еще в семидесятые годы. Ты пишешь, что мы не ссорились. Не знаю, как назвать разговор на Козицком в августе 1973 года по поводу твоей статьи «Мир и насилие». Я тщетно пытался доказывать, что твои утверждения противоречат действительному соотношению сил в мире, что весь дух статьи, пренебрежение к страданиям других народов, арифметические расчеты жертв противоречат самим основам христианства. Тогда я ушел от тебя с уверенностью, что отношения порваны. Однако вскоре началась широковещательная газетная травля тебя и Сахарова. А потом чекисты нашли «Архипелаг», и покончила самоубийством Воронянская. Как же было отступать от тебя? Хотя твое отношение к ее гибели было бесчеловечным – где уж там христианским! После моего звонка из Ленинграда ты написал столь же сердито, сколь и безрассудно («ты что думал, что я на похороны поеду?!»). А ведь звонил я только, чтобы скорее известить тебя об угрозе, о беде.

Твое отношение к Сергею Маслову, к Ефиму Эткинду, которые понеслись в Москву предостерегать тебя, хотя у них

то не было ни Нобелевской премии, ни мировой известности, выявляло все новые черты твоего «многогранного» нравственного облика.

– А потом наступило 12-е февраля.

Озираясь назад, на десятилетия, перечитывая письма и дневники, и твои новейшие публикации, припоминая и заново осмысливая все, что перечувствовал и передумал раньше, я снова убеждаюсь, что больше всего мучит меня, вызывая не только боль, но и стыд, горькое сознание, что я в эти годы повторял ту же ошибку, которая была источником самых тяжелых грехов моей молодости.

Тогда, во имя «великой правды социализма и коммунизма», я считал необходимым поддерживать и распространять «малые неправды» о советской демократии, о процветании колхозов и т.п. Веря в гениальность и незаменимость Сталина, я, даже зная правду, подтверждал враки о его подвигах, о его дружбе с Лениным, о его гуманизме и любви к народу.

И по сути так же поступал я, когда зная или постепенно узнавая «малые правды» о тебе, во имя великой общей правды об империи ГУЛАГ, которую ты заставил услышать во всем мире, я еще долго доказывал всем, что мол нет, он не мракобес, он безупречно честен и правдив. Ведь все мы в десятки тысяч голосов объявили тебя «совестью России». И я уверял, что ты никак не шовинист, не антисемит, что недобрые замечания о грузинах, армянах. «ошметках орды», латышах, мадьярах – это случайные оговорки.

И я ощущал себя в безвыходном лабиринте. Ведь в шестидесятые годы твои книги, твои выступления были и впрямь безоговорочно замечательными и значительными событиями нашей общественной жизни. Ты стал тогда плодотворной, объединяющей силой освободительного движения, которое нарастало еще и после 1968 года. Надеюсь, ты помнишь, как ты тогда радовался сотням подписей под протестами и призывами.

«Послесвечение» твоей заслуженной доброй славы действовало еще и после твоей высылки. Однако, после «Глыб» ты стал обыкновенным черносотенцем, хотя и с необыкновенными претензиями. И все же я продолжал защищать тебя, ли-

бо отрицая то, что становилось очевидным, либо стыдливо молчал, – и все ради великого «общего дела».

Сейчас уже видно, что те, кто задумал твою высылку, добились в конечном счете идеологического, политического выигрыша.

Пока ты был в Москве, твой миф, созданный естественно, всем ходом событий предшествующих лет, объединял и оплодотворял силы духовного сопротивления в стране и вдохновлял всех зарубежных противников сталинщины. Но, оказавшись на Западе, ты стал силой разъединяющей. Ты сам теперь создаешь свой миф, а искусственные, самодельные мифы бесплодны.

Ты оказался не объединителем, как надеялись мы, а главой одной секты фанатично преданных приверженцев или расчетливо услужливых раболепных порученцев.

Ты постоянно жалуешься на непонимание, на преследования. Но сам зло и спесиво напускаешься на Шрагина, на Тарковского, на Эткинда, на Синявского, на всех плюралистов. И во всех твоих окриках нет ни доказательств, ни серьезных возражений – где уж там говорить о терпимости к инакомыслию, – а только брань и прокурорские обвинения в ненависти к России.

Любое несогласие или, упаси боже, критическое замечание ты воспринимаешь как святотатство, как посягательство на абсолютную истину, которой владеешь ты и, разумеется, как оскорбление России, которую только ты достойно представляешь, только ты любишь.

Твою статью о фильме Тарковского могли бы с самыми незначительными словесными изменениями опубликовать «Советская Россия» и «Молодая гвардия». И суть, и тон, и стиль публицистики В. Кожинова, Д. Жукова и др. и твоей родственно близки – «тех же щей чуть погуще влей».

Ты утратил обратную связь с большинством соотечественников и здесь, и там.

– Твои политические единомышленники на Западе охотно ссылаются на тебя, когда им нужно славить Франко, Пиночета, Бота и прочих авторитарных правителей, и когда доказывают необходимость приструнивать слишком демократических демократов и слишком либеральных либералов. Но

они, как правило, не знают России, не уважают и не любят русский народ и убеждены, что русским «нужны кнут и кумир».

Вице-президент Буш в августе 1983 года в Вене говорил о России, как о стране «вечного азиатского варварства».

Однако и ты, и Максимов, и Зиновьев поносите ненавистных вам либералов, «розовых», левых, пацифистов, плюралистов и т.п., хотя именно среди них чаще всего находятся люди, которые стремятся серьезно узнавать Россию, а главное – по-настоящему помогают всем, кто там сопротивляется советскому тоталитаризму, и всем, кого он преследует.

Ты еще в Москве не мог спокойно слышать, что кто-то протестует против советского произвола, так же, как и против турецкого или южно-африканского. Это «так же как и» ты осудил уже в своей нобелевской лекции, впрочем, тогда еще в сравнительно парламентарной форме.

Но ведь именно Белль, Грасс, Ленц и другие западные плюралисты, среди которых есть и консерваторы, и либералы, социал-демократы и еврокоммунисты, католики и протестанты, помогали нам в 60-е и в 70-е годы, помогали нам, и чехам, и полякам. И помогали бескорыстно, не из политиканских соображений, а в силу своего по-настоящему христианского или по-настоящему гуманистического мировосприятия. Они помогали Сахарову и тебе, так же как черному южно-африканцу Манделе, который уже больше 20 лет сидит в тюрьме, и белому африкаандеру писателю Брайтенбаху, который семь лет просидел за то, что женился на «цветной» и отстаивал свое право на такое нарушение «расовой чистоты».

Тебе, Максиму, Гинзбургу, Буковскому они помогали более успешно. Ведь это они – западные плюралисты – добились Нобелевской премии, и с помощью ненавистного тебе Брандта добились, чтобы ты из Лесфортово попал не в Пермь, а во Франкфурт. Потребовалось бы слишком много места, чтобы перечислить все, что Белль, Грасс, Ленц или, например, никому не известные дюссельдорфские молодые социалисты, создавшие большую группу «Эмнести», сделали, оказывая конкретную помощь конкретным людям, протестуя против арестов, обысков в Москве, и в Праге, и в Варшаве.

Но ты этого раньше не знал, да и сейчас, видимо, – судя по тому, что ты пишешь и говоришь, – знать не хочешь. И те люди в странах Запада, которые больше всего помогают всем нам, недоуменно и печально спрашивают: «Что произошло с Солженицыным? Почему такой хороший писатель стал таким плохим идеологом?»

– Твое нежданно-негаданное письмо, которое встретило нас, когда мы приехали в Кельн, нас обоих тронуло и обрадовало. Для нас прошлое не исчезает, оно с нами всегда. И мы не хотим его никак «редактировать». Вот нам и показалось, что и ты так же или похоже вспомнил наше общее прошлое.

Я отнюдь не думал, что можно восстановить дружеские отношения.

За это время мы были 4 раза в США, бывали и вблизи от твоего дома. Но у меня ни разу даже не возникло желания позвонить тебе. Так как я понимал, что разговор не получится, не хотел нового бесплодного спора, а «мирно сосуществовать» мы могли только на расстоянии. И я надеялся, что в переписке, так приветливо начатой тобою, может быть все же удастся кое-что друг другу объяснить. Мы оба надеялись, что и ты захотел сохранять доброе прошлое и ради этого исправишь некоторые «описки» в «Теленке» примерно так же, как исправлял кое-что в новых изданиях «Архипелага». Ты же иногда обнаруживал способность к самокритике, например, когда так хорошо, так честно написал о «позолоте погон», которая могла просыпаться в «пустоту за ребрами».

Однако твое письмо от 29.11.82 года показало, что надежды эти тщетны, что я уже ничего тебе не могу объяснить, что докричаться до тебя невозможно. И оставалось лишь, не пытаясь больше объясняться, – не затевать бесплодных споров.

Бесплодных потому, что ты, как и все наши истовые антикоммунисты, остаешься настоящим большевиком. Осуждая «излишества» западных свобод, вы здесь, в своих собственных журналах и газетах всего яростнее нападаете на тех же противников, на которых вас натаскивали в советских, сталинских школах, то есть на «гнилых либералов», на социал-соглашателей, на реформистов, примиренцев, на слабость

буржуазной демократии, на вырождение искусства, развратность «масс-медиа» и т.д. и т.п.

– Но я не хочу спорить ни с тобой, ни с кем из других «большевиков навыворот». потому что для меня главные противники – те, кто хозяйничают там, на родине. И главная моя забота – как помочь тем, кто им сопротивляется, кого там преследуют: и Андрею Дмитриевичу, и Зое Крахмальниковой, и Татьяне Великановой, всем, не различая убеждений и верований. И на это мы не жалеем ни времени, ни сил. (Но как мучительно стыдно бывает слышать вопрос: «А что сделал Солженицын, чтобы помочь Сахарову?»)

– Не хочу я полемизировать ни с тобой, ни с твоими единомышленниками и вообще ни с какими «идеологическими противниками» еще и потому, что знаю: плодами таких полемик бывают лишь разнокалиберные «Антидюринги». Но я предпочитаю «оспаривать грех, а не переругиваться с грешниками». К тому же у нас здесь много своей работы, которая нам по душе и представляется полезной для других.

– Ты и твои единомышленники утверждаете, что исповедуете религию добра, любви, смирения и справедливости. Однако в том, что ты пишешь в последние годы, преобладают ненависть, высокомерие и несправедливость. Ты ненавидишь всех, мыслящих не по-твоему, живых и мертвых (будь то Радищев, будь то Милюков или Бердяев). Ты постоянно говоришь и пишешь о своей любви к России и честишь «руссофобами» всех, кто не по-твоему рассуждает о русской истории. Но неужели ты не чувствуешь, какое глубочайшее презрение к русскому народу и к русской интеллигенции заключено в той черносотенной сказке о жидо-масонском завоевании России силами мадьярских, латышских и др. «инородческих» штыков? Именно эта сказка теперь стала основой твоего «метафизического» национализма, осью твоего «Красного колеса». Увы, гнилая ось.

– Тебя-художника я действительно недооценивал. Но твою душу и твой разум я чрезвычайно переоценивал. Помнишь, как Толстой объяснял, что каждый человек – это дробь: числитель – то, что о нем думают другие, а знаменатель – то, что он сам о себе думает. Я долго не замечал, как все нарастал, как «медленно взрывался» твой знаменатель.

За эти дни Рая прочитала мне все твои письма, начиная с 1956 года, и наши дневниковые записи и письма некоторых общих друзей. Печальное было чтение. Сегодня становятся приметны корешки и завязи тех недобрых сил, которые раздували твой «знаменатель». Но все же ты был раньше куда лучше, чем ты сам себя изобразил в «Теленке».

Нет, я не хочу с тобой больше спорить, ни публично, ни вот так. Не хочу потому, что мне опостылело снова и снова думать о тебе, берeditь в душе мешанину из горя, гнева, стыда, жалости, которая возникает каждый раз, как начинаю думать.

Когда тебя исключали из Союза писателей, я написал в Правление, вызывая к их памяти и воображению. Так и сейчас, напоследок вызываю к твоей памяти и воображению.

Желаю тебе и всем твоим доброго здоровья. Желаю тебе еще очень многих лет жизни, чтобы ты мог вернуться в Россию; авось станешь если не добрее, так умнее и все же поймешь, как саморазрушительно заблуждался в эти годы.

P.S. Копию этого письма, а также копии трех твоих писем: 10.12.81 г., 29.11.82 г. и 11.1.85 г., и моего от 4.11.82 г., я посылаю: С.Бабенышевой, Т.Литвиновой, П.Литвинову, В.Некрасову, Ж.Нива, Е.Эткинду, В.Трубецкому и пошлю, если будет надежная оказия, некоторым друзьям в Москву. Посылаю с однозначным требованием: прочесть и хранить, не выпускать из рук, не распространять и не показывать никаким журналистам.

От редакции: *Письмо Л.Копелева А.Солженицыну передано нам Е.Г.Эткинд в 1990 году с просьбой не печатать до его разрешения. В 1993 году Ефим Григорьевич это табу снял. М.Копелева и П.Литвинов также настаивали на публикации этого письма.*

**8 апреля 2001 года в городе Барнауле
был арестован русский писатель**

Эдуард Лимонов.

**Он же предводитель
партии национал-большевиков,
который подозревается в закупке оружия
и подготовке вооруженного восстания
в Казахстане.**

Я очень люблю Лимонова. Я держу его за человека мужественного, сердечного и порядочного. А 18 мая я стояла с лимоновским адвокатом Сергеем Беляком перед воротами Лефортовской тюрьмы и пыталась туда проникнуть. Мне очень хотелось встретиться с Лимоновым. Я понимала, что это невозможно, что меня не впустят, но продолжала уговаривать лимоновского следователя по телефону. Мои реплики были записаны телепрограммой «Графоман» Какими словами отбивался следователь. – легко вычислить.

– Не надо говорить слова “к сожалению”, можете, вы все можете, ну не может быть, чтобы вы не могли. Тогда слушайте, вызовите меня на допрос, как свидетеля, или сделайте нам очную ставку – вот еще есть такой вариант...

–... ..

– А он что говорит, что он причастен или что он непричастен?

–... ..

– Олег Анатольевич, вы знаете, за что я люблю Лимонова? За то, что все, что он говорит – правда. Лимонов человек гордый и он не будет юлить Вот если он скажет, что он

причастен, то он причастен, ну а если он говорит, что он непричастен, то он непричастен. Он не будет врать – он не унизится до такого. Я же его тоже знаю. И получше, чем вы!

— ... ..

— ... Так что... Естественно... Так что примите сейчас разумное решение, примите необычное решение, а с необычными решениями люди обычно побеждают...

— ... ..

— ...Почему?.. В любом деле нужна победа, в любом деле, даже маленькому электромонтеру... ему тоже нужна победа, ему надо, чтобы выключателем соединились две нити и свет зажегся...

— ... ..

— ... Нет, в своем деле: ваше дело хорошо его расследовать и принять правильное решение. Я иду к вам в помощники, а вы меня отвергаете, это неправильно. Я же помогу вам точнее составить психологический портрет подследственного, а это необходимо любому следователю...

— ... ..

— Я понимаю, что это – необычно, но я – человек нестандартных решений. Может поэтому я и хожу по жизни хоть и с палкой, но победителем...

— ... ..

— ...Принимайте нестандартные решения, Не бойтесь, это совсем не больно, принять нестандартное решение...

— ... ..

— ... Вы думаете, и правильно делаете... очень жаль... вы и на меня не хотите посмотреть?.. Я завтра улетаю в Париж и меня здесь не будет, долго.

— ... ..

— Еще раз: давайте устроим мне очную ставку с Лимоновым: вам будет интересно, обещаю.

— ... ..

— ... Господи, чтобы я так уговаривала мужчину, черт возьми! Такого в моей жизни не бывало! Братцы, да он сейчас устоит передо мной! Ни фиги себе!..

— ... ..

— Не верьте никому, верьте Лимонову, он того заслуживает. Ладно, всего доброго, простите, что отняла время...

Эдуард Лимонов

СВЯЩЕННЫЕ МОНСТРЫ

БУЛГАКОВ ЛЬСТИТ ОБЫВАТЕЛЮ

Популярность Булгакову сделали вначале диссиденты. Обожествляя все ненапечатанное при Советской власти, они начали пиарить для Булгакова – мол, есть такая необыкновенная книга: «Мастер и Маргарита» – слух опередил на много лет появление самого текста. Таким образом, почва была заранее удобрена. Время сделало так, что текст книги предстал перед публикой постепенно, то в виде публикаций в журналах, и наконец уже в полном издании. На самом деле это самая умная подачи книги: вначале слух, затем отрывки, потом уже текст. Грамотно. Сейчас можно сказать, что «Мастер и Маргарита» – любимый шедевр российского обывателя. Особенно приглянулась она москвичам, это очень московская книга. «Проклятая квартира» посещается как музей, собираются поставить памятник на Патриарших прудах Берлиозу, Аннушке и чуть ли не бутылке подсолнечного масла, разлитой на рельсах. И я уверен, что поставят.

За что же так безразмерно полюбил российский обыватель «Мастера и Маргариту»? Ну конечно, за московскую атрибутику, за названия московских улиц и переулков, за детали ранне-советского быта. Но только этого мало на самом деле, чтобы объяснить поистине истеричную любовь к книге. В ней есть что-то еще, что притягивает именно российского читателя-обывателя. Что?

Дело в том, что «Мастер и Маргарита», во-первых, пародия на исторический роман. Во-вторых, это еще и плутовской роман, и очень-очень напоминает ильфо-петровские «Тринадцать стульев» и «Золотой теленок». В-третьих, добавлен небольшой элемент сверхъестественного, то есть вкрапле-

ние фантастического. Смешав и встряхнув хорошенько все эти элементы, получаем очень лестную для обывателя книгу. В «Мастере и Маргарите» обыватель с его бутылью подсолнечного масла, с его жэками и прочей низкой реальностью присоединяется к высокой Истории – к Понтию Пилату и Христу. Ну как же обывателю не любить такую книгу?! Он ее и любит с завидным простецким задором. Хотя, если считать по высокому гамбургскому счету, книга получилась вульгарная, базарная, она разит подсолнечным маслом и обывательскими кальсонами. Эти кальсоны и масло преобладают и тянут вниз и Понтия Пилата, и Воланда, и Христа. С задачей создать шедевр – роман высокого штиля – Булгаков не справился, создал роман низкого, сродни «Золотому теленку».

Вот они и ходят семьями смотреть на проклятую квартиру и учредили уже свой наивный культ книги. В благодарности за то, что их (и именно москвичей) присоединили к высокой истории: к Риму, Иудее, легионерам, к Пилату в алом плаще, к распятию и Христу. Очень-очень лестно.

Самая удачная книга Булгакова, без сомнения – это «Белая гвардия». В «Белой гвардии» звучит такая гармоничная, слаженная, уютная мелодия, как в каком-нибудь «Тарасе Бульбе» Гоголя. Мелодия простая, но трудно ее найти. Для писателя обыкновенно это большая удача, если находит. Убедительна такая мелодия. И потому убедительна «Белая гвардия».

«Собачье сердце» – достаточно гнусный антипролетарский памфлет. В известном смысле эта вещь может быть сравнима с антисемитскими памфлетами Селина, но только это антипролетарский памфлет. Элементы советского быта здесь предстают без примеси истории и фантастики, не так, как в «Мастере и Маргарите». Это «Золотой теленок» и «Двенадцать стульев», но совсем уж злобный. Результат: несправедливая позиция. Недаром Шариковым клеймит и шпынует интеллигенция своих противников: Шариковым был для них Анпилов, например. Хотя сама интеллигенция может быть не менее противна, чем пролетариат.

Результат общей деятельности Булгакова-литератора неутешительный: это большой кусок мяса искусства – «Белая гвардия» и несколько жирных и жилистых довесков к нему. И

тут никакие памятники по Москве не помогут. Так же, как и количество поклонников-обывателей.

ПОЭТ ДЛЯ КАЛЕНДАРЕЙ: ПУШКИН

Вульгарное двухсотлетие-юбилей Пушкина совсем потопило его. А с парохода современности он упал давно и сам. Он тут даже не виноват, просто между ментальностью дворянина начала 19 века и ментальностью конца 20-го мало общего. Ну конечно, «Мороз и солнце день чудесный», или «Октябрь уж роща отряхает» – это строчки российского календаря, и как посконно-исконно календарные их не забудешь и не заменишь. Это ясно, это гарантировано. Хотя со временем, может, и забудется, кто автор календарных стихов. Но вот кроме календаря и общих мест (а общие места – это «Мой дядя самых честных правил...»), Пушкин нам ни для чего не нужен. Ни для того, чтоб мыслить о любви (тут ни «Я помню чудное мгновенье», ни «Гаврилиада» не помогут), сейчас мыслят иначе, другими категориями. Во времена Пушкина даже не то, что не родился Фрейд, так еще и 40-50 лет спустя после него Тургенев слабовольно обходил вопросы пола. Его Базаров боится Одинцовой. У Пушкина с Татьяной никто не спит, и такую пресную литературу выносить трудно. Евгений Онегин вообще пустая болтовня, и если это поэма о любви, то это насмешка, светское приличное изложение истории. Сам Пушкин не отказывал (по примеру своего литературного кумира Байрона, тот и вовсе был бисексуалом, любителем оргий и группового секса) себе в плотских развлечениях, но в литературу это не попадало. В литературе соблюдались постные приличия, а то, что Пушкина считают автором порнографической поэмы «Гаврилиада», то это гротескная оборотная сторона той же литературной приличности. На самом деле «Евгений Онегин» – уступает и «Чайльд-Гарольду», и другим поэмам Байрона, это ниже – как новоиспеченные русские детективы Марининой ниже добротного Чейза. Байрон жил в Европе и соревновался с соотечественниками, с Кольриджем и поэтами Озерной школы. Пушкин жил в стране, где существовала лишь поверхностная европейская дворянская культура, мало

развитая. Поэтому его Онегин – щеголь-западник, как денди лондонский одетый, но вышедший из родных грязей и потому нестерпимо провинциальный. Читать банальные строки Евгения Онегина сейчас невозможно – они не представляют даже и архивного интереса. Это не энциклопедия русской жизни, как утверждал пристрастный к Пушкину критик – это попытка представить модного дворянского героя нашего времени. Но и герой скучен – фланер и бездельник, и русская жизнь скучна до зевоты. В конце концов и самому Пушкину стало скучно от своей энциклопедии, и он забросил поэму. Попытка во второй части расшевелить героя – сделать его интересным, прогнать его галопом по Европам – никак не вдохновила Пушкина, он бросил свою затею.

Всю славу Пушкина, на самом деле, составляют именно календарные стихи. Он впервые воспел времена года, в легких и удобных запоминающихся стихах, ставших народным достоянием. А в Евгении Онегине джентльменский набор сдержанных светских ухаживаний с «зардевшими ланитами», и только. И не зардевшимися никаким другим местам – это все не держит конструкции. Это беда не только Пушкина – это тотальное отсутствие жизни пола, страсти в литературе. Но тот же Байрон умел повышать напряженность, трагизм в своих стихах мрачными сильными описаниями природы, описаниями нравов экзотических народов, яростной полемикой с литературными и светскими врагами. У Пушкина это получалось куда слабее.

В переводе на современность герой Пушкина Онегин – это некий асидо-кислотный юноша, поклонник рэйва с серьгой в носу, с выжженным перекисью водорода клоком. Сын новорусского папы.

Сам Пушкин удивляет неподвижностью. Ну съездил в Молдавию. к Раевскому, на Кавказ в Арзрум – и все. За 37 лет. В его время были бродяги и авантюристы в России, один Толстой-Американец чего стоит, и никакой царь им не мешал колесить по свету. Александр Сергеевич же послушно таскался по гостинным и, по всей видимости, ему это так и не надоедало – проводить вечера в компании толстых светских девушек, дедушек и бабушек помещиков. И блистать среди них. Его долгая, на всю жизнь, связь с соучениками по лицу –

тоже не говорит в его пользу – говорит о его низкой социальной мобильности. Ибо сверхчеловек обычно начисто порывает со средой, в которой родился, как можно быстрее, и позднее не раз меняет среду и свое окружение.

Не нравится мне Пушкин? Я же говорю: от него нужны только календарные стихи, а в остальном он выпал с парохода современности давным-давно. Его проза, все эти «Метель», «Выстрел», «Станционный смотритель» – обыкновенная дворянская продукция с гусарами и прочей традиционщиной. Эти повести мог написать любой, какой угодно, писатель своего времени.

Если такой писатель, как маркиз де Сад, явился миру вперед своего времени, если его время пришло потом, позже, главным образом после его смерти, и творчество его переживает, переваривается и сегодня, и будет перевариваться человечеством, то Пушкин устарел уже когда только появился. Он умер позже маркиза де Сада, но какой контраст не в пользу «нашего» поэта!

Приговор мой будет звучать резко: ленивый, не очень любопытный, модный Пушкин никак не тянет на национального гения. Его двухсотлетие, отмеченное с приторной помпой федеральными и московскими чиновниками, еще лишнее доказательство этого. Пушкин так банален, что даже не опасен чиновникам. Он был банален и в свое время.

Его нелепая смерть на дуэли, проистекшая из непристойного поведения его жены, достойна двух бронзовых дутых фигурок, стоящих на Арбате у телеграфа. Здесь пошлость заказа московского правительства конкурирует с пошлостью этой истории: жена шепталась, хохотала и обжималась с французом, а муж, защищая честь этой жены, получил пулю в живот и умер от этого. На диване.

Пушкину всего лишь хорошо повезло после смерти. В 1887 году его поддержал большой литератор Достоевский, выпихнув в первый ряд. Позднее еще несколько высоких арбитров поддержали Достоевского. Так был сделан Пушкин. Гением его объявили специалисты. Как и Эйнштейна. Объявили потому, что надо иметь национального гения. К 1887 году было ясно, что России насущно необходим национальный

гений. У всех есть, а у нас нет, – так, по-видимому, рассуждал короновавший его Достоевский. Выбрали Пушкина.

По нынешним понятиям Пушкин выглядел бы кем-то вроде плагиатора. Его «Дубровский», несомненно, заимствован из «Разбойников» Шиллера, «Бахчисарайский фонтан» развивает восточный экзотизм, привитый в Европе Байроном, «Евгений Онегин» – плохо переписанный Чайльд-Гарольд того же Байрона, только убогонький его вариант, ибо писать Пушкину было не о чем, он знал только убогую помещичью русскую жизнь. Только у неразвитого в культурном отношении, неизбалованного народа могли прослыть шедеврами небрежные поделки вроде «Пиковой дамы». Перекраивая европейские шедевры на русский лад, Пушкин свободно использовал и заимствовал. Судьба Моцарта, Дон Жуан, Командор использованы несколько раз – в «Медном всаднике» и в «Дон Жуане», некоторые мотивы в «Пиковой даме», какие-то мотивы из Проспера Мериме (кстати, очень повлиявшего и на раннего Гоголя) – вот что питало Пушкина. Самостоятельность в выборе тем и сюжетов стала проявляться у него лишь в последние годы жизни: в «Капитанской Дочке». Возможно, если бы Пушкин прожил дольше, он стал бы более оригинальным писателем.

В первые годы третьего тысячелетия Пушкина можно читать с интересом такого же характера, что и интерес, заставляющий нас рассматривать картины 18-го и 19-го века или архивные документы того же времени. Психологически современный человек очень далек от Пушкина, и вся это ретро-атрибутика в виде гусаров, чепчиков, старых дам, игры в карты и гусарского досуга должна была быть дико далека уже от советского рабочего или колхозника. Знания о человеке были в России в эпоху Пушкина примитивны, потому вселенная Пушкина несложна, да еще из нее эвакуирована полностью плоть. И это во времена, когда уже были опубликованы работы Жан-Жака Руссо, уже умерли Вольтер и Сад!

Короче говоря, Пушкин сильно преувеличен. Причем он не только испарился со временем, как некогда крепкий йод или спирт, но он и был в свое время некрепок. Для нас он едва ли на 10 процентов интересен. Многое съело время, а многого

и не было. Так пусть он украшает стихотворными открытками листки календаря. Там ему место.

САХАРОВ: «ОН ПОМОГАЛ»

Я намеревался завершить СВЯЩЕННЫХ МОНСТРОВ на фигуре Петра Первого. Скульптура Шемякина – нелепый крошечноголовый Петр, присевший в бронзе в Петропавловской крепости (высокие колени, женский таз, короче, урод) так и сидел перед моими глазами. Когда вдруг 21 мая радио, которыми нас кормят в тюрьме насильно, одно из дрянных мусорных радио, не то «Русское радио», не то «Европа-плюс» сообщило, что состоится торжественное собрание по поводу дня рождения Андрея Сахарова. По поводу его восьмидесятилетия. Со своей шконки, из-под ватной фуфайки вывернул голову «нарко-барон», мой сокамерник и пробормотал: «Во о ком напиши! Многие зэки обращались к нему с письмами. Он помогал. Единственный политик, который себя не опорочил». Произнеся эту характеристику, «нарко-барон» вернул нос под фуфайку. Я принял к сведению его заявление и стал отжиматься от пола. Сделал 350 отжиманий. Через 10 минут меня вызвали к адвокату. Сергей Беляк сказал мне среди прочего, что в поручительствах (по поводу смены мне меры пресечения, отмены содержания под стражей подпиской о невыезде или залогом) отказали мне такие, казалось бы, дружелюбные ко мне люди, как «патриоты» Говорухин и Зиновьев. Услышав об этом, я решил написать об Андрее Сахарове – моем вечном оппоненте со времен еще моего первого романа. В романе об Эдичке я, по мнению критиков, винил Сахарова и Солженицына в том, что оказался на Западе.

В 1975 году за брошюру «О моей стране и мире» и по совокупности его правозащитной деятельности Сахаров получил Нобелевскую Премию Мира. Помню, что прочел зеленую брошюрку не отрываясь и вынес из чтения ее твердое убеждение, что ученый физик Андрей Дмитриевич Сахаров крайне наивен везде, где он пишет о Западе. Извинения этой наивности быть не может, ибо, никогда не побывав в западном мире, он по-честному должен был бы не высказывать своего мнения о нем и тем более не сравнивать его с советским миром. Запад

представал из брошюры «О моей стране и мире» царством справедливости, благополучия и рациональных, моральных и правильных решений. Особенно возмутило меня, помню, предложение Сахарова, чтобы Советский Союз разоружился в одностороннем порядке. В этой политической наивности я и сегодня упрекаю покойного, как и в той необъяснимой вере в порядочность Запада, которую он питал, если не ошибаюсь, до самой смерти. За десять лет, прошедшие со дня смерти Сахарова в декабре 1989 года, Запад множество раз успел доказать свою жестокую, хищническую, тоталитарную природу. Запад как раз в момент смерти Сахарова перешел к практике насильственного подчинения инакомыслящих стран. Первым был Ирак, не обязательно его любить, Ирак или Саддама Хусейна, но то, что отныне судьба многих инакомыслящих режимов будет решаться не внутри этих стран, а вовсе консилиумом докторов смерти из ООН и НАТО, полностью разрушило международное право и установило право железной пяты – самых вооруженных стран европейской крепости и Америки выбирать себе страны-жертвы. Их называют «страны-изгои». Страны-изгои можно бомбить, как бомбили Сербию – бомбить телецентры, железнодорожные мосты, министерства. Бомбить и называть разбомбленное «инфраструктурой», избегая употреблять упоминание о трупах людей. Если бы правозащитник Сахаров дожил до современного растаптывания международных прав, я полагаю, он изменил бы своей вере в Запад.

Тогда, в 1975 году, несколько эмигрантов, в том числе и я, написали «Открытое письмо академику Сахарову». Американские газеты его не напечатали, но напечатала большие отрывки из него лондонская «Таймс».

Однако в нашей оценке брошюры Сахарова мы тогда, спустя четверть века я вынужден это признать, мы и я допустили определенную несправедливость. Мы занизили критику Сахаровым советского режима. Каюсь, пускай и спустя четверть века. Даже судя по останкам советского режима, по судам, по прокуратуре инквизиции, по ФСБ, да даже судя по чудовищным тюрьмам России 2001 года – Сахаров был справедливым критиком той отвратительной реакционной системы государственного насилия. В своей правозащитной деятельно-

сти он допускал частные ошибки. В 1969 году, помню, он рьяно защищал крымских татар и Мустафу Джамилева. Те, кто видят сегодня, как крымско-татарское националистическое движение помыкает и русским, и украинским Крымом, понимают, насколько ущербным был этот равномерный якобы объективный подход к проблеме прав малых наций на самоопределение. Карабах, Чечня – это все последствия объективности.

Прилетев в Россию в первый раз именно в декабре 1989 года, я застал интересные события. По ящику транслировали заседания Первого съезда Депутатов СССР нового, только что избранного созыва. В гостинице «Украина» я не мог оторваться от телевизора. Видел я и знаменитую пикировку Горбачева и Сахарова. Уже очень больной, истощенный и какой-то неуместный в новом времени хитрых горлопанов и революционных демократов «двадцать пятого часа» (французское отличное выражение, означает пристроившихся к какому-либо делу уже после его победы. Французы обыкновенно употребляют его в отношении Движения Сопротивления). Сахаров умер через несколько дней.

Сейчас мы живем все в такой стране, о которой Сахаров ни в коем случае не мечтал. Большой, пиджак висит как на вешалке, Сахаров вызывал, я помню, во время пикировки с Горбачевым у всей этой толпы депутатов нео-комсомольцев смех. Между тем он, кажется, уже понимал, к чему идет, что он и его сподвижники будут растоптаны бодрыми нео-демократами двадцать пятого часа. Но так и произошло. Ни в одной восточно-европейской стране борцы диссидентских баррикад первого часа не были так нагло и дружно отринуты от власти пинающимся и пробивающимся к власти быдлом. И в Польше, и в Чехословакии, и в Венгрии, и в Болгарии, и в Румынии, и в странах Балтии диссиденты и эмигранты успели побывать у власти, писатели Гавел в Чехии и Добрида Чосич в Югославии стали президентами, но не в России. О нет, здесь реставрация началась в одно время с Революцией. Член ЦК КПСС и кандидат в Политбюро Ельцин сделался и первым лицом Демократии. Этого нельзя было позволять сделать (Напоминаю, что я из другого лагеря, я – национал-большевик и здесь выступаю как аналитик, стараюсь понять, почему им не

удалась их демократическая революция). Диссиденты не пригодились России в 1991 году! Удивительно, уму непостижимо, но все начальники России положили на стол партбилеты КПСС и в одну ночь объявили себя приверженцами демократической идеологии. В Российской истории примеры такого коллективного перехода из лагеря в лагерь происходили в сметное время. У нас подлое наследство может быть? О завидно, да. Наши восточно-европейские вассалы по меньшей мере дали шанс своим диссидентам, в России банда рвачей и генетических приспособленцев рванула к власти, перескакивая через спины Солженицына, Зиновьева, Буковского, через всех, сгая, ударяя каблуками в шею и спины. А потом нечистоплотная сволота первого призыва привела к власти еще более нечистоплотную сволоту. Результат: Путинский режим есть смесь гэбистов с олигархами. Существует мнение, что если бы Сахаров был жив, то демократы бы устояли, солнце светило бы ярче, и судьба России была бы иной. Хочу разочаровать вас, уважаемые добропорядочные граждане. Уже и в 1989 году, еще когда Сахаров был жив, его уже оттерли громко хрюкающие и громко ревушие парнокопытные. Он и в Верховный Совет СССР вынужден был выбираться хитрым путем, придуманным его сторонниками в последний момент. Народ рукоплескал хрякам, а не сутулому, истощенному в стычках с совдепом интеллигенту в пиджаке на вырост.

В нем были элементы Ганди, была наивность. Он заступался за Джамилева, потому что больше некому было, поскольку Джамилев уже тогда поддержал палестинцев, от такого мусульманского диссидента быстро отвернулся Запад. Сахаров не отвернулся. Помогал он и зэкам, у этих бедолаг и вовсе в стране нашей нет защитников. От зэков, нас всех — прошлых и настоящих, спасибо!

Нормально. Андрей Дмитриевич, входите к нам в нашу, как говорят на тюрьме, «смейку» священных монстров. Садитесь между Петром Алексеевичем и Нормой Джин. Поговорите с Чарли Мэнсоном, у него есть что сказать вам об Америке. Будьте как дома! А по вашему Гайдару все равно виселица плачет, это уже как хотите, но факт.

Печатается по рукописи,

полученной из Лефортовской тюрьмы

Белла Улановская

СИЛА ТОПОНИМИКИ

рассказ

Я хочу говорить о том, из каких трещин растут березы, но из каких развалин они никогда не вырастут. Влетит зерно, зароется в снег, покемарит до положенного срока, разбухнет, лопнет, предпримет штыковые атаки в направлении подходящей моховой подушки, а там и листвой укрылось, теперь не достанешь, не выдерешь, высоко сижу, далеко гляжу, мои камни, мои стены.

Ферма. Стоит на краю тверского села Котлован. Под крышей наведено аршинными буквами из красного кирпича: Грозный. Строили в конце шестидесятых (а, бригада тут была, шабашники, из Чечни, у них семьи, говорят, большие, работы всем не хватает, живут бедно, вот соберутся родственники в бригаду и отправляются к нам. В начале каждой зимы между селом и райцентром начинался трезвон: ферма «Грозный» не готова к зиме! Хватит ли сена? Не хватало всегда. И вдруг, на исходе зимы – все! Забирайте коров по домам. Вышли все. Даже дед, не встававший всю зиму, тянул за собой чуть живую коровенку. Она упиралась. – Ишь, обратно в колхоз хочет! Предстояло избавиться от колхозных привычек, были случаи, находили хозяева свою собственность на пустой ферме.

Село Алоль Псковской области. Позднее утро.

Перед конторой много техники. На крыльце народ. Ждут директора.

– А вы знаете, что парторг Пузыня сегодня в мастерских выдал! – Я, говорит, наконец понял, почему городские у

нас не задерживаются. Они привыкли на работу проходить по турникету. Надо и у нас такую штуку устроить.

– Еще бы! – подхватили с серьезным видом шофера и трактористы. – Перед стогом, например. А еще лучше на скотном. В Алешнюгах есть бык. Сильно не любит плохо одетых. Вот его вахтером и поставить.

Строители-чеченцы из хозрасчетной бригады ждали окончательного расчета за постросный дом. Их бригадир Мохьмад ходил в контору.

– Две тысячи уже в банке, – говорил ему директор, скоро получите.

– У нас ни копейки нету, – отвечал Мохьмад.

– Все равно вы хлыничаєте. Делали бы второй дом.

– Кушать надо, Анатолий Иванович!

– Тогда ходи в малину. Магомед, – сказал директор.

Там была одна бабенка, маленькая, дохленькая, а тягучая. Она однажды подсчитала: 21-й председатель на моем веку. Вы сегодня побыли и уедете, а я тут с четырнадцати лет карабкаюсь.

– Иваныч, дай хоть уголка покосить...

А между тем шла накачка бригадирам.

– Позволку не давай такую, у тебя все самовольничают, себе накопили как кроты, – говорит он одному.

– Когда убирать приступишь хлеб? – спрашивает он другого. Все смеются.

– Когда агроном скажет.

– Убирать ты не готов, а хлеб у тебя молотят. Девять поросят с маткой да два кабана. Пожуют, пожуют и выплюнут твой ячмень. В Гаеве заповедник, стрелять их нельзя, нужно или караулить, или убирать.

Осторожно притворив за собой дверь, на пороге стоит молодая женщина с кожаной модной сумкой. Пышные рыжие волосы подобраны в строгую прическу.

– Что, Маргарита?

– Не могу с ним жить.

– Что случилось?

– Кто-то ему подал бутылку коньяка и спирта.

– Зачем, Маргарита, сразу уезжать? Поживи отдельно от мужа. Мы тебе отдельную квартиру дадим. Иди, бери ключи. Поработаешь в столовой.

Маргарита ушла. Она была похожа на трудолюбивую, добропорядочную аспирантку; вялая ее жалоба больше походила на то, как если бы эта не очень удачливая девица пришла в деканат и стала бы ныть, что ей не выдали какую-то книгу и что ее научный руководитель не даст ей заниматься какой-то темой. Все, мол, бросаю я эту бодягу, и не нужна мне ваша наука, отдайте мои документы. Покорно отправилась Маргарита за ключами от отдельной от мужа квартиры.

Неплохо. Расскажешь кому – не поверят. Ночью ссора – утром квартира.

Утренняя жизнь в кабинете директора шла своим чередом.

– Конюха забрали, в Пустошке, пьяного, – сообщает бригадир, – кони без присмотра.

– А ты выгородку сделай.

– Они сдохнут там за это время. Всю конюшню с голову изгрызли.

Говорили, что надо вычистить все пожни, все естественные сенокосы: вон в Ключках некошено, все печины обкосить, сгрabить косогоры, где прессы не берут.

– Нужно искать еще 500 тонн сена. А рабочим с больницы выписывайте наряд каждый вечер! Вы что же, считаете, что если на принудительном лечении от алкоголизма, то они рабы? А в сараях чтоб были навешаны двери, закрывайте, а то растащат сено, отдыхать туда молодежь пойдет, хорошие двери Магомед сделал...

Снова появляется рыжая Маргарита.

– Не даст вещи, – сообщает она. – Что я буду мучиться. Он ходит разъяренный.

– Мы и не таких усмиряли.

– Не тянутся ноги туда, в столовую. И так и сяк прикину. Увольняйте.

– А ты кто по специальности?

– Агроном.

– Иди в гостиницу, отдыхай. Раз агроном, мы тебе работу найдем.

В совхозной гостинице, а на самом деле обыкновенной общаге, обитали степенные алкоголики. Там жил Леша, по прозвищу Камикадзе, юный друг, умудрился два трактора разбить за полгода.

Любил всчерком врубить «Таганку» лишенный водительских прав Гена, вздыхая о прошлых днях.

– Когда я в лесопункте работал, – рассказывал он мне, – заезжаешь в лес, так на каждом пеньке зайчик бутылочку ставил. Когда у меня колеса крутились, я без бутылки не сидел. Приходит дед, просит привезти дрова, сынок, говорит, озолочу. Давай сюда твою накладную, говорю. А у меня пять-шесть накладных в кармане, как карты. Всем дрова нужны. Отходы с пилоарамы, хорошие отходы, откиньте отходов. Галя! У бати дров нсту. Батя без дров. Двадцать годов я отъездил на машине, а теперь все, не надо было закладывать.

Жил в общаге и неприкаянный ненец Поликарп Хатанзейский. Какие бури занесли его в наш ковчег, к которому вдруг прибьется и рыжая Маргарита? Три дня пропадала она у него, скрываясь от мужа. Он узнал, где она, целый день сидел на лавочке возле нашего алольского отеля, среди жасмина и желтой акации (деревянное двухэтажное здание тридцатых годов, бывшая школа), потом примирение произошло, и они вместе уехали, покинули совхоз. Покинул общагу и бывший шофер. Что-то стал он редко появляться: я говорит, подженился.

Сорок четыре деревни входят в откормочный совхоз Алольский, который растянулся на сорок километров.

Земли много – людей мало. Почему бы не поговорить о диалектах. Об ачхой-маортановском говоре, о речи надтеречных чеченцев...

А приходилось ли вам когда-нибудь прислушаться к русскому языку чеченцев.

Тогда вы, наверное, заметили, что говорят они почти как на родном, чем сильно отличаются от своих кавказских соседей.

Поколение сосланных, потом поколение плотников Нечерноземья, затем поколение беженцев – неисчерпаемые возможности совершенствования русского языка. Толковый словарь живого великорусского языка, составлен в фильтрационном лагере доктором Д.

– Учи язык, – говорил мне дед Каменков, бывший узник Маутхаузена и Эбензее.

– Raus, raus, рус, выходи.

– Живо! На выход! Ботинки тебе? Босиком, падла, пойдешь.

До этого беснующегося командирского рева еще несколько часов. Пусть солдаты немного поспят. Декабрь 1994, купейный вагон скорого поезда Нижний Новгород – Санкт-Петербург. Едут танкисты.

Нас, обыкновенных пассажиров, в вагоне всего несколько человек. (На вокзале в Нижнем билетов не было, кассирша не могла понять, в чем дело, обычно поезда отправляются почти пустые).

Военные – все в одинаковых особого покроя форменных брюках, напоминающих комбинезон, и в нижних байковых рубашках, вполне домашних, но не белых, а какого-то дикого светло защитного цвета, беспрестанно сновали по вагону, собирались то в одном, то в другом купе.

В коридоре, спиной к окну, почти перегородив проход, маячил какой-то зема.

– Пиздюк! – вдруг завопил он; я как раз проходила мимо него, кажется, даже сказала «извините»; восхищенный возглас был обращен к кому-то из приятелей, появившихся в дверях. Парнюга контролировал появление спиртного из вагона-ресторана.

После двух часов ночи коридор опустел, все реже хлопали двери. Последними прошла группа офицеров. Один из них сказал, в продолжение разговора обращаясь к товарищу:

– Не понимаю! Мы зачем туда едем! Дудаева ловить?

Красивый парень. Светло-карие глаза, мягкий взгляд, чистое лицо, открытая сильная шея.

Все смолкло. Стояла глухая ночь.

Я вышла в коридор.

За окном тянулись сплошные леса. Иногда редкий фонарь освещал какой-то глухой переезд. Вдоль полотна бежала пулеметной лентой нескончаемая тень нашего вагона. Пронеслись какие-то незнакомые станции. Все было глухо и безжизненно. Из темных ельников иногда проступала занесенная снегом крыша какой-то сторожки или забытый стожок сена, облепленный снегом с одного бока, с покосившейся жердью в центре. Мне иногда казалось, что я различаю цепочку лисьего, а то и волчьего следа.

В пристанционных бараках кое-где стали появляться огоньки в окнах. Из труб потянулись вверх дымки. Скотные дворы обозначались мутными квадратными окошечками под самой крышей, доярки в скрипучих валенках прокладывали первые тропинки, хозяева задавали корм скотине, топились печи, станционные рабочие рассаживались в жарко натопленных углем вагонах местного рабочего поезда, отправлялись в узловую на работу.

Равнодушной Родине не было дела до своих сыновей.

Сколько им еще спать? Где у них пересадка?

Лихославль? Поварово?

Вскоре захлопали двери купе, стали вытаскивать в коридор казенное имущество, ящики, тюки, мешки. Поезд приближался к какой-то станции.

Выгрузились быстро.

На перроне началось постронис. Начальники со спсками бегали вдоль состава.

Проводница то показывалась на площадке, то скрывалась в вагоне.

— Кто-то спит на верхней полке, — сказала она мне. — Забыли своего.

— Да не может быть! Может, просто пассажир?

Я посмотрела. Точно, ихний. Не знаю, что делать. Пойду еще попробую его разбудить.

Да не может быть, чтобы никто из товарищей не разбудил его! Так и оставили мирно спать на верхней полке!

В это время с ревом «ГДЕ ОН» на площадку ворвался какой-то начальник с помятой мордой, отпихнув проводницу, он бросился в вагон.

– Задержать отправление! – распорядился он.

Проводница покорно развернула красный флаг.

Мы услышали грохот, что-то упало, началась возня; по-видимому, сбросив жертву на пол, он принялся за избиение. При этом он не переставая орал. Избави Бог еще когда-нибудь услышать такой крик.

В непрерывном потоке брани отдельные слова можно было различить: Raus! Schnell!!

Не может быть, нет, все же...

– На выход! Живо!

– Только ботинки надену, – услышали мы слабое возражение.

– Босиком по снегу. падла, пойдешь.

Не прошло и минуты, как солдатик был вытолкан из вагона, конвоир гнал его перед собой, награждая ударами в спину; на бегу парень как-то умудрился влезть в один ботинок, второй оставался у него в руке.

Мы с проводницей стояли на площадке. Она все еще держала красный флаг.

– Эй, парень, не робей! – крикнула я.

Он повернул к нам свое лицо. Оно было недоуменное, как у человека, только что снявшего очки. Он улыбнулся нам растерянной чудесной улыбкой.

Был дан сигнал к отправлению. Поезд тронулся.

– Счастливо вам, ребята!

– Всем вернуться!

Под новый год Нижегородское танковое соединение, наспех собранное из различных частей, было брошено на штурм Грозного. Вскоре все мы узнали о трагическом финале этой бездарно задуманной операции. Танки оказались в ловушке в густо застроенных городских кварталах.

А что ферма, над воротами которой красовалось название родного города се строителей? Стоит? Разорили? Разобра-

ли крышу, растащили на кирпичи стены, разобрали пол, жирную землю вычерпали ведрами для огородов. Но всякий раз, куда бы вы ни шли, вам, объясняя дорогу, укажут ориентир: вот пройдешь Вторые Мортусы, там будет болотичко, но ты туда не сворачивай, иди прямо, увидишь на горе моложу (как быстро вырос этот молодой лесок) – это и будет ферма «Грозный».

По великим законам топонимики это место всегда будет называться Грозный.

Старинное мужское имя Ваха означает – живи. Леча – сокол, Алхазур – птица. Мансур означает победитель.

26 марта 2000

Дело Буданова А ночью ему

Захотелось

ВОЕННО-ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ
КАМПАНИЯ

допросить

снайпершу

СТРАНА ВОЙНЫ

выш
границ
Турци
буле, бул повлия
на пресс
щественно
борьбу за
горресурсы,
вывел на
авансцену
мировой
политики не
только
чеченские,
но и закавказские
противоречия.

Игорь Померанцев

ОДНОЙ НОГОЙ В ПЕРЕГНОЕ

Перебирая свои – да и не только свои – юношеские стихи, я поражаюсь обилию в них жухлой листвы, никлой прозябаемости, древесной цвели, всякого рода растительной и животной гнилятины. Этому словесному гумусу даже самые несовершенные поэтические упражнения обязаны глубоким черным отливом, прокаленной густотой. В них, стихах, пахнет тлением, ибо тление – процесс окислительный, чреватый накоплением «сладкого гумуса». Еще в них пахнет гниением с его восстановительной энергией, без которой было бы невозможно образование «кислого» гумуса. Юность еще не порвала с детством, ей еще доступны и воздух, и теплота, и влажность. Она знает с червями, муравьями, полевыми мышами. В жизни стихов гумусовая органика имеет решающее значение: она является источником активности, запасным складом азота, она придает стихам рыхлость, увеличивает их влагоемкость, проницаемость для воды и воздуха, наконец, нагреваемость. Пока горизонт жизни кажется далеким, мы готовы, не дрогнув, и перепреть, и обратиться в тлю, и испрашиться.

Определенно могу сказать, что собирание словарного перегноя в юности, его минерализация и штабелировка происходили сами собой, без плана и осмысления. Га вспаханных книг тоже шли в безымянный сладко-кислый гумус. То, что доходило до сердца, сотрясало душу, становилось своим, присваивалось без зазрения. Сам процесс перегнаивания был под стать творчеству и казался куда более важным, нежели чье-то писательское честолюбие. Собственное ячество било через край и не оставляло места ни именам, ни отчествам авторов.

Грубо, очень грубо говоря, все писатели и поэты – почвенники, ибо все они работают с естественноисторическим телом, называемым языком (Я.). Есть множество обстоя-

тельств, определяющих нищету или состоятельность Я. Черви, жуки, личинки, грызуны, растения своими отмершими частями и экскрементами производят его гумификацию. В Англии мне доводилось вести наблюдения за дождевыми червями, чьи ежегодные извержения в виде слизи могли бы покрыть весь словарный запас слоем в полсантиметра толщины. В говорах Дании благодаря исключительно червям образовался слой плодородной речевой материи. В южнорусском диалекте кучки, выброшенные сусликами, хомяками, сурками и слепцами-кротами, радикально изменили языковой ландшафт (2-3 куб. саж. на 1 кв. версту). В последнее время установлена, но пока мало изучена, роль микроорганизмов, особенно бактерий и сапрофитных грибков, в деле языкообразования.

Классификационные названия многих Я. Основаны на их окраске: сырые Я., каштановые Я., спелые Я. Под мощностью Я. должно понимать толщину выветренного и содержащего перегнойные вещества слоя, от поверхности до материнской породы. По величине диаметра отдельностей принято разделять языковые пласты на следующие категории: крупнореховатые (диаметром более 7 мм), мелкоореховатые (7-5 мм), пороховидные (1-0,5 мм), пылеватые (менее 0,5 мм). Своим происхождением структура Я. обязана деятельности корней, червям, растрескиванию при высыхании и т.п. Кроме указанных, на структуре сказываются количество и характер песчаных зерен, хрища, гальки, валунов, железистых или известковых включений, наличие кротовин, ходов червей и пр. На этом основании, а также на гигроскопичности Я. (способности поглощать влагу) большинство языковедов определяют общую производительность Я. Содержание перегноя служит подспорьем и при систематике Я., так как обуславливает его цвет и мощность. Скважность же или пористость Я. определяется объемом промежутков между твердыми согласными, а связность и крепость — сопротивлением гласных и согласных раздавливанию и разрыву. Наибольшей влагоемкостью обладают Я., богатые гумусом, наименьшей — песчаные наречия. Влажность Я. есть весовое содержание в нем гигроскопической воды. Между Я. и атмосферой совершается постоянный обмен газов, причем первый отдает избыток углекислоты, а вторая снабжает Я. кислородом.

К коренным Я. относят:

- 1) Кварцевые и кремнистосланцевые
- 2) Известковослюдистосланцеватые
- 3) Гранитные и порфировые
- 4) Грюнштайновые.

К наносным Я. относят:

- 1) Слоистосуглинистые
- 2) Глинистоперегнойные и супесчаноперегнойные.

Весь же Я. с водой и гумусом называют «пахотным» Я. Перечисленные классификации не дают полного представления о Я., потому что европейские Я. зачастую тонки и изменены культурой. В России же с ее равнинным рельефом и естественным мощным Я. его можно изучать как естественноисторическое тело (см. «Труды почвенной комиссии»). Воздух свободно пропускает солнечные лучи на русский Я. Огромный запас тепловой энергии, накапливаемый благодаря поглощению русским Я. солнечных лучей, поверхностные его слои затем расходуют мало-помалу.

Для исследования теплоты в различных пластах Я. используются особые языковые градусники (лингвотермометры). Шарик подобного градусника окружен салом или парафином, смешанным с металлическими опилками, чтобы во время вытягивания градусника из глубины зафиксированная температура не успела измениться. Такой градусник, заключенный в металлическую оправу, укрепляется на деревянном стержне и вместе с этим стержнем вставляется в футляр из дерева, глины, стекла или рогового каучука (эбонита). В Париже градусник, установленный в подвале Национальной библиотеки на глубине 26 м, в течение пятнадцати лет показывал одну и ту же температуру 11,82°.

Температура Я. в значительной мере определяет состояние общественного здоровья, в том числе распространение эпидемий. Более того, смертность населения не в малой степени зависит от того Я., на котором оно общается. Наиболее опасными местами можно признать ложбины, в которых легко застаиваются социальные нечистоты. Сырой Я. неблагоприятно отзываться на общественном фундаменте и стенах. В густонаселенных местах к языковой ауре примешивается све-

тильный газ, что нередко дает повод к отравлению людей. Запах газа в этом случае не указывает на грозящую опасность, так как светильный газ, проходя через Я., теряет свой специфический запах. Чаще всего случаи отравления людей наблюдаются зимой, когда газообразный Я. с особенной энергией устремляется в человеческие жилища. Тем же объясняется нередкая гибель людей, спускающихся в запущенные колодцы в поисках речевой плесени.

В местах человеческого скопления поверхностные пласты Я. подвергаются загрязнению органическими отбросами: экскрементами людей и животных, помоями из кухонь, боен, прачечных. В загаженных веками Я. старинных городов скапливается до 18 граммов азота на килограмм сухой речки. Причем в центральных районах городов Я. грязнее, чем на окраинах: в Москве загрязнение Я. от центра к периферии уменьшается. В Кремле и Китай-городе из многих проб было найдено 4,4 г азота, в Белом городе 2,4 г, в Земляном городе 1,6 г и в Замоскворечье 0,8 г. Самоочищение Я. происходит в первую голову благодаря языковым водам. Происхождение языковых вод – вопрос до сих пор темный. Воззрения древних и средневековых исследователей можно свести к двум выводам. По одному происхождение языковых ключей, рек, источников приписывается атмосферным осадкам и их просачиванию. По другому, представителем которого является Сенека, подземные ресурсы считались результатом деятельности сил внутренних, вулканических. Благодаря этим силам, по Сенеке, Я. циркулирует, как кровь по жилам. Периодичность речевых половодий ученый сравнивал с периодичностью таких болезней, как лихорадка, подагра, менструация.

О чем я? Чем суженней горизонт жизни, чем нахрапистей и гуще дыхание почвы, тем мудрей кажется юность с ее животной тягой к перегибу. Кто вырос из него, тот в него и вернется. Пусть безымянным, раскавыченным, но родным, гнилявым, тленным.

Стиль – это судьба

– Поздравляя с 70-летием, должен напомнить, что Абрам Терц и Андрей Синявский подошли к юбилею в ореоле тех же противоречий и той же мишеню для критики, как это было и 20, и 30 лет назад. Это вы не меняетесь, или мир остался тем же?

– Мир меняется, и порою радикально. А люди остаются теми же. Люди не меняются. И если одному довелось превратиться из Савла в Павла, то случай этот святой и чрезвычайный. А человечество, как правило, только приспособливается к окружающему миру. Например, в славную эпоху перестройки многие коммунисты в ударном порядке стали демократами и даже христианами. А я всегда приспособливался плохо, и, как сейчас помню, за любое сочинение меня – Синявского, почти невинного, – ругали. Бывало, про Софронова статью напишешь – ругают, про Волошина сочинишь – опять мною старый погромщик Б.Рюриков недоволен, а однажды даже сам Лакшин что-то из моих рассуждений про Шевцова вычеркивал, приговаривая: а это вы оставьте для листовок. А уж когда я им открылся как Абрам Терц, что тут поднялось! Как меня, бывало, Кочетов честил – приятно вспомнить! А Шолохов? А сегодняшний большой демократ и правозащитник Юрий Феофанов?

И к эмиграции не приспособился: хотя и числился по департаменту антисоветчиков, но все не так, ребята, какую книжку ни издашь, какую статью ни сочинишь – опять все недовольны. Как-то известный французский славист Мишель Окутюрье, собрав эмигрантские статьи о злосчастном Абраме, даже сделал доклад на одной из конференций «Второй суд над Абрамом Терцем».

Кто меня только в эмиграции не воспитывал, не прорабатывал... Особенно горжусь посвященной мне статьей Солженицына «Колеблет твой треножник...» Единственной у него литературно-критической, других писателей наш пророк анализом не баловал. Ну, по гневу, накалу страсти, санкциям –

почти как Кочетов, аж дух захватывает. А вослед Кочетову и Солженицыну уже и Шушарин с Басинским тоже теперь знают, что будущей России я не нужен. Для полноты удовольствия не хватает рвануть на груди заморский пиджак-тельняшку и гордо крикнуть: «Стреляйте, гады!» Жаль, человек я робкий и застенчивый для таких декоративных жестов... Одно утешение: жена моя, Марья Васильевна, меня не бросила, а еще меня любили вдовы: вдова Олеси, вдова Бабеля, вдова Багрицкого, вдова Мандельштама.

Но все же, что же я за сволочь такая, почему я засел у всех у них костью в горле? Дело, очевидно, не сводится к политическим разногласиям, есть вещи более впечатляющие и куда как дальше разводящие людей, нежели политика. Это – эстетика, это – стиль. Гляньте: отцы и дети, обожают друг друга, ночи не спят, ежели кто чихнул лишний раз, но – отцы сплошь в Бетховене со Скрябиным, а дети – погрязли в тяжелом роке... И как их примирить? Может быть, и я так – не совпадаю с господствующим вкусом отцов русской демократии и все время оказываюсь каким-то другим или чужим по сравнению с общепринятым стилем. А стиль – это судьба. Не скажу, что это меня не волнует, не задевает и проходит мимо моего сознания, но сделать с собой ничего не могу. Я просто другой, как сказал я однажды со скамьи подсудимых своему прокурору Темушкину, нынче демократу и государственнику. Лишь по временам я – Терц, жалостливо говорю себе – Синявскому: что, старый хрыч, все еще живешь?

– Так в чем же вся стиль? И почему так невежливо: «старый хрыч»?

– Наверное, в этом «хрыче» по отношению к самому себе в какой-то мере объяснение моей стилистики. Назовем это – работой на снижениях. И, может быть, моим оппонентам, которых сто лет выращивали в убеждении, что в человеке (даже в простом человеке) должно быть все прекрасно (и то, и это) и, вообще, человек создан для счастья, как птица для полета, а уж писатель – ууууу! – властитель дум и место его где-то в близких к Богу сферах, моя заниженная позиция враждебна и отвратительна. Но мне гораздо ближе самосознание древнерусского иконописца, который никогда не ощущал себя «маэстро», а только кисточкой в Божьих перстах. И я – не

пророк и не учитель жизни, а в лучшем случае – песчинка на Божьей ладони. Поэтому в одной из книг, над которой сейчас работаю, я говорю о себе так: «Благодарю тебя, Господи, за дикое чувство родства с пауком, с тараканом, с кошкой и с кем придется. И не менее счастливое, пронзительное чувство своего отщепенства».

– Предназначение писателя писать, невзирая ни на что. Но писатель пишет не в вакууме, а в окружающем его мире, с его сложными отношениями, борьбой, войнами, спорами о путях развития. Поэтому писатель слышит не только голос Бога. Нормально ли писателю вмешиваться в политическую жизнь страны? Активно выступать на стороне той или иной политической группы или класса? Как известно, вы иногда не пренебрегаете таким вмешательством, получая при этом в качестве дивиденда кучу недоброжелателей и даже теряя друзей?

– Меня иногда ловят за руку: как же так, говорят, еще на процессе Синявского-Даниэля вы заявляли, что вы далеки от политики, много лет утверждали, что вы не общественный деятель, не религиозный проповедник, не писатель-моралист, да и вообще вам ближе принципы чистого искусства. А сами, Андрей Донатович, со своего бугра не даете нам всласть пострелять по Белому дому. Приблизительно так упрекали меня некоторые деятели русской культуры. Однако нас двое – Абрам Терц и Андрей Синявский, писатель и человек. Я всегда разграничивал эти понятия. И если писателя Абрама политика почти не волнует, то гражданин Синявский (не из формулы «поэтом можешь ты не быть», а из лагерного барака) слишком хорошо помнит историю своей страны, все ее оттепели и морозы, чтобы с легким сердцем забыть расстрел Белого Дома, последний расстрел нашей надежды на демократию. Я не могу это забыть, я каждого спрашиваю: разве можно было стрелять? И не могу простить тех, кто оправдывает указ 1400, кто не видит прямой связи между Белым домом и бомбежками Грозного, не желает задуматься над грабительской реформой Гайдара, кто проголосовал за конституцию, отдавшую власть в одни руки. Это моя страна, мой народ, мои несчастья. И я, Андрей Синявский, не могу молчать. А я, Абрам Терц, в это

же самое время вывожу на бумажке чорт знает что своей ко-
ривой лапой:

« – У вас ли мой прекрасный башмак? – Да, он у меня.
– У вас ли мой золотой шнурок? – Нет, у меня его нет. – Какой
сахар у вас ? – У меня хороший сахар. – Какой орел у вашего
брата? – У него большой орел моего соседа. – Красный платок
у меня или желтый? – У вас нет ни красного, ни желтого плат-
ка, но у вас мой золотой шнурок. – Видите ли вы большие рога
этого козла? – Нет, у меня нет козлов, у меня только три ма-
леньких соловья и двадцать два воробья. – Зачем не пишете
вы как должно? – Я не могу писать лучше. – Стреляйте же,
теперь ваша очередь! – Извините, я только что выстрелил. –
Что у вас украли? – У меня украли прекрасные часы и золотой
шнурок, который я купил в Париже. – Думаете ли вы возвра-
титься в Россию? – Нет я этого не думаю. – Но у кого золотые
шнурки? – Никто их не видел.

Почему этот пьяница, всю жизнь уважавший только ви-
но, попросил в час своей смерти стакан воды. «Умирая, – ска-
зал он, – должно примириться со своими врагами».

Эта абракадабра всего-навсего цитата из нового романа
Абрама Терца «Кошкин дом», а что в ней от политики, пар-
тий, злобы дня? Разве что мельканье слов: стреляйте, Париж,
Россия...

Кстати, следует учесть, что чистое искусство совсем не
означает бесстрастного или бессердечного отношения к жизни.
Ярчайший образец чистого искусства в России – Пушкин, ко-
торый мне дороже и ближе писателей-моралистов, даже таких
великих, как Лев Толстой.

– К сожалению, книга как таковая оказывает все мень-
ше влияния на людей. Люди попросту меньше читают, пред-
почитая электронные средства информации, электронные об-
разы, электронное воздействие на нравственность и мораль.,
Что это – конец эпохи? Конец эпохи книги? И что должен де-
лать писатель в этих условиях? Писать или искать выход к
другим изобразительным, в частности, электронным средст-
вам, по существу, переставая быть писателем, как многие уже
и делают?

– Человек в любой ситуации должен вести себя естест-
венно. Поэтому я, как писатель, не склонен паниковать и из-

менять книге на том основании, что сейчас люди стали меньше читать. Я никогда не гонялся за массовым читателем и не спешил напечататься. Привык к тому, что между созданием текста и его публикацией проходят годы. До ареста я бросал рукописи на Запад и только через много лет увидел книгу. Я писал в лагере без особой надежды на печатный станок. Даже последнее опубликованное эссе «Путешествие на Черную речку» («Синтаксис» – 34 – полностью, «Дружба народов», 1, 1995 – в отцензурованном Пьещухом виде) три года пролежало в столе. Это при том, что в моем распоряжении журнал «Синтаксис». Ешь – не хочу! И давно занимает вопрос: а на необитаемом острове, без читателей, я писал бы? И робко заикаюсь: писал...

Мне все меньше и меньше становится интересной беллетристика – то есть повествовательная речь, построенная на каком-то сюжете (хотя я и заканчиваю сейчас роман «Кошкин дом»). Тянет в сторону смешения жанров, в сторону гибридных форм. Скажем, в сторону фрагментарной прозы (книга об эмиграции «Дальняя дорога»), которая звучит для меня, как стихи. Или смешение литературной критики и мемуаров (книга о Маяковском).

При всем том я понимаю, что писатели иного склада и типа, писатели-пропагандисты, агитаторы-горланы-главари, вольны искать себе другие формы общения с читателем или зрителем, в том числе и электронные. Это дело каждого писателя и каждого, вообще человека, какие ему формы общения предпочтительнее избирать. И я хорошо вижу на экране телевизора любимого мной Маяковского или нелюбимого Солженицына, но я не могу себе представить, что делал бы в телестудии Мандельштам. «Бессонница. Гомер. Тугие паруса...». И эту божественную строку отдать на растерзание толпе? Сделать массовой? Ни за что!

Поэтому не надо бояться электроники. Книгу ей все равно не унять. Книга пока что достаточно прочное и долговечное изделие.

(Интервью нашлось в архиве А.Синявского без указания кому и куда...)

МАЛЕНЬКИЕ ТРАГЕДИИ

1.

Однажды Синявский переоделся Абрамом Терцем и пришел к Солженицыну. А Солженицын очень любил евреев. Вот начинает он Абрамчика по головке гладить. А Синявский его цап за руку — до крови укусил. Солженицын, натурально, в истерику: не по правилам, мол, играешь, сука... мать... А Синявский слушает и запоминает. Ну, тут публика начинает собираться. Максимов пришел, Буковский пришел, весь Плющом обвитый, Горбаневская и другие. Речи толкают под редакцией Максимова. Слышно: Россия, эмиграция, либералы, недоумки. А Синявский все запоминает. Потом улучил момент — и тихо, тихо смылся.

Прибегает домой, жена его Марфа Петровна встречает в сенях, бороду всклокоченную расчесывает, стаканчик вина подносит: «Крошка Херес» называется. Синявский вино, конечно, выпил и сразу к столу: записывать. Лист бумаги берет и вдруг чувствует: все забыл. Только и смог выдавить: Россия, ..., мать, ..., Россия, ..., сука...

Вот что значит не иметь профессиональной памяти.

2.

Солженицын очень любил евреев. Бывало, увидит, еврей идет, догонит и по головке гладит. Особенно любил лысеньких. И в очках. Все гладит и гладит, остановиться не может. А за спиной костыль держит. Чуть еврей рот откроет, чтобы спасибо сказать – он его трах костылем по башке. Еврей, натурально, в беспамятство. Бредить начинает. А Солженицын тихо так стоит рядом и слушает. Послушает, послушает, все запомнит, и скорей на аэродром, в Вермонт лететь. Прилетит в Вермонт, жена его Софья Андревна со своей мамой Екатериной Фердинандовной встречают, лапти домашние несут, костыль на крючок вешают в прихожей, ведут в горницу – чай пить. Солженицын, однако, от чая отказывается и бегом в кабинет. И все, что от еврея слышал, записывает, а потом публикует в Христианском Вестнике.

Вот что значит – профессиональная память.

Печатается по рукописи В. Турчина, обнаруженной при разборке бумаг А. Синявского, без разрешения автора.

ИССЛЕДОВАНИЯ
НОВЕЙШЕЙ
РУССКОЙ
ИСТОРИИ

7

А.И. СОЛЖЕНИЦЫН
ДВЕСТИ ЛЕТ
ВМЕСТЕ

(1795—1995)

ЧАСТЬ I

МОСКВА
РУССКИЙ ПУТЬ
2001

ВХОД В ТЕМУ

Сквозь полвека работы над историей российской революции я множество раз соприкасался с вопросом русско-еврейских взаимоотношений. Они то и дело клином входили в события, в людскую психологию и вызывали накалённые страсти. Я не терял надежды, что найдётся прежде меня автор, кто объёмно и равновесно, обоесторонне осветит нам накалённый клин. Но чаще встречаем укоры о...

Вышедший недавно в Москве первый том книги Александра Солженицына «Двести лет вместе» вызвал отчаянные споры. Такова тема, поднятая писателем - взаимоотношения русских и евреев за последние два столетия. Такова ситуация в обществе российском, пронизанном разнообразными фобиями. Такова и фигура Солженицына, чьи выступления хочешь-не хочешь, а никогда не остаются незамеченными.

В своей книге Александр Исаевич, по его собственным словам, выступил как историк. Решил высказать посильные соображения о месте и роли евреев в государстве российском. Пожелал быть арбитром в споре, конца которому нет.

Получилось весьма интересно.

Среди откликов на эту книгу преобладают суждения запальчивые. Обвинения в антисемитизме и русофобии счастливо соединяются с коленопреклоненными рецензиями. Все очень всерьез.

Между тем, по нашему мнению, всякая книга или статья, посвященная столь абстрактной теме как взаимоотношения народов, обречена на передержки и безбожные обобщения. Не избежал их и Солженицын. Главная причина в том, что Александр Исаевич, желая поразмышлять о судьбе русских и евреев, ведет разговор об отношениях российского государства и евреев. В такой книге нет и не может быть места личной ответственности человека, все подается крупно: нация, власть, народ. Все, что полезно государству, достойно похвалы. Все, что по мнению автора, шло во вред России (в первой книге Солженицын рассматривает дореволюционный период) автоматически записывается евреям в убыток.

Спор с государственнымником - дело тяжкое, муторное. Предлагая поднять уровень дискуссии, возвыситься над государственнической скукой, мы публикуем литературную пародию. Заметно, что автор ее Илья Мильштейн много и с любовью читал Солженицына. Заразился неповторимым стилем нобелевского лауреата. И, преисполненный благодарности, вместе с нобелевским лауреатом грозно задумался о евреях и России.

Илья Мильштейн

ДВЕСТИ ЛЕТ КАК ЖИЗНИ НЕТ

Обоестороннее исследование русско-еврейских связей

Евреев мы всё бесперечь ругаем, а взглянуть бы по добром, без косноглазия и залыганья: так ли уж зловиновны иудеи российские в раскалённых красноязыких пожарах наших? Во всех ли бедах и горестных недомоганиях земель славянских змеится подлая тень молнатохвостых раппопортов и

циперовичей? Всегда ли в истории Российской гнездились лишь крючковаторные грязные лапы троцко-большевицких пригнётчиков?

Взглянем по-доброму.

Не всё и у нас ладно с разноравными пришельцами из песков сыпучих израильских. Рассмотрим хоть объёмно и равновесно историю погромов на нехристей чужестранных, распространившихся по-тараканьи по сочным чернозёмам Русской земли. Если не переклонно, но обоесторонне осветить нам этот каленый клин, то увидим: случались и такие, пусть мелкие, но досадительные происшествия. Метнем великодушно взор со стороны богопропротивной: хорошо ли им жилось при погромах? Да не очень. Иным и не жилось даже вовсе.

А – и нам не жилось. Прочтём непоmeshливо полицейские рапорты тех безвозвратных лет: в них – Историей подтверждённая безукоризненная точность и отчётливая бесприемная правда. Вникнем: "евреи г. Макашовска... в последнее время стали вести себя прихотливо и гордо: плевали на Городовых, сталкивали офицерских Жён в лужу, срывали погоны с Генералов-от-кавалерии и рисовали шестиконечную звезду на Церквах Православных и Синагогах, всячески подчёркивая свое превосходство над мещанами Макашовского уезда." В другом таком же источнике находим, что "иудеи г. Молдаванка с крайним непотребством вели себя при Погроме, выплёскивая на мещан, вооруженных лишь Крестами и дрекольем, бутылки с серной Кислотой и крысиным Ядом." Не погрешим против истины, если ещё и добавим: аптеками в те годы традиционно владели евреи...

Вот и срединная линия, на которой утвердимся прочно и незлобно: и мы, и они повинны двести лет вместе. На возврате дыхания и сознания покаемся отдышливо: и они, сатанинские дети, и мы с дрекольем запальчивы были. И – доброты не в избытке у нас, если по совести, обоесторонне и без захоронок. С них-то, с нехристей что взять, а мы вот ошиблись маленько.

Но – малой мерой покаемся, не зачёрпывая через край. Ибо неподым им каяться вместе с нами: с их-то стороны одна лишь русофобия да "всковая испорченность русского народа." Покуда бессчётливо самоограничиваемся мы, они уж наготове

со своими беззастенчивыми списками и перечнями. Если б одни погромы... Тут и потасканная процентная норма, и злопамятные выселения, и напористая черта оседлости, и облыжный наш антисемитизм.

Да в чём же? Возьмём хоть университеты наши, куда так стремились еврейчата (если б в армию так шли!). А спросить народ, так ведь и справедливо было: оградить коренное население от неравноправия, чтобы навязливые дети выкрестов не заполнили высшие учебные заведения, вытеснив оттуда незатейливых крестьянских детей. Если по-доброму, похристиански подойти, так ведь сами понимать должны были и догадливо сидеть в местечках, не мечтая завистливо о науках бесплодных и не высовываясь носато. Или вот выселения: да, погнали пейсатых из Ялты в 1893 году, да разве (если по-доброму) не было нужды гнать? А царский дворец в Ливадии, по соображениям госбезопасности, разве не следовало освободить от опасности иудейско-террористических покушений? Или не бродил поблизости с бомбой Шнеерсон? И скажем по-доброму (из последних сил): а – что ж не жилось-то евреям в черте оседлости, куда добронравно определил их Царь, что всё в университеты да в Крым, да в революцию лезли, из нищеты и тьмы вековой?.. За что ж они нас так не любили?

Но – вырвались к образованию, в Крым, в столичные города. И куда ж подались скопом, до последнего иудёныша? В бомбисты, в адвокаты да в журналисты, научились манипулировать общественным мнением, захватили не только аптеки, но и – газеты. Теперь, когда все топоры своего дорубились, когда всё посеянное взошло – видно нам, к чему невозбранно, при мягкости полицейской, призывали те адвокаты картавые, змеющиеся журналисты и аптекари с бомбами.

И так – до сегодня.

Теперь, когда докатились мы до Безбожной Демократии, кто громче всех славил и славит черные дела её? Кто, потакая бесстыдно ваучерам и скорохватам, расчубайсил скороморошливо и Чёрное море даже, растоптал границы, вывез немеряные капиталы? Кто истаскал язык наш, засоряя его бесщадно пустыми иноязычными словесами: "рейтинг", "пудинг", "греф", "маркетинг", "лизинг", "патриотизм"?.. А мы – и слова в ответ не скажи доброго, прямо ложись в гроб и по-

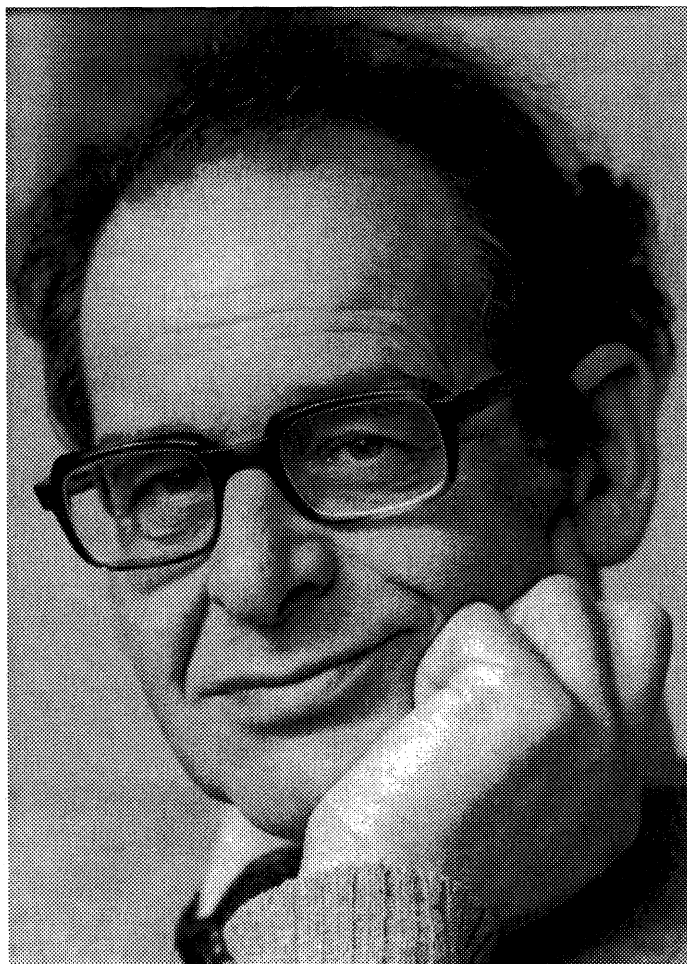
мирай без покаяния. Худо вам жилось с нами? Да что-то много мягкой мебели с вашей стороны перетаскано, сервизов чайных, столового серсбра, долларов в исподвольных коробках из-под факсов, а у нас – всё степь да бараки, да ржавым прерывистым звоном, как всегда, бьёт подъём – молотком об рельс у штабного барака.

Но – хорошие будем, без переключения.

Вот спросим себя плюралистично: надо расстреливать чернявых, с бородами, безногих шнырей с адскими взрывными машинами? Мы их гуманистично, в ГУЛАГ на вечное поселение, они же смеются прямо в лицо, а – помазать лоб зелёной по-доброму – сразу притихнут и явки с гексогеном укажут все. Это не по теме, но вот по теме: много друзей у меня было иудейского племени, с кем и сидел, а на воле – разошлись, антисемитом и изувером меня нарекли: так что ж, терпеть или уничтожить посмертно? Им-то злопечально, что не разглядели во мне раньше того, кем я был, а и – протерли бы очки прежде. Взглянем обостроенно их глазом черным. Покуда бегал слабый теленок по дубовой роще, пострадали мне, а как вырос да разнёс весь лес к матери, выжег напалмом – не посочувствовали доброте. Как и многим другим писателям, вставшим во весь рост запальчиво против разворота рек, перестройки, демократии, прихватизации, засорения телескрана голый, неодоухотворённой плотью: плевать стали против тех писателей, да – против ветра. Или вот текст, нередко публикуемый на заборах наших: "Бей жидов, спасай Россию!" – досадителен он для иудеев или не досадителен? А – взглядимся по-доброму. Что ж дурного в том, чтобы Россию спасти?

Двести лет совместной нашей истории – время итоги подвести и выводы делать. Безбоязненно правду сказать, в лоб, но по-доброму, понимая и свою раскалённую святую злобу, но и противную сторону, со всей ее подлостью и слепотой. Простить по-Божьи, но и чтоб мало не показалось. Найти у них, змеиных выкидышей, ростки хорошего и выволочь на свет, да за грудки, да мордой в снег, да вподдых ногами: будешь с нами, как мы с тобой, по-доброму? И – простить, худого слова не сказав, только к стенке поставить и чтоб стоял, отвернувшись, ещё двести лет и носа не показывал.

Не в силе Бог, а в стиле.

1918 – Е. Г. ЭТКИНД – 1999

НАСТАВНИКАМ, ХРАНИВШИМ ЮНОСТЬ НАШУ...

Жанр некролога оказывается нестерпимо властным. Не увернуться. Не отвертеться. Не отложить на потом. Из свежей пробоины начинает бить артезианский луч памяти, но его пригибает приличие, норма, этикет. И они диктуют отбор. Посмертная маска все же сохраняет черты лица, с которого снята. Персонаж некролога почти не имеет соприкосновения со своим прототипом. Но состоит в родстве с персонажем предыдущего некролога. Память жанра сильнее просто памяти. Все наросты, узлы, уродства, корявости стесаны. Вместо ствола – столб.

Что-то такое происходит и со всем нашим прошлым, еще не остывшим, знакомым до последнего закутка, как родная коммуналка, но уже поступившем в обработку на прозекторский стол мемуаристов и историков. И его очертания на глазах меняются. Идет процесс окоченения – превращение живого тела в труп. Это, с одной стороны, дает представление о том, что останется от нас потомкам, а с другой – приоткрывает, с чем мы сами имеем дело, обращаясь к тому, что считаем историческими свидетельствами. Эмигранту, у которого временная дистанция усилена пространственной отторженностью, это особенно нестерпимо. Тире между годом рождения и годом отъезда уже было репетицией ухода из жизни. Уже тогда прошлое было законспектировано, законсервировано и закопано вглубь в виде капсулы, с девизом – не забывать и не открывать. И только на этом условии жизнь, запнувшись и едва не сорвавшись, продолжилась и готова была без помех протекать сквозь безразличное будущее. Хорошо жить с замороженной душой. Если б она еще никогда не отмерзала...

Так и пишут, что на Западе, вне тисков советской цензуры, его творческая деятельность с новой энергией рассыпалась веером по всем конференциям и симпозиумам мира. И размаха, говорят, хватило и на всю Европу и на всю Америку. И на триумфальное возвращение в любимый город – уже в последнее десятилетие. И это почти что правда. Но тут очень важное слово «почти».

Конечно, он нас ужасно подвел тем, что взял да вдруг и умер, оказавшись подвластным всеобщему закону. А мы-то надеялись, что он окажется исключением.

Я, конечно, говорю о Ефиме Григорьевиче Эткинде. Прошлым летом в Петербурге, в Малом зале филармонии, обветшавшем и обтерханном, хоть и со следами былой красоты, он стоял, привычно вбирая кафедру в свои объятия, без бумажки, вне регламента. Не то чтобы не изменившийся за сорок лет, но тем не менее, все-таки, несмотря ни на что, пусть не такой же, но тот же, абсолютно тот же, меньше всех ограбленный ходом времени... Один из немногих моих учителей...

Всю жизнь я завидую старшим и младшим – им было у кого учиться. Но тем, кому повезло войти в студенческую аудиторию в год двадцатого съезда... К тому же город наш – Ленинград – едва ли не самый в пятидесятые годы запуганный и тухлый во всем Союзе. Ни столичных вольностей, ни провинциального уюта. Выдрессирован проработками, отутюжен постановлениями, затянут в идеологический мундир до остановки дыхания. Так на поверхности. Что под ней – первокурсникам поначалу не видно. В 1956-ом верхнюю пуговицу мундира уже дозволено расстегнуть. Но вот разрешается ли дышать – не ясно. Новые правила игры едва прорезаются. Старые еще слишком хорошо помнятся. Похоже на игру в *Вам барьяна прислала туалет*: «что хотите, то берите, да и нет не говорите, черного с белым не покупайте, о желтом даже не вспоминайте...»

Но мы все-таки отправляемся на бал.

И я выбираю для первой курсовой лирику Тютчева. Милая, добрая знакомая Мария Анатольевна Шнеерсон едва

не плачет: «Оставьте вы это, деточка – погубите себя навсегда!»

В неразбрихе 56-го года, при перекройке гуманитарных факультетов из-за слияния Герценовского с Покровским, единственный раз допустили к студентам – на почасовой основе – Марка Наумовича Ботвинника. Он даже назывался «куратором группы». В чудный весенний день он повел нас на обсуждение первого тома «Всемирной истории» в академический институт на Васильевском. Там докладчик объяснил, что в своем разделе изложил две взаимоисключающие концепции, существующие в науке по некоему вопросу, со всеми имеющимися обоснованиями в пользу той и другой. Поднялась из президиума дама – синий костюм, мужской галстук, перманент – сразу и дама и ответственный товарищ, и сказала требовательно: «Нам тут не нужно двух точек зрения – нам нужно одну, правильную!» Марк Наумович схибно и торжествующе, развернулся к нашему выводку: «Вот за этим я вас сюда и привел. Чтоб вы это слышали».

Кажется, это в первый раз на моих глазах было подвергнуто уничтожению основополагающее для всей нашей жизни разделение вещей на правильные и неправильные.

Марк Наумович, с его сарказмом, колкостями, ядом вольнодумства, кратким тюремным опытом в прошлом и тотальным неприятием всего что есть в настоящем, был как лампа, при свете которой в пыльных герценовских аудиториях мы смогли разглядеть убогость нашего снаряжения. В его глазах оно ничего не стоило. Трюк, регулярно приносивший мне необходимую повышенную стипендию, не произвел на него никакого впечатления. Трюк состоял в эксплуатации исключительно цепкой на тот момент памяти, позволявшей на короткий срок запоминать дословно виденное, читанное и слышанное. Я без запинки отбарабанила ему ту часть *Судебника Хаммурапи*, что была включена в хрестоматию по Древнему Востоку. На что он сказал со сдавленным неодобрением: «Что ж, нельзя сказать, что Вы прошли курс, но можно – что Вы прочли учебник.»...

Я ведь хотела про Ефима Григорьевича Эткинда...

Погодите... До Эткинда еще далеко, мы пока только на первом курсе. У кого мы учимся? Дсканат в наши годы и еще

лет десять-пятнадцать после, если не случалось справлять первое сентября на картошке, но, как правило, не случалось – картошка начиналась со второй-третьей недели – так вот деканат заходил первого сентября с козырной карты, и первой лекцией для первого курса было всегда, или почти всегда, введение в литературоведение Дины Климентьевны Мотольской.

Она стояла, маленькая, волосы сзади уложены в две косички корзиночкой (стрижка, сделавшая ее похожей на курсистку – это потом) и вскрывала неожиданно звонким резким, как ножик, голосом печати молчания и умолчания, которыми во множестве была увешана наша тогдашняя жизнь. Несомненно, это было «введение», но только ли в литературоведение?.. Всякое важное событие – Рихтер, Монтан, Пикассо, Смоктуновский, Кафка, Бунин, Бриттен, Жерар Филипп, Порги и Бесс – это все культурные зарубки тех лет, – на завтра включалось в яркую речь, обращенную к полудетской аудитории, словно в ней, в аудитории, предполагалось равноправное понимание и сочувствие. Никому не посылали столько записок, никому не задавали столько вопросов, никого не окружали таким плотным кольцом в перерыв... И ни с кем не оставались так надолго – на всю остальную жизнь. Еще и сегодня к дому Дины Климентьевны стягиваются ниточки из разных городов и стран, от ее студентов разных потоков и разного разлива. Все у нас разное, и только одно нас объединяет: то, что именно сю мы были введены в пространство культуры, в пространство свободной дискуссии. По тем временам это было равносильно постановке дыхания.

Чем еще памятно начало студенческой пятилетки? Как тень того, чем она могла быть, но не смогла стать, прошли перед нами по разу большие люди убитой эпохи. Один раз на обсуждении первого тома его монографии о Пушкине мы видели Б.В. Томашевского; другой раз на очередной дискуссии о реализме присутствовали при том, как завкафедрой методики преподавания литературы А.М. Докусов с высоты единственно верной методологии наставлял Б.М. Эйхенбаума. Аркадий Семенович Долинин начал было у нас семинар по Гоголю, но после двух занятий оставил его – из-за болезни. В списках литературы не значились ни Гуковский, ни Жирмунский. О

том, что Тынянов писал не только романы, мы узнали от Дины Климентьевны. Слово "компаративизм" ещё звучало как бранное. Наш лектор по фольклору доцент Л.С.Шептаев снизил на экзамене оценку студенту, обнаружившему знакомство с книгой Проппа. Это не анекдот. Это время такое было – межеумочное. Даже те из моих однокурсников, что от руки переписывали стихи Пастернака, не знали имени его двоюродной сестры О.М.Фрейденберг, которая скончалась в год нашего поступления в институт чуть ли не на соседней улице. И нам ничего не говорило имя жившей в нашем городе Л.Я.Гинзбург. Только к четвертому курсу настало время лекций и семинаров Наума Яковлевича Берковского, на которые стекалось пол- нашего института плюс кое-какая публика из Театрального. Ленинградская филологическая традиция, контуженная расправами конца сороковых, едва начинала оживать и не была нам слышна. Юрий Михайлович Лотман местом её продолжения избрал Тарту. И лет через восемь Борис Фёдорович Егоров пришёл с дудочкой к потерпевшим крушение инвалидам анкетных статей и провел в Ленинграде рекрутский набор для юрьевского университета. Но тогда уже весь пейзаж был совершенно другой. Стали – чем дальше, тем больше – возвращаться из-за запретной черты люди и книги подспудного времени. Так что младшие уже не были ничьи и ниоткуда, дворняжки без роду без племени. А мы были.

Но, говорят, дворняги, беспризорные уличные псы, остро чувствуя не один только голод, но и недостаток витаминов, умеют отыскать зеленую траву в расщелинах асфальта. Так и мы, сколько себя помню, были заняты добычей из-под официального гудрона того, что было под ним скрыто.

Кажется, на втором или, может, на третьем курсе я стала ходить на практически занятия по анализу французского художественного текста, которые вёл Ефим Григорьевич Эткинд на факультете иностранных языков. По-французски я не знала и десяти слов, так что мне, казалось бы, делать там было нечего. Но не во французском была там сила. Сила была в преподавателе, который без бумажки и вне регламента осыпал аудиторию именами, сведениями, стихами – в подавляющем количестве русскими, привлеченными в качестве параллелей к

французскому художественному тексту. И это были не только Тютчев и Баратынский, не только Бунин или Заболоцкий, но и Белый, Кузмин, Ходасевич, Мандельштам, Цветаева. В 1958-59 это был ликбез, верёвочная лестница через пропасть запрограммированного невежества. И столь же важны были широкий жест, артистизм исполнения, интонация доброжелательного превосходства и ироническая улыбка, обращенная не только к слушателям, но, вообще говоря, ко всему – к текстам, их авторам, к переводчикам, к распространенным мнениям и принятым оценкам. Ироническая улыбка сокращала дистанцию между священными текстами и участниками занятий. Большинству до той поры не случалось рассмотреть их со столь близкого расстояния. Эта опробованная в студенческой аудитории особая оптика обеспечила в 1963 году абсолютный успех книге Эткинда «Поэзия и перевод».

Эта книга возникла на пересечении двух кругов его деятельности – научного, филологического, и художественного, переводческого. В каком-то смысле, она подбивает итоги первому десятилетию без Сталина. После войны железный занавес и борьба с космополитами надёжно ограждали нас от бактерий европейской культуры. Нарушители карантина впадали в грех «низкопоклонства перед Западом», и это было тяжкое идеологическое преступление. Низкопоклонством считалось любое упоминание о том, что данное культурное или техническое достижение пришло в Россию с Запада. Очень памятливы шутки из первых оттепельных капустников: «Калоши изобрёл тульский оружейник...» или «футбол – исконная вологодская игра», или «мы никому не позволим укладывать нашу науку в прокрустово ложе таблицы умножения». Книга «Поэзия и перевод», о перекрестном взаимодействии культур, сигналила, что карантин, хоть, может, и не до конца снят, но значительно ослаблен. Это вообще было время стихов и переводов, двух скоростных маршрутов возвращения к опечатанному прошлому и отрезанному пространству. Ефим Григорьевич Эткинд был для младших поколений проводником и на том, и на другом.

И тем же глубоким смыслом и лёгким стилем были наполнены вечера, которые он вёл в ленинградском Доме писателей. Попасть на них было непросто и считалось большой

удачей. Это называлось – «Устный альманах *Впервые на русском языке*». И во-первых, там имели выход к публике вещи, которые пробивались в печать долго и трудно, вроде Камю или Кафки, во-вторых, там дебютировали молодые ленинградские авторы – вроде Геннадия Шмакова или Рида Грачева, в-третьих, там читалась сатира, а она, хотя и зарубежная, вроде Брехта, но воспринималась аудиторией совершенно как своя. И ведущий умело скользил по самой грани между *наверняка нельзя* и, *быть может, можно*, и всегда там присутствовал привкус крамолы, над чем так легко потешаться сейчас, но тогда каждый такой вечер казался некоторым завоеванием, особой точкой, достигнутой в борьбе за расширение культурного пространства.

Всё-таки и сегодня не стоит забывать, как ненадолго в России отпускают гайки. К 1968 году погода на оттепельную уже не была похожа. У Ефима Григорьевича – катился по городу слух – возникли неприятности из-за вступительной статьи к двухтомнику в *Библиотеке поэта* «Мастера стихотворного перевода». Не из-за статьи даже, а из-за одного предложения в ней. Приводили и предложение, заострив его – как оказалось, излишне – до формулы: «С середины тридцатых годов русская поэзия на 20 лет эмигрировала в перевод». Редакцию *Библиотеки поэта* трясли за фразу в гораздо более спокойной упаковке: «...между XVII и XX съездами русские поэты, лишённые возможности выразить себя в оригинальном творчестве, разговаривали с читателем языком Гете. Орбелиани, Шекспира и Гюго».

Тогда же, в 1968 году, в Ленинграде было написано стихотворение, к случаю:

О иностранцы, как вам повезло,
Вы в переводах гениальны дважды.
Нам открывало вас не ремесло.
Но истины преследуемой жажда.
Благословляю этот плагиат,
Когда, прибегнув к родине инакой,
Из Гете, как из гетто говорят
Обугленные губы Пастернака.
Когда дыханье не перевести

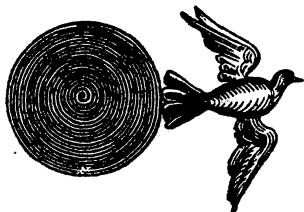
От ужасов стоактного Макбета,
Что оставалось русскому поэту?
Раскрыть Шекспира и перевести...

Татьяна Галушко не включала при жизни эти стихи в свои сборники. И Ефим Григорьевич – поразительное дело! – не знал об этом отклике бывшей герценовской студентки на его слова и дела. Я переписала для него это стихотворение уже в эмиграции, лет через десять после истории с *Библиотекой поэта*.

Заступничество Ефима Григорьевича за *тунеядца* Бродского, его дружеская помощь *литературному власовцу* Солженицыну были действиями того же плана – партизанскими боями в защиту культуры. По-видимому, власть считала его неслабым бойцом, раз она вынудила его уехать. И он был сильно задет тем, что его подшефные нобелевские лауреаты не находили для него впоследствии ни приязни, ни благодарности.

Отъезд из Ленинграда развернул перед ним по-новому проблему перевода. Это и есть главная трудность эмиграции – переход не только на другой язык, но и в другой контекст. Он, конечно, более других был готов к этому: этот еврей был русским европейцем и с Европой у него было все в порядке. Но и он, кажется, не ожидал глухоты, непонимания и отсутствия общего языка с российским эмигрантским самопровозглашенным начальством, с его обкомом, с его узкой мыслью, с его континентом и контингентом.

Он провел в эмиграции четверть века. И в последние десять-пятнадцать лет стал бывать в Петербурге и Москве не реже, чем в Америке или Канаде. Так что можно сказать, что ему удался не только прямой перевод, но и обратный.

Ф И М А

"Мы с Фимой много... говорили. Оба решили, что ближе вас с Лёней у нас нет друзей"

Из письма Кати 5/IV-44 моей жене

"Дорогим друзьям Гете и Лёне, без которых не было бы автора этой книги. Е.Эткинд. 30/XI-63"

Дарственная надпись...

Много ли осталось современников, кто знал Ефима Григорьевича Эткинда, еще не профессора, даже не школьника, а мальчика Фиму в коротких штанишках? Вопрос, разумеется, риторический, но он объясняет потребность рассказать о ярком и талантливом человеке, семидесятилетняя дружба с которым была незабываемой частью моей жизни.

Прошлое сильнее настоящего. Былое, нас лепившее, хранится в глубинах памяти (или души), не вычеркивая ни духа времени, ни ушедших в никуда родных и близких, с кем тесно сплетены наши судьбы.

Первая встреча с Фимой. Лето 1923 года. Сестрорецкий курорт. Двухэтажный пансионат, видимо, благоустроенный (летом в нем отдыхал Зиновьев). Здесь для меня и сестры (Галля, на год моложе меня) снято помещение. В дождливый день на крыльце под навесом мы и познакомились. Любопытно, что эта встреча запомнилась нам не одинаково. Я вижу, как из водосточной трубы мы набираем в ведро воду, бросаем туда поганки и, помешивая совочком, варим суп. А Фима утверждал, что мы хоронили воробушка. Пример чьей-то аберрации памяти. При моей повышенной впечатлительности не мог бы я забыть о первой встрече со смертью – с мертвой птицей.

Осенью 1924 г. оказалось, что мы живем по одной лестнице дома 73/75 по улице Красных Зорь (бывший Каменноостровский, позже – Кировский проспект). Не помню, как мы встретились и узнали друг друга. Посетил его (вместе с сестрой) лишь однажды. Это было в день наводнения 23 ноября 1924 года. Смотреть в окно было интересно. По улице плыли разные предметы – всё, что могло плыть, выброшенное Малой Невкой и подхваченное потоком. Всплыла и рассыпалась лучшая в городе мостовая, составленная из деревянных шестигранных шашек. Кажется, мы воображали, что наш дом – корабль, а мы – вроде капитанов.

У Фимы было много дорогих игрушек, с которыми владелец обращался достаточно вольно. Он завел музыкальную шкатулку, на "сцене" которой двигались и кружились под музыку куколки-артисты. Когда "представление" кончилось и куклы остановились, Фима сказал: "Посмотрим, что *внутри*", – и к нашему ужасу стал отламывать дно шкатулки.

Не ясно, почему в этот день мы с сестрой оказались у Фимы, тем более, что для семьи Эткиндов это было не очень удобно: нам надо было тихонько пройти через комнату, где лежала приболевшая фимины мама, Полина Михайловна [1].

Дом наш, ныне отмеченный мемориальной доской, посвященной выдающемуся переводчику и поэту Михаилу Леонидовичу Лозинскому, заслуживает упоминания. Говорили, что дом "нафарширован" интеллигенцией [2]. Во дворе слышал я и такое: "Здесь живут *недобитые*". – многих потом "добивали". Некоторых именитых обитателей дома назову: семья бывшего директора Императорских театров В.А.Теляковского; известный литературовед В.А.Десницкий; академик С.Ф.Платонов (в день его ареста каратели не могли сразу вывезти всю библиотеку академика; помню, что груды книг какое-то время лежали на лестничной площадке), семья П.Л.Капицы (мать Ольга Иеронимовна, филолог, профессор Педагогического института, брат и племянник ученого), сын А.М.Бутлерова. Но среди его обитателей *самыми знаменитыми* (в городе и в стране) были футболисты – братья Петр ("Пека") и Николай Дементьевы.

Поскольку воспоминания посвящены Фиме, то, нарушая хронологию, назову еще две фамилии. Осенью 1927 г. в

одной из квартир этого дома поселилась семья Зворыкиных: Федор Анатольевич и Ольга Александровна с девочками: Наташей (11 лет) и Катей (9 лет) [3]. Много позже Катя стала женой Фимы и нашим близким другом; теплая дружба возникла у нас также с Наташей и её мужем Мишей (Моисеем Элиевичем) Кирпичниковым [4]. В этом доме жила Татьяна Григорьевна Гнедич. С ней меня познакомил Фима, который описал её подвиг – блестящий перевод поэмы Байрона "Дон Жуан" в тюремной камере *наизусть*, т.е. без книг [5].

Вскоре Эткинды переехали в квартиру на Песочной ул. Но встречи с Фимой уже не прекращались.

В 1926 или 1927 мы еженедельно встречались в квартире Шохоров [6], где Берта Григорьевна – мать 8-9-летнего Яши и 6-7-летней Иры – организовала группу для обучения детей танцам. Посещали группу и мы с сестрой. Хотя нет у меня права осуждать неспособность к балетному мастерству (вальсом я так и не овладел), должен все же сказать, что Фима был среди нас чемпионом по неуклюжести.

Однажды после танцев мы с ним пошли гулять в сад "Совторгслужащих" (прежде "Алферовский садик"). Фима отломил два прутика, один дал мне и сказал, к моему изумлению: "Вызываю тебя на дуэль! Ты танцевал с Ирой Шохор. Будем драться на шпагах!"

Была у него склонность и к эксцентричным поступкам. Я негодовал, когда из окна нашей квартиры он, не глядя на тротуар, выплеснул стакан воды.

Впервые Фима потряс и восхитил меня в 1928-1930 г. (точно не помню). Удивлял он и прежде, и позже, но в тот день давно знакомый мальчик сразу вырос в моих глазах. Было это в их новой квартире на Песочной, мебель там была умело встроена в стенки комнат (чтобы избежать конфискации имущества, каковой – насколько помню – семья уже подвергалась). У Фимы была отдельная комната. Он спросил: "Хочешь, я тебе прочту монолог Брута из трагедии Шекспира "Юлий Цезарь"?" – взялся за спинку стула, встал в позу и с пафосом произнес этот монолог. О Бруте и Цезаре я услышал впервые. На полке стояли французские книги – Корнель и Расин, о них я тоже ничего не знал! В квартире жила гувернантка-француженка, старушка мадемуазель Мартель. Учился он в

немецкой школе – "Петершуле" (была еще "Анненшуле"; преподавание на немецком языке в обеих школах прекращено в 1929-30 году).

Эткинды были состоятельны. Отец Фимы, среднего роста, полный, красивый, волевой человек, Григорий Исаакович (1892 – 1942), прежде, если не ошибаюсь, владел печатной фабрикой, а в советское время, был связан, кажется, с какой-то коммерцией; умер он во время блокады [7]. В семье жил его младший брат, Марк Исаакович, которого я знал много лучше, удивительно красивый и приветливый – "дядя Моня" (умер в 1960). Фимины мама, горячо преданная детям [8], красивая изящная брюнетка, Полина Михайловна Спивак (1898 – 1988?), певица, обладавшая чарующим меццо-сопрано, выступала под псевдонимом Спевская (была издана патефонная пластинка, зафиксировавшая её вокальные номера). У Фимы было два младших брата, оба красавцы: Саня (Исаак; 1920-1974) и Марк (1925-1979) [9].

Зимой 1932-33 г. мы ставили спектакли. Репетиции и первые представления были у нас, хотя мы жили в проходной комнате коммунальной квартиры. Инициатором и режиссером был дядя Моня. Ставили какую-то сокращенную пьесу Мольера и чеховские "Юбилей" и "Свадьбу". Репетируя, от души веселились. В "Юбилее" председателя правления банка ("человека с моноклем") играл Фима, бухгалтера Хирина – я. В "Свадьбе" Фима изображал телеграфиста Ятя, Яша Шохор – жениха Апломбова, я – отца невесты, Ира Шохор – Змеюкину. Лучшим был Лёня Большаков [10], игравший грека Дымбу. Мы не уставали хохотать, наблюдая его мимику и слушая его удачно акцентированные объяснения, что в Греции всё есть: "И львы есть. Это в России ничего нету, а в Греции всё есть. Там у меня и отец, и дядя, и братья, а тут ничего нету".

Крепкая дружба с Фимой возникла в 1933-34 учебном году, когда в 8-ом классе он оказался в нашей, 181-й, школе (Каменноостровский угол Монетной; до революции здесь помещался Александровский лицей, о чем мы не знали, и вовсе не подозревали, что в 1925 г. бывших лицеистов арестовали и несколько десятков из них расстреляли, а мы безмятежно резвились в их аудиториях). С нами учились: Алёша Дьяконов,

Миша Габе, Эрик Найдич. В 8-й класс (1933 г.) пришла Катя Зворыкина, будущая Фимины жена. В параллельном классе училась Гета Волосова – моя будущая жена. Зародившееся в эти годы общение вылилось затем в тесную семейную дружбу.

Среди миллионов минут текущей жизни память ухватывает и закрепляет эмоционально значимые события. Всплыл школьный эпизод. На перемене Катя Зворыкина одна в классе плачет, опустив голову на руки... Перед пасхой весь класс *обязан* был *добровольно* вступить в "Общество воинствующих безбожников". Мы относились к этой повинности довольно равнодушно (хотя один школьник хвалился изобретательностью – он заклинил духовку с куличом своей бабушки). А девочка Катя страдала! На нее давили, ведь иначе класс не на 100% состоял бы из "воинствующих безбожников". Объявить же себя безбожницей Катя не могла: перед смертью бабушки она сй обещала, что никогда не будет участвовать в гонениях на церковь.

Запомнил, что именно Фима прочел мне потрясающие стихи Мандельштама: "Я вернулся в мой город..."; прежде я не знал этого поэта; и еще Фима сказал, что Мандельштам арестован. Было это в конце 1934 – начале 1935 года.

Однажды в школьные годы дружба с Фимой дала трещину. Я был влюблен в одну девочку – влюблен безнадежно, а потому, что робел и считал себя недостойным её. Понятно, я рассказал закадычному другу о своих страданиях. Фима реагировал неожиданным вопросом: "А хочешь, я влюблю её в себя?". Позже он еще рассказывал, как и где он с ней целовался. В силу моего скверного характера я несколько месяцев не мог с ним встречаться.

Вообще. Фима был неравнодушен к девицам, и порой ему доставалось от соперников. Его даже как-то побили поклонники предмета моих вздыханий. Позже Фимины ухаживания за другой красивой девочкой привели к серьезному эксцессу: его решили проучить, позвали в какой-то дом якобы посмотреть французские книги, а там наш одноклассник Саша Г., выйдя из другой комнаты, предложил сурово: "Снимай штаны, пороть будем". Фима тогда отбилсь, разбил оконное стекло и ушел.

Летом 1934 г в Сестрорецке я получил от него письмо в стихах (он отдыхал на южном курорте). Помню только окончание: "Будь же жив и невредим // <та-та-та> твой друг Ефим". Я ответил в том же стиле, но запомнилось лишь начало: "Здравствуй, Фима, друг мой милый! // Я набрался слова силы // и ответ в стихах катаю. // Слаб мой стих – я это знаю". В 1974 году, перед выездом из России, Фима мне сказал, что нашел это письмо в своем архиве. Недавно, уже после его смерти, я узнал, что рукописи и документы он содержал в идеальном порядке.

В 9-м классе у Фимы возник конфликт с кем-то из преподавателей. От него требовали извинений. Он считал себя правым и, иронизируя, сказал мне: "Хотят, чтобы я извинился! Ладно! Скажу им: *"Я? Виноват!?! Из-ви-ни-те!!!"* Помнится, и в Петершуле у него были некие "недоразумения", а из следующей школы его тоже за что-то исключали.

Шутя кто-то сказал, что Фима склонен *"возникать"* А ведь мои современники слышали опасливый совет: "Не высовывайся!" Припоминая фимины мелкие юношеские "эксцессы" и позднейшие тяжелые удары, которые получал этот сильный и смелый человек, невольно разделяешь соображение П.Л.Капицы о том, что творческие личности относятся к инакомыслящим, что они темпераментны и часто вызывают недовольство окружающих. "...поэтому талантливые люди обычно обладают, как говорят, трудным характером [11].

В 1935 г. школы подверглись новому эксперименту; пережили мы и "пятидневку", и "бригадный метод". Теперь вместо прежней семилетки и позднейшей девятилетки введено было 10-летнее обучение. но окончившие в 1935 году 9 классов имели право поступать в ВУЗ. Я воспользовался этим и поступил в медицинский институт, а Фима, Катя Зворыкина, Гета Волосова и Алеша Дьяконов продолжали учебу в 10-ом классе – называю только тех, чьи судьбы оказались связанными надолго.

Через год Фима поступил на филологический факультет Университета, Гета Волосова пришла в тот же медицинский институт, где я уже перешел на второй курс. Алёша Дьяконов, с детства стремившийся быть моряком, поступил в Корабле-

строительный институт. Своей радостью он поделился в статье "Я буду строить корабли" (журнал "Костер", 1936 г.), текст которой содержится в замечательной книге брата Алёши – ученого с мировым именем, ассириолога, лингвиста (полиглотта), пушкиниста и поэта Игоря Михайлович Дьяконова (1915-1999) [12]. Вспоминая судьбу нашего друга – одаренного поэта и инженера, интеллигентного и скромного Алёши, приходится сказать, что "строить корабли" ему не пришлось. В 1938 году писателя Михаила Алексеевича Дьяконова, отца Алёши и Игоря, арестовали и расстреляли. Алёшу исключили из Кораблестроительного, но он добился перевода в Политехнический институт, где специализировался в области турбостроения, "...надеясь через корабельные турбины вернуться к кораблестроению" [13]. Добавлю, что брата Алёши, Игоря (по традиции общения называю по имени) упоминаю не случайно. Во время войны он серьезно помог Фиме (см. ниже), а после войны Игорь Дьяконов и его жена Нина Яковлевна стали нашими близкими друзьями.

Фима – талантливый и работающий, не лишенный честолюбия, остроумный и красивый. быстро обратил на себя внимание и студентов, и преподавателей. Судя по всему, у него было много поклонниц: видимо, порой они ему надоедали. По воспоминаниям одной из его "приятельниц-поклонниц" (её выражение). Фима назначил ей свидание где-то возле Университета, но не пришел, а потом по телефону объяснил, что "проспал".

У него возникли серьезные рабочие контакты с профессорами Александром Александровичем Смирновым, Виктором Максимовичем Жирмунским, Григорием Александровичем Гуковским; особенно приветливо к Фиме относилась Мадлен Геральдовна Меллуп – преподавательница французского языка.

Нарушая хронологию, скажу, что студенческое знакомство привело, после гибели в тюрьме профессора Г.А.Гуковского (1950), к тесной дружбе с его дочерью – яркой и отзывчивой личностью, писательницей и выдающимся педагогом, Натальей Григорьевной Долининой (1928-1979), ставшей другом и нашей семьей. А еще Фима с Катей и моя семья

подружились с младшей дочкой Мадлен Геральдовны, Жермен Меллуп (1919-1973). Жермен (Ремочка) обладала редким сочетанием красоты и жизненной силы (духовной и физической); талантливый скульптор-анималист, она любила и детей (собственных было четверо), и друзей, и животных – помимо собак и кошек во дворе обитал ослик, а порой и козочка. Дружили мы до её кончины.

Фима был склонен к мистификациям. Однажды Мадлен Геральдовна предложила студентам составить дома рассказ о каком-нибудь французском писателе. Фима выдумал биографию якобы позабытого писателя прошлых веков, "Ле Пюнеза" (La punaise – клоп), о котором он будто бы случайно узнал. Мадлен Геральдовна, разумеется, в восторг от этого не пришла. Другой раз Фима показал мне сделанную им из старой бумаги тетрадочку с пародийно-вычурными малопонятными стихами. Его веселило еще и придуманное имя поэта "ВЕЛИМИР УКРОБ". Скажу, что в молодые годы мы, любившие поэзию, плохо понимали эксперименты Хлебникова и сложные метафоры раннего Пастернака. Со смехом Фима объяснил, что хочет подарить ее Нине Сигал в день рождения и сказать, что он где-то нашел эту тетрадь неизвестного поэта. Потом мистификатор признался, что Нина обиделась. Впрочем, теплая дружба Фимы с очень красивой Ниной Александровной Сигал (позже Жирмунской) продолжалась до конца её жизни (1991).

В студенческие годы я иногда пропускал занятия и по фиминому приглашению бсжал на интересные лекции Жирмунского или Г.А.Гуковского (его яркую лекцию о Крылове не забыл по сей день), и еще помню рассказ Фимы, как Гуковский однажды прочел надпись на тяжелых дверях Лектория (на Литейном напротив Бассейной): "Тяни к себе. Толкай от себя", и сказал: "Вот и вся философия обывателя!".

По инициативе Фимы, если не ошибаюсь, возникла дружеская студенческая компания: их было семеро, и они называли себя "Радугой" (кроме Фимы: Нина Сигал, Инна Шафуренко, Вова Шор, Ахилл Левинтон, Лёля Кремер и, кажется,

Давид Прицкер). Всех их я знал, а с некоторыми подружился. Особенно симпатичен был мне деликатный Лёля Кревер.

Опутавшая страну штатная, добровольная и навязанная фискальная служба не могла, конечно, не зафиксировать некую "групповщину". Во время войны офицера Эткинда Е.Г. вызвал "особист", и сдвинув брови, спросил: "Расскажите, что это за университетская организация "Радуга"?"

Порой посещал я студенческие филологические семинары. Один запомнил. Доклад Эрика Горлина был посвящен английской литературе. Высокий, сдержанный, в скромном свитере, Эрик курил трубку; его шутливо называли "англомамом", что обернулось трагедией – отчислением из университета! После войны Владимир Лифшиц посвятил Горлину стихотворение (вспоминаю – может быть, и не точно):

ПАМЯТИ ЭРИКА ГОРЛИНА

Перед самой войной в Ленинграде

завязалась словесная драка.

Умудренные знанием дяди

собирали совет на филфаке.

Обсудить им пришла охота

одного чудака студента;

не созвучна его работа

духу нынешнего момента.

В мире такое творится.

он и взорван сейчас, и вздыблен,

а студент изучает Китса,

а студенту по нраву Киплинг.

Вот встает доцентик дотошный,

он наносит удар подвздошный,

он трактует того студента

как британской разведки агента!

Да, удару такому по праву

позавидовать может Бурса.

Учиняют над парнем расправу -

выгоняют с пятого курса.

Вот как кончилось это дело,

не словесною перебранкой...

Только чье же зарыто тело,
между Колпиным и Славянкой?

Кто погиб, как иные гибли,
той зимой, что поныне снится?
Значит, не был помехой Киплинг,
не страшны переводы Китса!

А доцент, не моргнувши оком,
в тылу оказался глубоким,
воевал на фронте бумажном,
референтом при ком-то важном.

Он теперь и с брюшком, и с весом,
редко ходит пешком – профессор.

Грозно смотрит с кафедры вниз он:

"Для чего этот стих написан?"

*Для того и поем и пишем,
Для того и живем, и дышим,
Чтоб звалась доблестью – доблесть,
Чтоб звалась подлостью – подлость!*

История – не архив, а навязанное нам наследство. Она не обязана готовить удобства отдельным поколениям. Светлое время нашей юности совпало с эпохой ненасытного террора. Среди друзей и знакомых не могу припомнить семьи, членов которой карательный аппарат не задел бы ссылкой, решеткой, лагерем или пулей. Так было внутри Родины, а за её пределами фашистская гангрена расплзлась по Европе. Гражданская война в Испании (1936-1939) стала предметом нашего страстного внимания. Республиканцам горячо сочувствовали, а филологов-романистов стали обучать испанскому языку. Среди них был и Фима, хотя в Испанию его не отправили.

Вместе с ним на вокзале провожал я будущих переводчиков, уезжавших (с вымышленными фамилиями) в Испанию. Всех не помню, помню только Давида Прицкера и Лёлю Кревера, которому я дал "амулет" – янтарный мундштук. Кажется, что прощаемся навсегда. Поезд ушел, и Фима сказал: "Трудно попасть под дождь и остаться сухим!".

Фиме исполнилось двадцать лет 26 февраля 1938 года. Катя в этот день первый раз была в его доме. Она стеснялась и

просила, чтобы я пришел вместе с ней. И еще она стеснялась своей бедной фланелевой кофточки; на лестнице, я снял из-под пиджака свой нарядный польский джемпер и дал ей. Юбиляра пришли поздравлять профессор Жирмунский с Ниной Сигал (они впервые появились вместе в чужом доме!). Но запомнил я этот вечер по другой причине. Возвращаясь в "наш" дом 73/75, Катя удивилась, что ночью в их комнате ярко горит свет. Увы, там шел обыск. Катиного отца, Федора Анатольевича Зворыкина, интеллигента, дворянина, приветливого человека, преподавателя английского языка, увезли... навсегда – расстреляли!

А в день первых выборов, 12 декабря 1937 г., Сталин демонстрировал, что страна одобряет его борьбу с "врагами народа" и что народ *добровольно и единодушно* избрал заранее назначенных депутатов Верховного Совета, призванных защищать интересы избирателей! Пишу не ради осуждения одурманенных людей (и я был среди них) – пишу, чтобы рассказать о Фиме. Он совершил смелый для своего времени поступок – написал депутату М.М.Литвинову и просил пересмотреть "дело" отца Кати. Не без иронии Фима рассказал мне, что ответ Литвинова (наркома иностранных дел) был "вполне дипломатичным" – мол, это "не по его ведомству".

В октябре 1938 г. жснху "врага народа", Ольгу Александровну, выслали в деревню Кировской области. Её старшая дочь Наташа (сестра Кати) вышла замуж за Мишу Кирпичникова. Она вспоминала: "И тут Миша – зять с семейным стажем три месяца – предложил, что он проводит Ольгу Александровну до места, и добавил: "Пока она не получит работы и не будет иметь крыши над головой, я не уеду!""

В 1940 году Фима и Катя поженились (я женился на Гете Волосовой в 1939 г.). Объявив о предстоящей женитьбе, студент Фима вызвал резкое недовольство родителей и ушел из дома. Первую ночь он провел у меня – спал на большом письменном столе. Сохранилась книга с дарственной надписью, в которой Фима напоминает, как я поил его утренним чаем в 2 часа дня (навсрно, всю ночь обсуждали ситуацию).

Приютила молодоженов Мадлен Геральдовна Меллуп; она с семьей имела в поселке Лисий Нос двухэтажный дом.

Словами не передать обаяние изящно-красивой и приветливой француженки. Мадлен Геральдовна говорила: "Все за столом, на столе цветочки – вот и праздник!". В январе 1941 г. она пригласила еще две пары молодоженов: Алёшу Дьяконова, с молодой женой, девочкой из нашей школы, Ниной Луговцовой и нас с Гетой. В гостеприимном доме и в обществе еще трех жизнерадостных красавиц – дочек Мадлен Геральдовны, мы вместе с Фимой и Катей радостно проводили последние "предвоенные" каникулы.

"Предвоенные" в кавычках. Война уже шла и за полтора года охватила значительную часть Европы. "Предвоенными" они были для жителей нашей страны до нападения на нее фашистской Германии 22 июня 1941 года.

А мы пели ура-патриотические песни и не сомневались в нашей быстрой победе. Ведь "Красная армия всех сильнее!..." и "Мы войны не хотим, но в бою победим, / Ведь к войне мы готовы не даром, / И на вражьей земле мы врага разгромим / Малой кровью, могучим ударом"; мы же *самые сильные!*

Да, 22 июня 1941 года очень, очень многие (и я в том числе) были уверены, что война быстро кончится нашей блестящей победой (14). Говоря о духе времени к началу войны, уместно привести строфу стихотворения "Интеллигенция тридцатых" Семена Ботвинника, поэта, знавшего войну и проникновенно откликавшегося на людские беды:

"Слепой исполненная верой
в кремлевский разум исполинский,
она хлебнула полной мерой
и на испанской, и на финской.
Ей эти песни вышли боком:
она под пули шла, под танки,
и на полях, забытых Богом,
еще лежат её останки..." [15]

Небольшое отступление. Фима еще в студенческие годы познакомился (во Дворце пионеров или в Кружке юных поэтов) с творчеством Ботвинника и рассказывал мне об одарен-

ном школьнике-поэте. Я попросил Семена Ботвинника припомнить то, что он считает уместным, о Ефиме Григорьевиче для этого очерка. Семен (мы давно зовем друг друга по имени) не без горечи поведал, что когда в 1974 г. Фиму исключали из Союза писателей, он, Ботвинник, возглавлял в Ленинграде секцию поэзии этого Союза. "Ты понимаешь, Леня, ведь я ничего не мог..." Конечно же, я понимал! Сеня добавил: "Фима – человек добрый, не был злопамятен и не таил неприязни. В 1999 году я получил от него два письма, которые пришло, и которыми ты можешь пользоваться по усмотрению". В письмах от 10 июля и 10 августа 1999 г. (незадолго до смерти) Фима очень высоко оценил новые произведения Ботвинника. Мнение опытного стиховеда Е.Г.Эткинда о поэзии Семена Ботвинника заслуживает огласки. Фима утверждал, что эти стихи "...не только поразительно умны, но еще редкостно (если не единственно!) современны. Я бы еще сказал, что современность (нет, не злободневность!) мужественна: ты говоришь сегодняшним людям то, что они заслуживают знать о себе и что обязаны заучить наизусть".

Вернусь к началу войны. Как известно, 22 июня немецкое наступление началось в 4 часа. Молотов объявил об этом по радио в 12 часов дня. Но многие, в том числе и мы с женой, узнали об этом раньше. Утром, часов в 10, прибежал мой друг Яша Шохор (жил этажом выше), сказал о войне и позвал к себе. По их радиоприемнику мы услышали обращение к россиянам из Германии (на хорошем русском языке). Диктор говорил: "вы же видели, как хорошо жил свободный финский крестьянин" и убеждал уничтожать жидов и комиссаров и содействовать немецкой армии. Больно было смотреть, как Берта Григорьевна – человек волевой и сдержанный – заламывая руки, молча ходила из угла в угол. Она как бы предчувствовала гибель мужа и обожаемого сына в первые месяцы войны.

Мои родители в это время были в Старой Руссе, где папа служил ленинградским представителем лесотехнической организации. Гета, ждавшая ребенка, оканчивала медицинский институт и получила назначение врачом в Старую Руссу. Я уже год был аспирантом-физиологом. Из-за прежнего туберкулеза признан был негодным к военной службе в мирное

время и условно годным – в военное. Но за день до начала войны, 21 июня, я получил повестку, приглашающую в Военкомат.

Днем 22 июня мы встретились с Алёшей Дьяконовым и с удивлением и осуждением наблюдали колоссальные очереди возле сберкасс (впрочем, вкладчики были правы, вскоре государство "заморозило" вклады). Вечером к нам с Гетой пришли Фима с Катей и Алёша Дьяконов с Ниной Луговцовой. Была бутылка крымского вина: водку до войны мы не пили. Помню, что я предложил тост за нашу молодость, которая сегодня кончилась! Выпускные экзамены в вузах были сокращены и скомканы. Через неделю я провожал Гету, ее младшего брата (хромого мальчика) и тещу в Старую Руссу.

Среди друзей я был первым мобилизованным и в первых числах июля должен был начать службу на Краснознаменном Балтийском флоте (КБФ). Перед этим я несколько раз встречался с Алёшей Дьяконовым. Уже упоминалась его радостная статья: "Я буду строить корабли", в которой Алёша писал: "Я купил книгу Шведе "Военные флоты", и... это моя настольная книга, с которой я никогда не расстанусь". Узнав, что я буду служить на флоте, Алёша вручил, подарил мне эту дорогую для него книгу. Еще Алёша рассказал, что сконструировал "выпрыгивающую" мину, радиус поражения которой увеличивался, и что его предложение на заводе приняли с энтузиазмом. Пишу об Алёше, потому что все еще не могу примириться с его бессмысленной гибелью. У него был абсолютный белый билет; зрение -8! Но зимой 1941 г. талантливого инженера, который был бы идеальным офицером на флоте, мобилизовали, и, рядовым, он погиб под Ленинградом.

Когда я в краснофлотской форме отправлялся через Ораниенбаум в Кронштадт, провожала меня Катя Зворыкина. Поцеловала и пропела известную песню, которую прежде я пропускал мимо ушей, а теперь "почувствовал": "Если смерти, то мгновенной, / Если раны – небольшой..."

О коллизиях моей начальной службы "врачом-краснофлотцем, исполняющем обязанности военфельдшера" на минном тральщике, рассказывать неуместно. Пишу о Фиме

и расскажу о неожиданном и косвенном соприкосновении с его мамой, Полиной Михайловной, в наименее трудную минуту моей военной службы. Войны без трудностей не бывает. Трудности превращения научного работника в краснофлотца перенес сравнительно легко. Перенес и 8-балльный шторм. Куда труднее были сюрпризы провала нашей обороны и безостановочного наступления фашистской армии. Пулеметный обстрел с самолета на бреющем полете нашего тральщика или бомбардировка звеном самолетов (потом собирали глушеную рыбу) вызывали минутное напряжение. Страх не пропорционален опасности. Но когда я услышал о Старо-Русском наступлении немецкой армии и понял, что узнать о судьбе жены и родителей не могу, вот тогда-то меня и охватило отчаяние. Именно в эти дни неожиданно мне помогла фимина мама, Полина Михайловна. Среди "политпросветимущества" был патефон и набор пластинок, а на одной из них оказались романсы в исполнении Полины Михайловны! Вдруг, в чужой и непривычной обстановке, меня коснулся знакомый и близкий, почти родной голос (Полина Михайловна иногда приветливо называла меня своим "четвертым сыном"). Произошло чудо, и жить стало легче.

Моя семья выбралась из кошмара осажденного города чуть ли не последним эшелоном, и на открытой платформе несколько дней добиралась до Ленинграда. Старо-Русская эпопея убедила, что из Ленинграда надо уезжать. Но Гета ждала ребенка, и моя мама разумно решила выбрать благоприятный климат для внука или внучки. Поэтому взяли билеты (с колоссальным трудом) в Кисловодск. Но медленно двигавшийся и менявший направление поезд привез их в Ташкент, где жену назначили врачом в город Маргилан Ферганской области. Там 7 ноября Гета благополучно родила дочку, Галю.

Но ведь очерк о Фиме, а я отвлекся.

Фима из-за близорукости не был мобилизован. После университета он получил назначение в Вятку (Киров), откуда его вместе с Катей перевели в Яранск. По инициативе Давида Прицкера и Игоря Дьяконова, служивших военными переводчиками при разведотделе штаба Карельского фронта, Фиму

через некие инстанции вызвали в их подразделение. Это описал Игорь Дьяконов. Вскоре после вызова "...к нам в комнату ввалился очень странный человек. Эткинд был в черном собачьем полушубке, ... и из каждого кармана торчало по бутылке водки. Дело в том, что благодаря яранскому водочному заводу Фиме водка была легко доступна... Даже имея мобилизационное предписание, попасть в поезд было почти невозможно, и вот он передвигался, рассовывая кому надо ... бутылки. Я сказал, что нужно немедленно доложить... Фима... пошел к начальнику, протянул огромную лапищу: "Здравствуйте! Я Эткинд". Начальник "... не стал требовать уставного приветствия. "А, очень хорошо! – сказал он. – Вы умеете писать стихи? " – "Умею". – "Сейчас у нас 16 часов, к 19 нам нужна поэма о том, как себя чувствует немец перед Рождеством". Фима вернулся ошарашенный, но готовый к свершению подвига... и с молниеносной скоростью начал писать... поэму.

Michel der Gefrcite
Stehet vor dem Stab
Seine linke Seite
Fror ihm ganzlich ab..."

(Ефрейтор Михель стоит перед штабом, его левый бок совершенно отнялся от мороза...). К семи часам поэма была готова..."

Вскоре к Фиме приехала Катя. Она работала медсестрой в госпитале и жила в каком-то общежитии. Во время войны переписка с Фимой была редкой. Писем не осталось. Но сохранилась истертая по краям фотография, которую летом 1943 г. я получил в Кронштадте и много лет носил в бумажнике. На скамейке возле деревянной избы сидят три офицера, а рядом с ними – между Фимой и Игорем Дьяконовым – улыбающаяся Катя. На обратной стороне рукой Фимы надпись: "Самому дорогому, самому лучшему другу. Июль 1943 г. (Снято в конце апреля)".

В 1944 году Фиму перевели с Карельского фронта в армию, наступающую в Венгрии, а затем в Австрии. А Катя осталась в Карелии.

Читаю теплые и откровенные письма Кати, адресованные моей жене в Узбекистан: "Фима... уехал довольно прочно,

а я за ним ехать не могу – некуда и не для чего. ...Не знаю, во что выльется дальнейшая жизнь, но то, что есть сегодня, нечто очень мутное и трудное. И трудное только в одном смысле – в духовном. Живу в общежитии и считаю это за ежедневную пытку. Ни с одной из 8 девиц, с которыми живу, не имею ничего общего, и иметь не хочу. Ты же знаешь мой отвратительно нетерпимый характер. Раз увидев, что человек в чем-нибудь принципиальном – скот, я уже больше на этого человека смотреть не могу. А мои девочки преимущественно феноменально примитивны. Это одно. Одиночество мое тем полнее, что я беспрепятственно на людях".

Игорь Дьяконов вспоминает, что получил открытку от Фимы: "Этот человек всегда был полон неожиданностей. На этот раз он сообщал мне, что надумал вступить в партию. Я написал, ... что не следует вступать в такой брак, который нельзя расторгнуть. Он послушался, ... был... благодарен и впоследствии смеялся над своим... порывом". Понятно, что позже такой порыв казался ненужным, но во время войны он был уместен и оправдан. Мы же защищали свою Родину и из всех сил стремились быть активными. Не скрою, что и я бы вступил в партию. Но была помеха. Надо было получить рекомендацию у политработников, которым я бы дать рекомендацию не мог.

После моего перевода в кадры, присвоения офицерского звания и ряда перемещений, я стал адъютантом Военно-морской медицинской Академии, и в октябре 1944 года оказался в Ленинграде. Здесь я радостно встретил Катю и Наташу Зворыкиных. Катя писала в Узбекистан Гете: "Лёничке я была рада как родному брату. Больше я была бы рада только тебе из друзей". Встретил и нашего общего школьного товарища, скульптора Мишу Габс: на фронте он был ранен в правую руку, но научился работать (лепить) левой рукой.

Дружба наших семей в послевоенные годы продолжалась. И в радостные, и в трудные дни мы были рядом. В 1946 у нас появилась вторая дочка, Лена, а у Эткиндов – первая, Маша. Потом наши дочки стали подругами, одно время учи-

лись в одном классе, а сейчас – обе уже бабушки и, хотя живут в разных странах, поддерживают прежние теплые отношения.

Сталинские идеологические ураганы заделали и Фиму, и меня. В годы "борьбы с космополитизмом" Фиму отстранили от преподавания и уволили из института. Никогда еще я не видел его таким обескураженным. Вечером под морозящим дождем мы долго бродили вдоль Фонтанки и, стараясь ободрить друга, я толковал, что он как переводчик никогда, мол, не останется без работы. В 1950 г. Фима уехал в Тулу.

Помню, как после лысенковской сессии ВАСХНИЛ, уничтожившей в 1948 г. генетику и извратившей биологию, я услышал от Фимы пророческое слово: "Биологию разгромили, теперь, наверное, будут громить медицину". Я наивно удивился: "Медицину? А как же лечить больных?" Фима: "Всё очень просто! Найдут именитую личность, которую будут бить".

Разгром медицины произошел летом 1950 г. на кошунственно именуемой "Павловской" сессии двух академий [16]. "Битым" оказался не только выдающийся ученый, академик Леон Абгарович Орбели – пострадали и научная медицина, и врачебная практика. Медицинские учреждения обязаны были реагировать (т.е. восхвалять!) позорную "Сессию" в форме "свободных дискуссий". Восторгаться было нечем, и я не жалею, что принял участие в дискуссии, хотя в итоге был "списан" из ВММА и в 1951 г. отправлен в Таллин начальником токсикологической лаборатории КБФ.

Фима вернулся в Ленинград, если не ошибаюсь, году в 1953. Летом 1954 или 55 г. они с Катей навестили нас в Таллине. Настроение было хорошее: Сталина схоронили, по словам Фимы – мастера иносказаний: "Балабос [17] сыграл в ящик". "Врачи-убийцы" оказались не убийцами. При новых вождах жилось спокойнее. Одобряя перемены, Фима сказал: "Мне надоели *гении!*" Кстати, один терапевт сказал мне, что в следующий год после смерти Сталина частота инфарктов у офицеров флота резко снизилась. Начиналась "оттепель".

Летом 1956 г. я получил военную пенсию, демобилизовался и вернулся в Ленинград. Эпопея прописки (21 визит в милицию) и поисков жилья требует отдельной повести. В мо-

ем паспорте были записаны жена и три дочери; для прописки нужно было иметь "излишков" жилплощади то ли 45, то ли 60 квадратных метров.

Прописаться формально удалось в большой квартире приятелей, а жилье мне нашел Фима в их коммунальной квартире. Комнатку сдала мне пожилая женщина, обитавшая обычно у сестры. Так три года я жил рядом с Эткиндами и еще с шестью разнохарактерными семьями, а у одной из них было 100 попугаев. Утром попугаи дружно верещали, а Фима комментировал: "Как в Верховном Совете".

Фима, Катя и две дочери жили в комнате (40 кв. м), разделенной на 2,5 части: прихожую, столовую, отделенную занавеской от детской, и кабинет Фимы, похожий на большой книжный шкаф, внутри которого помещался диван, стул и письменный стол. Кстати, стол содержался в идеальном порядке (для меня никогда не достижимом). Работал Фима напряженно. Катя шутила, что между супом и вторым Фима успевает перевести еще одно стихотворение.

Эткиндов постоянно навещали друзья и коллеги. Здесь я познакомился с Ильей Серманом и Руфью Зерновой. Очень часто в доме бывали Наташа Долинина и переводчица Мери Беккер. Благодаря Фиме я подружился с замечательным человеком Фридой Вигдоровой.

Благодаря инициативе Фимы и при активном участии Миши Кирпичникова в поселке Ушково (55 км от Ленинграда) было выстроено два домика. Через несколько лет Дьяконовы купили вблизи дачу. В 1962 и 1963 году мы с мамой и Гетой тоже снимали дом в Ушково. В выходные дни дружно собирались у Эткиндов-Кирпичниковых за общим столом, а иногда вместе встречали Новый год. Традиционный тост Фимы "А теперь по земельному вопросу" – пояснялся им: "Чтобы Софья Васильевна ушла в землю" (кто такая Софья Васильевна, все понимали). Летом Фима знакомил детей с античной мифологией. Он говорил: "Хочу, чтобы мои дети были образованными. Это значит, что, читая Пушкина, они будут все понимать". Помню, как пронизировал он по поводу начала книги "Сказание о титанах" Я.Голосовкера, изданной Детгизом: «Когда Гея-Земля и Уран-Небо познали друг друга, Гея

родила...» И предпочитал рассказывать сам. Старшие до сих пор вспоминают поставленный в Ушково спектакль по пьесе Ростана "Белый ужин" (в нем играли Маша и Катя Эткинды, Ксюша Кирпичникова, Лена Саламон и Митя Дьяконов).

Надо сказать, что репутация у Фимы была пестрой. Помимо друзей и поклонников были люди, недолголюбивающие его. Порядочный человек, молодой ученый, ни разу не встречавшийся с Фимой, сказал мне: "Как же вы можете с ним дружить. Ведь он стукач!"

Между тем Фима много раз совершал смелые и бескорыстные гражданские действия. Известно, что он защищал Иосифа Бродского, ошельмованного и осужденного как "тунеядца", а Фиму потом клеймили в Союзе писателей за это. По возвращении Бродского из ссылки, Фима на организованном им устном альманахе "Впервые на русском языке" дал молодому поэту трибуну, который, если не ошибаюсь, впервые выступил перед широкой аудиторией и в переполненном зале Союза писателей читал свои блестящие переводы.

Однажды у Фимы я встретился с Бродским (мы звали его тогда Осей). Фима наполнил рюмки коньяком: "Выпьем за то, чтобы Родина ценила свои таланты!" Я, как бы в утешение, рассказал о "спасителе матерей", докторе Земмельвейсе, нашедшем способ предупреждать смертельную "родильную горячку", и о его трагической судьбе. И тут Ося произнес: "*Это условие игры!*" Неустроенный, непризнанный молодой поэт понимал и принимал условие творчества – терпеть удары современников.

Последний раз я встретился с Бродским тоже у Фимы. В солнечный день мы с женой навестили Эткиндов в Ушково. На светлой веранде Катя угощала нас клубникой со сливками. Вдруг пришел Ося Бродский – приехал прощаться. Через несколько дней был предписан отъезд – его заставили покинуть родину, выбрасывали в неизвестность. Ощущение *последней* встречи с талантом, над которым совершают насилие... Невольно возникали мысли о судьбах русских поэтов.

Ося, одолевая горькую усмешку, выдавил: "Мне кажется, что в аэропорту *они*, – тут Ося, как бы дружески, похлопал

себя по плечу, – они мне скажут: "мы пошутили!" Фима хотел всех нас сфотографировать. Я не мог, в глазах щипало...

Хорошо помню, как Фима помогал Александру Исаевичу Солженицыну. Помню, потому что был слегка к этому причастен. По просьбе Кати, послал нужную ему для "Ракового корпуса" справку, подтверждающую, что существует диагноз "Cancer cordis" (рак сердца); калужские медики утверждали, что такого не бывает. Александр Исаевич в письме поблагодарил, а позже попросил меня, как онколога, прочесть машинопись "Ракового корпуса". В доме Эткиндов я встретился с А.И.Солженицыным, которому требовались медицинские советы, а в 1967 г. привел его для консультации в ленинградский Институт онкологии, где я работал. Консультировал А.И.Солженицына директор института, профессор А.И.Раков, которого я уговорил помочь выдающемуся человеку. Детали общения с Солженицыным и этого эпизода, приведшего к увольнению меня с работы (за "нежелательные знакомства") требуют отдельного очерка. Скажу лишь, что меня уволили в 1971 г. за 10 дней до защиты докторской диссертации. Фима приехал на мою защиту в Москву.

Во время травли А.И.Солженицына тот поручил Фиме надежно спрятать часть рукописи "Архипелага ГУЛАГ". Фима попросил меня помочь ему. Выбирали место, куда удобно было закопать "клад". Чтобы предохранить бумагу от влаги, я достал парафин и большую пластиковую "простыню". В нее завернули рукопись, швы залили парафином, упаковку поместили в оцинкованное ведро, каковое и закопали.

Другой гражданский поступок Фимы – его яркая самиздатская статья "Человеческая комедия. Александр Галич". Исключенный из Союза писателей (1970) и из Союза кинематографистов (1972), Галич ответил Ефиму Григорьевичу: "Мне как "сюжету" – не очень вроде бы ловко высказывать мнение о Вашей прекрасной работе... Многие, и не раз, задавали... вопрос: "...Что для меня сделать?". Вы мне этого вопроса не задавали. Вы мне просто помогли, очень помогли, и сделали для меня именно то, что мне было нужнее всего. Я от всего сердца обнимаю Вас и еще раз благодарю. Ваш А.Г. Апрель 1973" [18].

Кто ныне знает, что в 1956 году, когда роман "Не хлебом единым" подвергся поношению, Фима написал в защиту В.Д.Дудинцева письмо министру культуры Фурцевой. Я был свидетелем, как Фиме позвонили из Обкома, и бездушный голос объявил, что письмо, мол, прочли, но "не сочли..."

Делились мы с Фимой и научными соображениями. Когда я Фиме сказал о возможности физиологического анализа эмоционального воздействия художественного текста, Фима поддержал меня, связал с филологами, а затем ссылаясь (как и Игорь Дьяконов) на эти работы [19].

За несколько дней до отъезда во Францию, когда и визы, и билеты были готовы, произошла трагедия – внезапно скончался брат Фимы, Саня Эткинд. Я, работавший уже в Москве, приехал на похороны. Больно было смотреть на Полину Михайловну, теряющую сразу двух сыновей. Выезд пришлось отложить.

Перед самым отъездом за границу Фима и Катя посетили Москву. Они позвонили мне от Чуковских, и морозящей ночью на Ленинградском вокзале мы расставались, как мне казалось, навсегда (с Катей действительно – навсегда!). В тамбуре отходящего поезда, еще раз обняв меня, Фима неожиданно сказал: "Через два года я буду здесь! Вот увидишь!"

Хотя и не через два года, но он все же вернулся...

Во время его приездов в Россию в девяностые годы мы изредка виделись. Фима мобилен, то он во Франции, то в Швейцарии, то в Германии, а порой в Америке или в России. И в тоже время много пишет и издает: за три года четыре книги [20]. И вдруг – его не стало... Отрезан еще один кусок моей жизни...

Но голос близкого друга продолжает звучать для меня в его исследованиях и переводах.

И перед памятью его склоняю голову.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Сейчас понимаю, что визит к Эткиндам "организовала" по телефону наша мама, не имевшая возможности из-за

наводнения вернуться домой; папа, осужденный по фиктивному обвинению, отбывал наказание в "Крестах". Кратко о моих родителях. В 1915 г. перед занятием германской армией Варшавы они переехали в Петербург. Было у них 15 рублей и дюжина лайковых перчаток, которые мама (она с 12 лет работала модисткой, но кончила реальную школу) продала в магазин. Папа, человек талантливый и энергичный, в 1916-17 гг. создал собственную строительную контору, выполнявшую крупные подряды. После революции он по государственному заказу осуществил работы по восстановлению железных дорог, капитальному ремонту академических театров в Петрограде. В 1923 г. были объявлены торги на подряд ремонта шести океанских пароходов. Условия конторы Салимона оказались самыми выгодными и оттеснили Балтийский завод и другие государственные предприятия. Кто-то, встретив папу, сказал, чтобы он срочно отказался от подряда. Папа этого не сделал, и частного предпринимателя, конкурирующего с государственными заводами, обвинили в даче взятки. Нашли «улику» – в пиджаке счет из ресторана (жизнерадостный, общительный и гостеприимный, папа и до революции, и в годы НЭПа бывал в ресторанах). И приговорили гражданина Салимона С.М. к расстрелу, *без права апелляции*. Благодаря маминым хлопотам (через П.Г.Смидовича и Калинина) расстрел заменили 10 годами «строгой изоляции». Чудо смягчения приговора возникло не потому, что Калинин мог помнить папу, с которым встречался, оформляя государственные заказы, а потому, что добрые люди помогли маме добиться приема у Смидовича. В «Крестах» папа сидел около 5 лет.

2. Из них не менее 12 лиц упомянуто в советских энциклопедиях.

3. Квартира принадлежала отцу Ольги Александровны – Александру Петровичу Матвесву – управлявшему делами графа П.П.Шереметьева.

4. В предисловии к неопубликованным биографическим запискам выдающегося ботаника (см.: Ботанич. журн. Т.78, 1993. N7. Российск. еврейск. энциклопедия. М.1995, т.2) и безупречного человека, Моисея Элиевича (Миши) Кирпичникова (1913-1995), Игорь Михайлович Дьяконов писал: "Прожив более восьмидесяти лет, я могу сказать, что в жизни моей

не знал более умного, более доброжелательного и более мужественного человека, чем Миша Кирпичников. Уже смертельно больной ... он принимал нас с женой, сидя, как всегда, прямо, за обеденным столом, и вел такую же, как всегда, простую, интересную и живую беседу". Готов подписаться под этими словами и могу добавить, что к светлым и чистым людям относится и его жена, Наташа Зворыкина.

5. См.: Е.Эткинд. Поэзия и перевод. М.1963.

6 Натан Исаакович Шохор (1887 – 1941), автор трижды переизданного учебника "Патологическая физиология", убит осколком на улице при обстреле Ленинграда; Берта Григорьевна (1892-1980) – зубной врач; Яша (1918-1941) – мой школьный товарищ, блестящий молодой архитектор, сталинский стипендиат Академии художеств им.Репина, призванный в истребительный отряд Народного ополчения, погиб в начале войны.

7. В одном из журнальных очерков, ошибочно сказано, что отец Ефима Григорьевича был расстрелян.

8. В 1948 г. Полина Михайловна добилаь личного приема у Ворошилова и умолила маршала демобилизовать двух её сыновей – младших братьев Фимы.

9. Марк Григорьевич Эткинд – искусствовед, автор монографий о С.Юдовине, Н.Акимове, А.Бенуа, Н.Альтмане, Н.Чюрленисе, Б.Кустодиеве (см.: Российск. еврейск. энциклопедия. М.1997, т.3).

10. Лёня Большаков – сосед и друг, разносторонне одаренный человек (1916-17 – 1940-1941). Отец, Антон Михайлович Большаков, расстрелян в 1935 – 1937 (?) г.

11 П.Л.Капица. Письма о науке (1930-1980). М. 1989,

12. И.М.Дьяконов. Книга воспоминаний. СПб. 1995.

13. Там же.

14. "Я не знаю, как чувствовали себя те, кто раньше уже видел настоящую войну... Я и мои сверстники испытали скорее подъем: наконец происходило то, чего мы ждали и не боялись. Мы не сомневались в быстрой победе" (И.Дьяконов). Писатель В.Д.Дудинцев. призванный в армию в июне 1941 г., двигался со своим полком на Запад для войсковых учений. 22 июня на некоей станции они услышали о нападении фашистской Германии на Советский Союз: "Хорошо помню, мы все

даже обрадовались. Нападения фашистов давно ждали и были уверены, как сказал Молотов, – "победа будет за нами"... Высыпав... на платформу, мы кричали "Ура!"... А на другой день под Псковом эшелон попал под бомбежку". Журналист, М. Шкверин, добавляет: "...вероятно, никто из молодых не поверит, что мы... могли радоваться началу войны. Но это было... Мы были абсолютно уверены, что... войну закончим блистательной победой через две-три недели..." (Лит. газета. 30 марта 1988).

15. Семен Ботвинник. Книгу храни и свечу. СПб. 2000.

16. Сессия приняла обращение: "Товарищу И.В.Сталину", где имя И.П.Павлова упомянуто 4 раза, Ленина 2 раза, а Сталина 10 раз. Во вступительном слове маститый ученый, Президент АН СССР, С.И.Вавилов взывал к Сталину 8 раз. См.: Научн. сессия, посвящ. пробл. физиологич. учения И.П.Павлова. М.-Л., 1950.

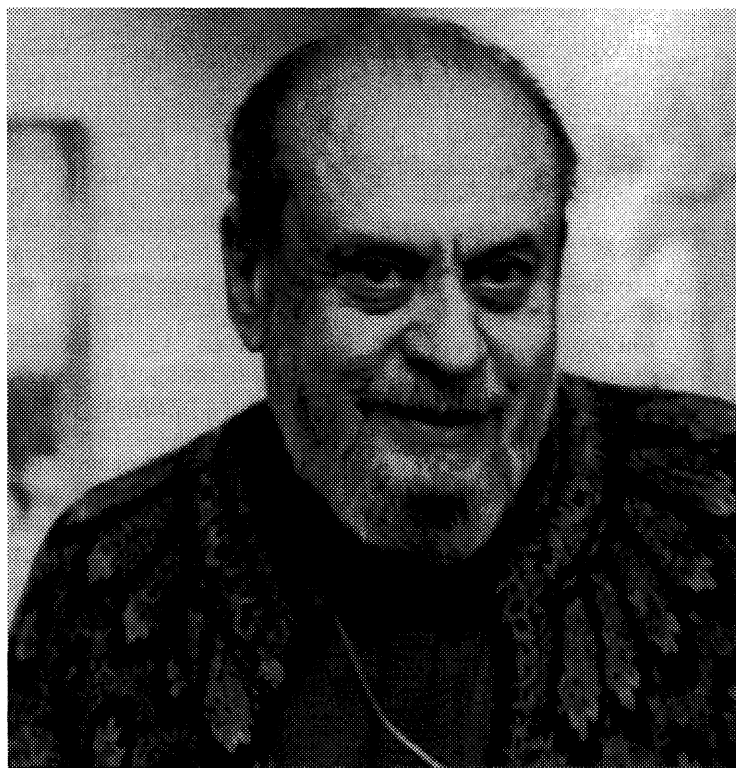
17. "Балабос" – хозяин (идиш).

18. Заклинание добра и зла. М. 1992, сс.71-90.

19. Ефим Эткинд. Материя стиха. 2-е изд. Париж. 1985, И.М.Дьяконов. Архаические мифы Востока и Запада. М.1990.

20. Е.Эткинд. Там внутри. О русской поэзии XX века. Очерки. СПб.1997; Е.Г.Эткинд. "Внутренний человек и внешняя речь". Очерки психопозтики русской литературы XVIII-XIX вв. М. 1998; Маленькая свобода. 25 немецких поэтов за пять веков. В переводах Ефима Эткинда. СПб. 1998; Е.Г.Эткинд. Божественный глагол. Пушкин, прочитанный в России и во Франции. М. 1999.

Евгений Розенблум умел делать все: проектировал дома и вещи, оформлял интерьеры, выступал на редколлегиях, возглавлял художественный советы. Атмосфера страшной влияния исходила от него, безо всяких к тому официальных оснований, и в этом тоже был его дар. Он умел обходиться с людьми и умел в них разглядеть качества, полезные ему, а потом полезные всем. Подающие надежды мальчики и девочки становились дядями и тетями, прекращали подавать

надежды и занимали редакции, правления, студии. Освободились от его опеки, начинали с ним спорить и соревноваться, но это тоже было частью его работы и его публичного образа «учителя».

В 1960-х он одним из первых обратил внимание на новую область художественного творчества. Тогда Косыгин вводил в обращение дизайн под именем «художественного конструирования» и под крылом Комитета по науке и технике. Розенблюм вместе с философом Карлом Кантором тут же предложили другую концепцию – «художественного проектирования», место которому, соответственно, полагалось в Союзе художников. По тем строгим временам это была нешуточная победа художественной вольности над бюрократическим народным хозяйством.

Он преподавал в Строгановке, а в 1964 году по его инициативе была создана Центральная учебно-экспериментальная студия художественного проектирования, получившая известность как Сенежская студия – по названию дома творчества художников «Сенеж», где на неделю, две, месяц запирались его ученики, приезжавшие отовсюду. Это неформальное учебное заведение долгие годы оставалось едва ли не единственным в СССР местом, где профессионально занимались проблемами дизайна – от промышленных и общественных интерьеров до комплексных проектов оформления городской среды. К реальности это не имело особого отношения, у проектов не было шансов на реализацию, но родившийся в студии парадоксальный термин «станковое проектирование» неплохо определял сущность происходящего. Все кончалось большой выставкой. Студийцы Розенблюма предлагали идею, причем делали это настолько артистично, что строгие председатели горисполкомов подпадали под ее влияние. Затем слайды и письменные материалы оседали в папках его кабинета на Большой Молчановке, чтобы стать примерами для очередной статьи или для изданной им в 1974 книги «Художник в дизайне».

Специальностью самого Розенблюма стала разработка новых моделей музейных и выставочных экспозиций. Он долго защищал саму идею экспозиции как произведения искусства и попытался выразить ее и в московском музее Пушкина и

в «Квартире Пушкина на Арбате». В последние годы от чувствовал себя все хуже, ходил с палочкой, но все так же был готов завоевать любого рассказом о самой новой работе. Он ревниво охранял свой образ художника и всегда носил куртку, украшенную орденскими планками военных наград. Студентом Архитектурного института он ушел на фронт. Военных воспоминаний не любил и только однажды, внимая хронике, описывающей неимоверный технический прогресс в военной экипировке, сказал: «Все это чушь. Поднять солдата в атаку может только одно – если в окопе ему еще хуже, чем под пулеметами».

Милена Орлова, Алексей Тарханов

Наталья Рубинштейн

ПОРТРЕТ В ПРОФИЛЬ

– Моя последняя работа – это проект реконструкции со строительством нового высотного здания Гнесинского училища, целой высотной башни...

– Так сказал мне Евгений Абрамович Розенблюм, прославленный архитектор интерьера, мастер музейной экспозиции, художник с неистощимой выдумкой и фантазией. Мы разговаривали с ним в Москве 13 октября 2000 года и собирались продолжить беседу в следующий мой приезд в Москву, но через три недели, 9 ноября, его не стало, и разговор наш навсегда остался неоконченным, как и проект высотной башни для Гнесинского училища в Москве. Евгений Абрамович отпраздновал свое восьмидесятилетие в 1999 году, и в том же году осенью Ассоциация творческих союзов вручила ему, автору двух осуществленных с разницей в три десятилетия проектов Музея Пушкина в Москве, Пушкинскую медаль. А в марте двухтысячного года, он был награжден за заслуги Госу-

дарственной премией Российской Федерации. Надо сказать, что и в прежние советские времена его профессиональная репутация стояла очень высоко, хотя ни наград, ни официальных почестей не приносила. Впрочем, ему, всю войну проводшему в саперных войсках и инженерной разведке, хватало наград, полученных за войну.

Я веду на Русской службе Бибиси еженедельную передачу «Портреты в профиль» Четыре последних выпуска 2000 года составились из записей моих разговоров с Розенбломом и разговоров о нем с его близкими друзьями. И начались наши беседы с его рассказа о себе, о родителях, о начале жизни, о первом скандале в школе. И было заметно, что рассказ доставляет ему удовольствие, потому что и в этом раннем наброске характера Розенблом уже виден весь, целиком.

Е.Розенблом: Родился я в Ростове, где и прожил меньше месяца, в девятнадцатом году. Ростов переходил в это время из рук в руки, то Деникин, то Буденный, то еще кто-то, и вот во время очередной перестрелки в люльку, где я лежал в возрасте двух недель, попала пуля. Не задела ребенка, но люльку разбила. Люлька эта долго жила в нашем семействе. Очень была красивая люлька – деревянная, гнутая, с поломом...

Я был единственным ребенком у очень интересной мамы. Во-первых, моя мама была очень красивая. Во-вторых, портрет моей мамы был в двадцать восьмом году в книге, которая одновременно была издана в Германии и в Америке, и называлась «Знаменитые женщины мира». Там было одиннадцать женщин. А моя мама была адвокатом, выступавшим в то время во всех политических процессах.

НР: Но власть-то была уже советская? Значит, она выступала в политических процессах адвокатом тех людей, которых обвиняла советская власть? Кого же она защищала?

ЕР: Я помню два процесса: Промпартии и Шахтинский. Маму – красивую женщину, великолепного оратора, спортсменку и вообще все что угодно – любили все прокуроры кроме Вышинского, он ее ненавидел, а вот Крыленко к ней относился очень нежно. Во-вторых, главные обвиняемые доставались более известным адвокатам, которые в принципе ничего не говорили кроме как просили снисхождения. А ей доставав-

лись второзначные обвиняемые, и она даже добивалась их оправдания или очень небольшого наказания.

Потом она была арестована, но это уже после войны. Причем, когда ее арестовали, она тоже ухитрилась разбить все обвинение, но следствие длилось два с половиной года. Два с половиной года она сидела в следственном изоляторе. Следствие вел Шейнин, который был ее ближайшим другом. Когда он ее допрашивал, он к ней обращался так: Лидочка, ну ты же понимаешь, я хочу тебе только добра, признайся, и ты получишь ничтожный срок, но я не могу сделать ничего другого.

Она просидела время следствия, потом, в приговоре, ей зачли срок, который она уже просидела. И она вышла на свободу, абсолютно подорвав свои силы в этой борьбе.

Мама – замечательная дама: когда ей было примерно восемьдесят лет, может быть, даже чуть больше, она получила посвященную ей книгу стихов от Рюрика Ивнева, который был ее вечный кавалер. И его последняя книга посвящена моей маме.

НР: Рюрик Ивнев был поэт-символист, скромного масштаба, сам, между прочим, много сидевший. Я однажды разговаривала с ним в Коктебеле в конце 60-х годов.

ЕР: Рюрик Ивнев был близкий друг моего отчима и всю последующую жизнь верный поклонник моей мамы.

Итак, мама переехала в Москву, но не из-за той пули, а потому, что ей предложили в Москве интересную работу, вот она развелась с моим папой и переехала в Москву, когда мне было две-три недели, и стала секретарем редакции какого-то правового журнала.

НР: А где вы учились?

ЕР: В одной из лучших московских школ, в которой учились всякие Синявские... Это была так называемая десятая школа (потом она называлась сто десятой) – одна из самых привилегированных московских школ. Она была в таком интеллигентском районе, и директор школы, с которым мы друг друга терпеть не могли, все-таки обладал одним положительным качеством: у меня в классе, например, у многих детей были арестованы родители, он ни одного ученика не только не отчислил, как зачастую делали в других школах, но он добился, чтоб многим детям оставили жилплощадь, то есть он вел в

чем-то себя очень хорошо, хотя со мной-то у него все время были конфликты. Он меня ненавидел.

НР: За что?

ЕР: А я был, вообще, сомнительной фигурой. Первый скандал в моей жизни произошел так. Я сижу на уроке математики. А мой товарищ, такой Кнабе, теперь очень крупный ученый, специалист по античности – и вот этот Кнабе посылает мне записку: «Женя, следующий урок – литература, давай затеем дискуссию, чтоб никого не сумели спросить, ведь это наш долг перед товарищами». И записку положили ко мне на парту. А я был увлечен решением математической задачи и не обратил внимания. А классный руководитель прошла мимо, схватила записку и: «после уроков – на собрание». На классном собрании она говорит и про безобразие, и про неправильное понимание слова «товарищество», и что такое долг перед товарищами, и т.д. и т.д. и предлагает классу вынести этому мальчишке общественное порицание. Я поднимаю руку и говорю: «Вера Акимовна, вот вы говорите, что эта записка была адресована кому-то из учеников, а как она попала в ваши руки? Более того, дорогая Вера Акимовна, почему вы прочли чужое письмо? Я предлагаю вынести общественное порицание классному руководителю. И вообще, Вера Акимовна, вы ничего не понимаете в товариществе. Сегодня в «Правде» был фельетон на тему о товариществе. Его написал Кольцов. И вот там товарищество понято как я говорю, а не как вы говорите». Классу это понравилось безумно! Еще бы: вынести общественное порицание классному руководителю – с удовольствием! Вынесли. Директор школы, бешеный, созывает общешкольную линейку и говорит: «Первый раз в жизни я внутришкольные дела решаю не сам, я был в районо. И я исключая Розенблюма из школы не своим решением, а решением районо». Ну, исключили меня из школы, дальше решили исключать из пионеров. А из пионеров ребята меня не исключили. Ну и началось: я прихожу в школу, меня не пускают, нянечки бегут докладывать, что я пришел во двор... И вообще, творилось что-то несусветное. А надо вам сказать, что моя мама была зав. правовым отделом и ученым секретарем Журнально-газетного объединения. Жургаз это называлось. А председателем этого объединения был Михаил Кольцов. Так что не чу-

жой человек мне был Кольцов. Вот я и пошел, когда меня выгнали из школы, к Кольцову. Говорю:

– Я процитировал Вашу статью – а меня из школы выгнали.

– Ну ладно, сейчас сообразим, – берет вертушку, набирает номер и говорит:

– Бухарчик, это ты?

– Да. (А звонит он редактору «Известий» Бухарину)

– Вот молодые товарищи из-за меня пострадали, надо им помочь.

Появляется большущий подвал в «Известиях» о том, как меня исключили из школы. А когда появилась вторая статья, районо завопило на нашего директора, как он их подвел, и прочее, и прочее. Меня вызывает директор и говорит:

– Ну, ты осознал, что ты себя безобразно вел?

А я говорю:

– Ничего не осознал.

Он говорит:

– Ну, подрастешь – осознаешь. В какой ты класс хочешь идти? В свой старый?

Я говорю:

– Нет, не пойду больше к Всре Акимовне.

Ну, и перевели меня в другой класс, где был словесником знаменитый Иван Иванович Зеленцов.

НР: А впоследствии, когда был процесс и над Бухаринным, и над Кольцовым, вам не поминали всех этих вещей?

ЕР: Ну а я тут что? Простите, я все-таки мальчишкой был... Это могли поминать маме, но и то не поминали...

***

– А дальше разговор с Розенблюмом пошел о последнем из осуществленных им художественных проектов – о музее города Егорьевска, который мы осматривали вместе с ним год назад.

ЕР: Это был типичный городок периода расцвета русской промышленности, русской торговли, русской культуры, и строили этот городок крупнейшие архитекторы Москвы. Когда я делал там музей, то нашел проект музея, который сделал задолго до меня Алексей Николаевич Щусев. А Щусев – это

самая интересная фигура в русской архитектуре. Это единственный архитектор в истории архитектуры всех времен и народов, который был действительным членом Академии наук, не Академии архитектуры, а *Академии наук*. Щусев построил все интереснейшие постройки Москвы времен, так сказать, раннего модерна и потом до конца. Если говорить о работах Щусева, которые знает весь мир, то это – мавзолей Ленина. И он всегда говорил нам, студентам: архитектор должен уметь сделать проект в одну ночь, как я – мавзолей Ленина, или работать над проектом всю жизнь, как я работаю над Казанским вокзалом.

НР: Было поздно, он поправлялся после тяжелого гриппа, кашлял, уставал, задыхался, беседа наша с ним затягивалась. И мы прервали ее, чтобы продолжить потом... Никогда ничего нельзя откладывать на потом: бывает, что потом не наступает. Евгений Абрамович охотно говорил о своих предшественниках. А как говорят о нем самом те, что считают его своим предшественником? Я позвонила в Москву Вячеславу Леонидовичу Глазычеву, архитектору, теоретику архитектуры и художественному критику.

В. Глазычев: Евгений Абрамович Розенблюм, хотя и вышел из московского архитектурного института, обладал удивительной свободой чисто художественного самовыражения, которую ухитрился продлить, продолжить и встроить, что казалось совершенно невозможным, в систему едва-едва складывавшегося в России дизайна. Надо учесть, что шестидесятые годы, когда это происходило, отмечены, с одной стороны, увлеченностью ранним советским авангардом, ну, понятно, после сталинского ампира всем это очень нравилось, поэтому расцветала совершенно фантастическая углубленность в жесточайший технический функционализм. Искусство изгонялось всеми и мыслимыми, и немыслимыми способами. А с другой стороны, это было время безумного, поначалу хрущевского, индустриального оптимизма, поэтому опять-таки в чести была позиция инженера, расчета, идея экономичности советского образа жизни, когда рассчитывались ящики в стенном шкафу исходя из того, сколько бюстгальтеров нужно советской женщине, – оказывалось, трех достаточно. Вот в этой атмосфере Розенблюм нес, с одной стороны, замечательную, данную ему

свыше причастность к русской классической культуре, от которой никогда не отрекался (и поэтому он, кстати, так много работал над пушкинской темой: музей Пушкина, первый музей, второй музей, вторая экспозиция первого музея, замечательные проекты, увы, неосуществленные, для усадеб), а с другой, у него была какая-то бесшабашная артистическая воля и свобода в интерпретации любой задачи. Это мог быть интерьер промышленного цеха, это мог быть прибор, это могла быть мебель, это могли быть куклы, которые делал кто-то другой. И во всех этих вещах у Розенблюма была врожденная способность превратить формальную задачу в задачу для себя. Это и есть художественный принцип, - способность пропустить через себя.

А самое замечательное, что он не только умел сам это делать, а умел этим заразить. И я один из этих зараженных, потому что когда в 64-м году он меня, совсем зелененького, только что кончившего архитектурный институт и начинавшего писать, пригласил своим партнером в создании Сенежской студии под крылом Союза художников, и в этой Сенежской студии работали вместе с ним над решением задач в общей сложности тысячи полторы художников-оформителей, дизайнеров, иногда архитекторов из всех почти республик Советского Союза – происходило чудо, чудо снятия ограничений, чудо некоторой художественной избыточности.

Ну, вот делали мы, помнится, такой проект для Елабуги, Елабуги, которая была тихим смешным городком, где главной темой, которая увлекла всех (человек 10 работало над этим проектом), была навязанная Розенблюмом (при общем сопротивлении!) тема Версаля. Сравните: Версаль – и Елабуга! Тем не менее, через формирование образа роскошного ландшафтного парка, переведенного на язык огорода, и посредством превращения огорода в Версаль Евгений Абрамович сумел увлечь всех настолько, что роскошный этот макет, который сооружался из цветной бумаги в течение нескольких недель, постепенно создал такой образец абсолютно современной ландшафтной архитектуры, которому равных я, пожалуй, не знаю. Это – ничего общего с Диснейлендом. Это просто новое видение устройства страны, устройства ландшафта. И прежде всего, это была попытка увидеть весь потенциал

этого замечательного городка, его ландшафтные возможности, и превратить реально существующую страну огородов по склонам (люди всегда жили с огородами) в главный парк, то есть сами огороды сделать роскошным парком. Это трудно описывать. К счастью, проект сохранился, к счастью, он опубликован.

НР: Но он все-таки не был осуществлен?

ВГ: Ну, нет, конечно. Дело в том, что, кроме музеев и выставок, осуществить что бы то ни было в ту пору было абсолютно невозможно. Во-первых, на это не хватало воли и средств, хотя частенько проектом увлекались и власти, и директора заводов, а во-вторых, было слишком большое сопротивление серенькой среды розенблюмовской бесшабашной артистической воле. Но, не будучи никогда прямо воплощенными, эти проекты сформировали образ мышления для сотен и сотен людей, которые считали и считают себя в той или иной мере учениками Евгения Абрамовича. И, пожалуй, сегодня многое из этого воплощается. И в архитектуре, потому что с ним работали и Евгений Асс, и Андрей Боков, и еще целый ряд других, и в преподавании дизайна, потому что с ним работал Александр Ермолаев, один из ведущих сегодня дизайнеров-концептуалистов в России. С ним работали кукольники, которые сегодня завоевывают везде призы и первые места. С ним работали плакатисты. Иными словами, своими концептуальными проектами, через которые прошли еще десятки ассистентов, ставшие сегодня мастерами, Евгений Абрамович, по сути дела, оплодотворил мышление целого поколения.

НР: А что вы думаете о его последнем осуществленном проекте, о музее города Егорьевска?

ВГ: Розенблюм обладал удивительным свойством: он продолжал учиться, развиваться всегда, до последнего момента. И всегда был новым и неожиданным. И это несколько неожиданное возвращение в Егорьевском музее как бы к Васнецову, к Билибину было некоторым шоком. Но, отработав в очень неплохом интерьере совершенно новую конструкцию, заразив своим проектом все егорьевское начальство сверху донизу, снизу доверху, втянув в это дело людей из Министерства культуры, Розенблюм сумел создать вещь, которую и постмодернистской не назовешь, и классической не назовешь,

и авангардистской не назовешь, но это... фантастическая индивидуальность. Вот есть такой Егорьевский музей, и все тут. Туда просто надо ехать, но описывать это я бы не дерзнул.

НР: Но если большинство проектов остались в листах, неосуществленными, то как же следующие поколения смогут продолжить и развить его идеи?

ВГ: Розенблюм был человеком устной культуры (редкое в наше время качество), но все-таки, не без помощи коллег, он сделал очень хорошую книгу о художественном проектировании. Остальное осталось в статьях, и вот музей Пушкина хочет делать регулярные чтения, посвященные Евгению Абрамовичу. Это не составление какого-то формального сборника, а обсуждение концепции современного музея вообще, что в значительной степени позволит сохранить эту память активно действующей.

НР: Только в конце жизни, в этом году Розенблюм дождался очевидных знаков признания и был награжден Государственной премией.

ВГ: Я был на этой церемонии как единственный приглашенный с его стороны, и это был чрезвычайно приятный миг. Он же был нормальный человек и, естественно, он жаждал успеха, жаждал признания. Оно трудно давалось, а признания только в кругу коллег-учеников было недостаточно. И я просто очень рад, что это состоялось.

НР: Да, он очень радостно, я бы даже сказала, с детским простодушным тщеславием принимал любые формы признания и интереса к себе.

ВГ: И это было натурально, а натуральное всегда привлекает. Он вообще очень забавно себя вел. Однажды случился дивный эпизод. Мы ехали с ним на машине (он был за рулем на Сенеж – это 70 километров из Москвы, а посередине – знаменитое Дурькино, где был майор милиции, который всегда нас подстерегал), и вез трех варшавских профессоров, очень тонких замечательных художников. Естественно, нас остановили, естественно, к нему придрались, и было дивное зрелище, когда посередине обочины Розенблюм рухнул на колени и воздел руки к небу. и тут даже дурькинский майор опешил и в конце концов отпустил. Он мог сыграть и так...

***

– А потом о Розенблюме рассказывала его старинная московская приятельница, вдова писателя Андрея Синявского Мария Васильевна Розанова.

М. Розанова: Дело в том, что Розенблюм – он был художник, и художник во всем, поэтому массу вещей с ним было очень интересно делать – работать, разжигать костер, ходить по городу... С ним было очень интересно хулиганить, например. И в то же время в нем была какая-то пронзительная доброта. Вот представьте себе ситуацию: получаю я от Синявского из лагеря шифрованное письмо: просит прислать посылку, состоящую исключительно из коньяка. Пять кило коньяку. А тогда продавался болгарский коньяк «Плиска», в тяжелых стеклянных бутылках, поэтому надо было пойти в магазин «Турист», купить легкие пластмассовые фляги, перелить этот коньяк, заадресовать на имя какого-то немца, который сидел вместе с Синявским в лагере и у которого был сговор с офицером, хозяином лагерной почты, причем сговор был такой, что немец получает посылку, половину отдает офицеру, оставшуюся половину делит на двоих, на себя и Синявского, ну, и сколько там Синявскому доставалось, можете себе представить, а Синявский это еще выпивал вместе с кем-то из друзей. И вот приходит ко мне как-то Розенблюм и видит, что под обеденным столом много-много пустых бутылок. И Розенблюм меняется в лице и говорит дрогнувшим голосом: «Марья Васильевна, я понимаю, что вам бывает очень тяжело, я понимаю, что вам бывает очень одиноко, но, пожалуйста, ради Бога, ради всего святого, не пейте одна. Если вам немогут, звоните мне. Хотите, мы с вами пойдем в любой ресторан вдвоем, хотите, мы пойдем с вами в ресторан втроем (имелась в виду жена его Татьяна Кирилловна), хотите, мы устроим выпивку у нас дома, только ни в коем случае не пейте одна».

Мне стало невероятно смешно, я долго смеялась и потом ему рассказала, откуда бутылки. После чего мы смеялись вместе.

НР: А вообще-то вы его давно знали?

МР: Я с ним познакомилась в декабре 67-го года на торжественном ужине в честь 10-летия журнала «Декоративное искусство». Меня посадили рядом с Розенблюмом, которого я знала только по фамилии. Он был член редколлегии

журнала, а я там время от времени печаталась. Был какой-то очень веселый, очень пьяный, очень свободный, очень красивый ужин. После чего Розенблюм отправился меня провожать. И вот тут как-то очень быстро выяснилось, что мы в чем-то одной крови, что мы с ним люди веселые и легкомысленные – раз, а во-вторых, и у него, и у меня священным словом было слово «работа». И закрутилась вот такая совершенно замечательная дружба – вокруг дела. А ничто так не сближает людей, как общая работа. Не чай пить, не трепаться за столом, не на дни рождения ходить, а что-то вместе сделать.

И вот однажды он позвал меня (а я человек многих профессий, и по одной из своих профессий я художник-металлист, ювелир) и предложил принять участие в работе для театра. Жена Розенблюма – Татьяна Кирилловна Коптева – была преподавателем Щукинского училища при театре Вахтангова. В тот год она вела молдавскую группу, которая выпускным спектаклем ставила «Золушку», и Татьяна Кирилловна пригласила Розенблюма сделать декорации, а Розенблюм позвал меня одеть и украсить актеров. Это были юные студенты, с прекрасными фигурами, когда ничего не надо скрывать-драпировать, и я решила не одеть их, а, наоборот, раздеть. Они были затянуты в балетные трико – злые силы в черные, добрые – в красные, а король, королева и принц – они были в белых трико. И в плащах. И вот на этих трико были развешаны мои украшения. А Розенблюм сделал лес из высоких (три с половиной метра!) затянутых фольгой узких листьев на круглых подставках. И в зависимости от того, какое было освещение, эти листья превращались в дворцовые колонны или в лес. И вот в Кишиневе уже шли последние репетиции, Розенблюм что-то такое делал на сцене и куда-то двигал эти деревья-листья, листья-колонны. И вдруг раздался гневный вопль Татьяны Кирилловны: «Художник, вы мне мешаете работать!» Это были люди, которые во время работы забывали все.

НР: Но ведь он был не только художник и автор музейных экспозиций, он был отчасти коллекционер, человек, ценивший присутствие в своем быту старинных красивых вещей. Правда вы когда-то говорили, что не только старинных.

МР: Я помню, как однажды он выпросил у меня холодное оружие. С юности в моем доме жили два замечательных, подаренных мне когда-то какими-то ранними, почти что школьными дыхателями предмета. Один из них был кастет, самодельный, литой кастет военного времени, раскроить таким кастетом любую голову, по-моему, можно было легко и просто. А еще была потрясающе красивая финка, с наборной ручкой, вот такого набора, как делали во время войны. И с лезвием удивительной формы. И Розенблум, увидев эту финку, в нее сразу влюбился и сказал, что без этой финки он из моего дома не уйдет. И что я просто обязана ему эту финку подарить. И так она ему нравилась, и он так откровенно любовался предметом, что ничего не оставалось, как предмет отдать. Вот эта вот страсть к красивому предмету, которая была заложена в Розенблюме, и сделала его музейный художником.

НР: Но при чем здесь Розенблумовское озорство?

МР: Однажды мы с Розенблумом отправились на какое-то ученое заседание про интерьер. И выступал какой-то скушняк. И Розенблум не выдержал: «А вот сейчас я, – говорит, – всему залу расскажу, что от этой зануды ушла жена». «Евгений Абрамович, ну как можно!» – взмолилась я. Я сама человек склонный к известным бандитским выходкам, но такое... «Ничего. – говорит, – МарьВасильна, не волнуйтесь. Мы это сделаем аккуратно». Попросил Розенблум слово, вышел к трибуне и стал рассказывать про одно произведение прикладного искусства. Про кровать. Не простую кровать, золотую – карельской березы, екатерининских времен, с лебедями и потрясающими спинками, ножками и всем, что должно быть у уникальной музейной кровати. Кровать эту знали все, она есть во всех книгах про русскую мебель. Хотя и находится в частном собрании. И во всех книжках было написано, в чем. И кончил наш Розенблум описание уникального ложа фразой: «И вот из этой кровати убежала жена!» Дальше – пауза, какое-то «ах!» и общее веселье в зале... Хулиганство было абсолютное, но придраться к нему было невозможно.

НР: А как вы встретились с Евгением Абрамовичем в Париже?

МР: Мы уехали в 73 году. И я думала, что мы с Розенблумом расстались навсегда. Потом началась перестройка,

потом люди стали ездить взад-вперед, и мы, приехав в Москву, встретились с Розенблюмом. Мы нашли друг друга постаревшими, но не образумившимися. И вот я приглашаю Розенблюма в Париж, и он приезжает, с дочкой, с внучкой, и в один прекрасный день я веду его в кабаре, в одно из самых знаменитых кабаре Парижа, в Crazy Horse. Все как в известной песне «там девочки танцуют голые, там дамы в соболях», – девочки действительно танцевали голые и только голые. Но это такое потрясающее зрелище, это так сделано, это такая красивая работа, и на такой высокой ноте... Розенблюм сжирал глазами весь спектакль. Но более всего меня поразила его горестная реплика когда мы оттуда вышли: «Как жалко, что с нами не было Таньки!» А Танька – это его восьмилетняя внучка. И вот представьте себе, на этот голый спектакль старик Розенблюм кого хотел привести? Свою восьмилетнюю внучку! Вся чистота Розенблюмовских помыслов в этой истории видна очень наглядно. А еще очень большая любовь и понимание красивого предмета и высокопрофессиональной работы.

***

– Последним осуществленным проектом Розенблюма был музей города Егорьевска. Наша беседа с Евгением Абрамовичем о Егорьевске и его музее вряд ли поможет кому-нибудь составить представление об этом небывалом произведении музейного творчества, но зато она поможет составить представление о художнике, с которым мы беседовали, увы, за три недели до его кончины. Он был весел, бодр, полон планов на будущее. Ему шел 82-й год. Когда за год до этого разговора, осенью 99-го года, мы ездили с Евгением Абрамовичем смотреть Егорьевский музей, он сказал по дороге: «Было два гнезда русского модерна, я создал третье». И в начале нашей беседы я попросила его объяснить этот тезис подробнее.

Е. Розенблюм: После периода эклектики в системе мировой культуры появилось некое стремление к стилю. И вот это начало новой стилистики, начало поиска нового стиля, во всех странах называлось либо неоромантизмом, либо национальным романтизмом. Если говорить о произведениях, кото-

рые всем более чем известны, то это какой-нибудь Васнецов с «Тремя богатырями», «Аленушка с серым волком», некие опусы на тему истории и легенд и мифов страны, о которой идет речь. Было, к примеру, две известные группы русских художников, связанных с этим направлением, с одной стороны, а с другой – с первыми шагами модерна. Эти люди вместе жили, обычно летом, и разговаривали, беседовали, и каждый делал те произведения, которые его увлекали. Так вот – Абрамцево и Талашкино. Это было два таких места. Ну, им нужно было обязательно привязаться как-то к тому месту, где они находились. И вот они выдумывали, по сути дела, историю того места, которое питало их кружок. То есть это в значительной степени нафантазированная история.

И вот нечто подобное я создал в музее города Егорьевска, как бы отдавая дань той культурной работе, которая шла в этом городе в начале века.

Управление культуры области попросило меня съездить в Егорьевск, познакомиться с музейщиками и, может быть, сделать проект их музея. Я туда приехал и, в общем, в этих людей влюбился. Оказалось, что это интереснейший город, с живой исторической памятью. До революции в нем было всего 30 000 жителей. При этом там было семь театров! Семь театров, семь театральных помещений, труппы были гастролирующие. Одно из помещений всегда занимали итальянские гастролеры, итальянские певцы. Другие еще кто-то, третьи еще кто-то и так далее, то есть, короче говоря, семь театров. А это – 90 километров от Москвы, при отсутствии дороги (это сейчас дорога есть – а тогда ее не было), и, помимо семи театров, в этом городе было сорок (!) заведений, которые мы сегодня назвали бы клубами по интересам. На самом деле это было нечто вроде трактиров. Но каждый трактир имел свой специалитет. Либо русский народный хор, либо итальянские певицы, либо медведи, либо черт знает что. В этом городе было несколько крупных заводов. Один – текстильная мануфактура, владельцем которой был городской голова. А остальные – машиностроительные заводы.

Все это длилось очень недолго, расцвет Егорьевска – это десятый год. Тогда же, когда расцвет всей России. Половина крупного московского промышленного капитала пришла

из Егорьевска. Ну, а дальше еще целый ряд совпадений интересных: например откуда вся эта коллекция в Егорьевском музее? Женой городского головы, владельца этой мануфактуры, некоего Бардыгина, была Бахрушина...

НР: Но первое, что приходит на ум при имени Бахрушина – Театральный музей...

ЕР: Музей Бахрушина безумно испорчен тем, что он стал театральным музеем! Когда это был просто Бахрушинский музей, он был музеем семьи Бахрушиных: что они делали, что выпускали, чем занимались, и это все было страшно интересно. А семья Бахрушиных была связана с известнейшим московским антикваром Постниковым, и этот Постников собирал коллекцию фактически для двух музеев: для московского бахрушинского музея и для бахрушинского музея Егорьевска.

Какую коллекцию? – ну, знаете, как собирали любители – коллекцию всего. Особое внимание уделялось прикладному искусству, но так сказать – это было бы не совсем правильно. Там великолепная живопись, великолепная иконопись, великолепная деревянная резная скульптура, очень трудно определить эту коллекцию... Но, например, когда Гжели нужно показать свои старые вещи, они берут их в моем музее, в Егорьевском. В самой Гжели этих вещей нет...

Егорьевск – это типичный русский городок. На самом деле он старый, он получил статус города еще при Екатерине, но никаким городом не был, это было все-таки село. Они просто выбирали место, где развить промышленность. И начали со строительства – чего? – храма! И, по сути дела, в деревне, в которой было, я не знаю, две-три тысячи жителей, они построили храм на пять тысяч прихожан, поручив строительство храма знаменитому Бове. Так они понимали развитие того, что они собираются делать. Они до сих пор об этом храме песни поют. Его в 30-х годах взорвали... Не удержались. Долго простоял, и потом его взорвали. Бардыгин с помощью этого самого Постникова собрал великолепную коллекцию. Сегодняшняя экспозиция, как мне говорили музейщики, это одна пятая – одна седьмая из того, что у них было, все остальное отобрали другие музеи: Исторический, Истринский, в общем,

нету города в стране, в котором не было чего-нибудь из их коллекции.

НР: А на каком этапе был заброшен Щусевский проект, который вы нашли в фондах?

ЕР: Не строил никто щусевской башни, не создавал новый музей, у них был старый краеведческий музей, где все лежало в фондах – город уже заглох. К тому времени, как я там появился, там не работала вся промышленность. Вообще расцвет Егорьевска – это до первой мировой войны. А потом все было прервано уже не столько войной, сколько революцией и всеми последующими событиями.

НР: И вот только теперь, в последние годы, город Егорьевск вернулся к своей истории?

ЕР: Ну, город Егорьевск, может быть, к истории и вернулся, но его положение ужасно. Мы делали музей весь бесплатно. Я не получал ни копейки, и сотрудники музея не получали ни копейки... Они до сих пор живут на своих огородах, им выделили участки на территории города. Они что-то сажают, что-то собирают, ну, сейчас уже кое-что зарабатывают, но очень немного.

Есть промышленность, она почти не работает. Но все-таки она музей сделала. эта неработающая промышленность. Мэр города, глава городской администрации, который себя мнит наследником этого Бардыгина, заявил своим всем заводам: либо я вас обанкрочу за то, что вы мне никаких налогов не платите, либо делайте бесплатно все, что нужно музею.

И всему городу захотелось делать музей. Вообще Егорьевск – город с предельно дружной интеллигенцией, это школьные учителя, преподаватели всяких техникумов, вузов, врачи... Они все друг с другом переплетены, постоянно встречаются, и когда я к ним приехал, у них была совершенно феноменальная самодеятельность, чем они меня покорили. Они ставили сцены из истории своего города. Сами писали текст, сами играли. Играли дети, играли взрослые, совсем маленькие дети, студенты и старухи. Все играли. все читали какие-то стихи, и все это было очень красиво. И выпустили книгу (и я был на презентации этой книги). Они выпустили репринт с издания 10-го года об этом самом Бардыгине. Эта книга, по сути дела, собрала богатейшее наследие орнамента так назы-

ваемой «гусллярской области». Там испокон веков рисовали орнаменты. Орнаменты к старинным рукописям, потом, уже позже, орнаменты к старообрядческим рукописям.

И я взял этот орнамент основным элементом дизайна. То есть сделал следующее. Утверждают, что этот орнамент когда-то был во дворцах Ивана Третьего. Но!.. Ни одного дворца Ивана Третьего никто не видел. Этих дворцов не осталось. И были ли они, никто не знает. Если они были, то, скорее всего, они были деревянные. А если они были деревянные, на них не могло быть такого орнамента. Это чистый миф, никогда нигде эти орнаменты не существовали кроме, так сказать, источников бумажных. И вот когда я познакомился с этой книгой, я решил впервые перенести все то, что там создавалось и хранилось в качестве орнаментов и геральдических росписей в литературе – в архитектуру. И вот сделали такую псевдо-выдуманную архитектуру.

Но! Почему я начал разговор с Абрамцева и Талашкина. У них такая же выдуманная архитектура и у тех, и у других. Выдумывали себе корни. Я сделал точно то же самое, и выдумал корни этих росписей. То есть это чистая игра на вот этом раннем модерне. И так вышло, как я говорю, третье гнездо: Абрамцево, Талашкино и наш Егорьевск. Ну а дальше – я был в нем очень волен. Потому что и орнаменты были взяты из книг, я мог брать все, что мне вздумается. И дальше выдуманы были всякие драпировки, и так далее. Это начало модерна, который разрешал все, что угодно.

А потом, прошу прощения, мне денег никто не платил, поэтому я был в этих работах полностью свободен...

СОДЕРЖАНИЕ

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

<i>М.Розанова. Кавказская пленница</i>	3
<i>М.Розанова. Я и vox populi</i>	12
ПУТИН – ЭТО НАШЕ ВСЕ	
1. АНКЕТА «СИНТАКСИСА»:	
<i>А.Кабаков, Д.Фурман, В.Бондаренко, А.Грачев, Ю.Вишневская, А.Пятигорский, В.Белоцерковский</i>	29
2. ...БОЖЬЯ РОСА:	
<i>В.В.Путин. Указ № 1</i>	40
<i>А.Кабаков. И все сказав, он слез с танка</i>	40
<i>А.Коржаков. Стране нужен новый КГБ</i>	42
3. ИТОГО...	
<i>Д.Фурман. Сизифов труд народа и президента</i>	43
<i>Л.Мартинез. Курская аномалия</i>	48

СПЕЦХРАН

<i>А.Б.Залкинд. О заболеваниях партактива</i>	61
<i>Лев Копелев. Письмо Солженицыну</i>	87

В САДАХ РОССИЙСКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

<i>Эдуард Лимонов. Священные монстры</i>	103
<i>Белла Улановская. Сила топонимики</i>	115
<i>Игорь Померанцев. Одной ногой в перегнутое</i>	123
<i>Из архива Андрея Синявского</i>	127
<i>Илья Мильштейн. Двести лет как жизни нет</i>	134

IN MEMORIAM

<i>Н.Рубинштейн. Наставникам, хранившим юность нашу</i>	140
<i>Л.С.Салямон. Фима</i>	148
<i>М.Орлова, А.Тарханов. Евгений Розенблюм</i>	173
<i>Н. Рубинштейн. Портрет в профиль</i>	175

Радуйтесь,
может быть
он жив...

КАЛУЙ, половина звон...

...была от...
...кардиоко...
...в Баку...
...вечей, как ни...
...таких возмож...

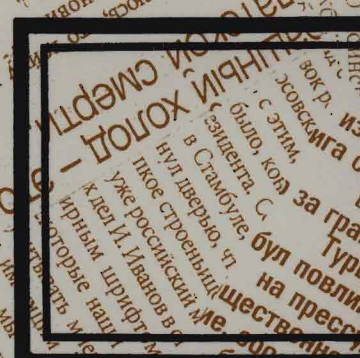
...приним...
...ты моего са...
...Как быть?

Резкая реакция За...
...продемонстрир...
...связана с пугающей...

...обуаются...

СТРЕЛКА В ГРОЗНОМ

ПЕРЕСТРЕЛКА В ГРОЗНОМ

...и заповедни...
...противоречия...
...чеченские...
...авансцену...
...мировой...
...политики не...

...кто-то узнать насчет...
...граховки? И еще...
...прос: как солдат...
...ам засчитывает...
...время про...

361-84...
...мор...